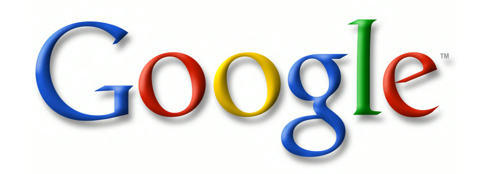
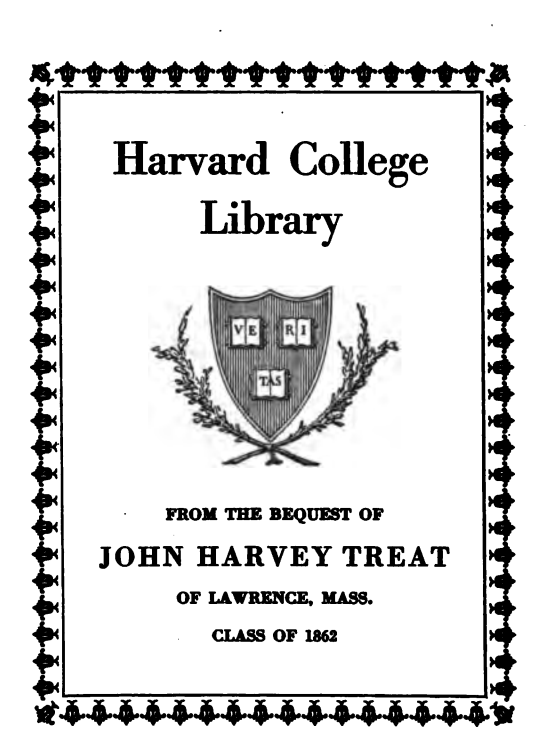



Harvard College
Library
VE RI TAS
FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ

АКАДЕМІИ.

Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу. Ефес. 2, 20.

ЧАСТЬ ОСЬМНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕР. ВНУТР. ДѢЛЪ.

1825 ГОДА.

Съ дозволенія

Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Санктпетербургской Духовной Академіи.

I.

СВ. СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРІАНА ЕПИСКОПА КАРѲАГЕНСКАГО

СЛОВО

О ЗАВИСТИ И ЗЛОБѢ.

Завидовать тѣмъ, которые кажутся намъ добрѣе и лучше насъ, возлюбленные братія, нѣкоторые почитаютъ легкимъ и обыкновеннымъ грѣхомъ; почитая же зависть легкимъ и обыкновеннымъ грѣхомъ, не боятся ея; не боясь, пренебрегаютъ ею; пренебрегая, не принимаютъ никакого труда убѣгать ее—и она обращается въ тайную и непредвидимую гибель, которая, поелику ее не предвидятъ и отъ ней не предостерегаются, нечаяннымъ образомъ поражаетъ недальновидныя души. Но Господь повелѣлъ намъ быть мудрыми, и заповѣдалъ бодрствовать

съ осторожною заботливостію, (Матѳ. 10, 16. 23, 42.) дабы недремлющій и всегда коварствующій врагъ, вкравшись въ сердце, не раздулъ пожара изъ искры, и изъ малаго не сдѣлалъ великаго; дабы онъ, ласкаякая разслабѣвшимъ и неосторожнымъ людямъ въ пріятномъ дыханіи тихихъ вѣтерковъ, не воздвигъ бурныхъ вихрей, не разрушилъ до основанія вѣру, и не разбилъ корабль жизни.

И такъ надобно быть на стражѣ, возлюбленные братія, и всѣми силами стараться о томъ, чтобы со всѣмъ неусыпнымъ попеченіемъ противустоять свирѣпому врагу, направляющему свое оружіе на всѣ члены нашего тѣла, въ какіе только мы можемъ быть поражены и уязвлены. Почему Апостолъ Петръ въ посланіи своемъ научаетъ насъ, говоря: *Трезвитеся, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити.* (1 Петр. 5, 8.) Онъ ходитъ вокругъ каждаго изъ насъ, и, какъ врагъ, облежащій осажденныхъ, осматриваетъ стѣны, и испытываетъ, нѣтъ ли въ тѣлѣ какой нибудь части менѣе крѣпкой, и менѣе

надежной, сквозь которую можно было бы ему вторгнуться внутрь. Представляетъ глазамъ прелестные образы и удобоисполнимыя удовольствія, дабы чрезъ зрѣніе нарушить чистоту. Обольщаетъ ухо мусикійскимъ согласіемъ; дабы слышаніемъ сладостныхъ звуковъ разнѣжить и разслабить крѣпость Христіанскую. Возбуждаетъ къ злословію языкъ, подвизаетъ руку къ наглому убійству чрезъ оскорбительныя обиды: дабы сдѣлать кого нибудь обманщикомъ, предлагаетъ неправедные прибытки: дабы плѣнить душу богатствомъ, внушаетъ безчестные обороты: обѣщаетъ земныя почести, дабы лишить небесныхъ: выказываетъ ложь, дабы утаить истину: и когда не въ силахъ бываетъ обмануть тайно, устрашаетъ открытымъ и насильственнымъ образомъ, наводя ужасъ грознаго гоненія; всегда заботится о томъ, какъ бы преодолѣть рабовъ Божіихъ, и всегда непріязненъ: лукавъ во время мира, нагль во время гоненія.

По сему, возлюбленные братія, духъ, на брань вооруженный, долженъ стоять противъ всѣхъ хитрыхъ козней и открытыхъ

угрозъ діавола, будучи всегда столько же готовъ къ отраженію врага, сколько врагъ всегда готовъ къ нападенію. И поелику онъ чаще бросаетъ свои стрѣлы тайнымъ и скрытнымъ образомъ; то, чѣмъ бываемъ мы недальновиднѣе, тѣмъ жесточайшими и многократнѣйшими онъ поражаетъ насъ язвами. Естьли кто совершенно сіе разсмотритъ, тотъ найдетъ, что Христіанинъ ничего не долженъ болѣе остерегаться, ни въ чемъ не долженъ быть болѣе предусмотрителенъ, какъ въ томъ, чтобы не заразиться какъ нибудь завистію и злобою; чтобы кто нибудь, запутавшись въ тайныхъ сѣтяхъ коварнаго врага, по невѣдѣнію не погибъ самъ отъ своего меча, когда по зависти братъ начинаетъ ненавидѣть брата. А дабы сіе полнѣе уразумѣть и яснѣе увидѣть, обратимся къ первому началу зависти.

Посмотримъ, откуда, когда, и какъ получила свое начало зависть; ибо для насъ удобнѣе будетъ избѣжать столь пагубнаго зла, естьли мы узнаемъ, сколько оно велико, и откуда происходитъ. Съ самаго начала міра первый погибъ и другихъ погубилъ

діаволъ. Онъ, облеченный нѣкогда Ангельскимъ величіемъ, пріятный и любезный Богу, увидѣвъ созданнаго по образу Божію человѣка, отъ зложелательства и злобы впалъ въ зависть, и по влеченію зависти не прежде другаго низвергнулъ, какъ напередъ самъ былъ уже низвергнутъ завистію; самъ сдѣлался плѣнникомъ, прежде нежели плѣнилъ другаго; самъ погибъ, прежде нежели погубилъ; отнимая у человѣка по ненависти благодать дарованнаго ему безсмертія, и самъ потерялъ то, чѣмъ былъ прежде,

По истинѣ, какое то зло, возлюбленные братія, отъ котораго палъ Ангелъ, которое могло обнять и ниспровергнуть оную превознесенную и преславную высоту, которымъ прельстился самъ обольститель, какое зло, какъ не зависть?—Зависть неистовствуетъ на землѣ съ того времени, какъ погибающій отъ злобы человѣкъ повинуется учителю погибели: съ того времени какъ завистливый подражаетъ діаволу. По сему сказано въ писаніи, *Завистію діаволею смерть вниде въ міръ: вкушаютъ же ю, иже отъ вя части суть.* (Прем. 2, 24.) Отсюда—

то ненависть первыхъ братьевъ получила свое начало; отсюда ужасныя отцеубійства; неправедный Каинъ завидуетъ праведному Авелю;—злой по зависти и ненависти гонитъ добраго. Неистовство зависти столь было сильно къ совершенію злодѣйства, что убійца не вспомнилъ ни о братской любви, ни о лютости злодѣянія, ни о страхѣ Божіемъ, ни о наказаніи за преступленіе. Несправедливо притѣсненъ тотъ, кто первый оказывалъ справедливость; подпалъ ненависти тотъ, который не умѣлъ ненавидѣть; убитъ беззаконно тотъ, который умирая не противился. Зависть также была причиною того, что Исавъ сдѣлался врагомъ брату своему Іакову. (Быт. 27, 41.) Ибо за то, что сей получилъ благословеніе отца, первый возгорѣлся огнемъ зависти, и изъ ненависти началъ его гнать. Зависть была причиною того, что Іосифъ проданъ былъ своими братьями. Онъ, безъ умысла разсказавъ имъ, какъ братъ братьямъ, то, что видѣлъ во снѣ для себя благопріятнаго, вошелъ у нихъ въ ненависть.—По чему другому, естьли не по той же зависти Царь Саулъ ненавидѣлъ Давида, многократно воздвигалъ на него го-

ненія, хотѣлъ умертвить невиннаго, *милосердаго*, съ *кротостію терпящаго*? (1 Цар. 18, 5.) За то, что Давидъ убилъ Голіаѳа, и, удостоившись Божественной помощи, истребилъ столь страшнаго врага, удивленный народъ торжественными восклицаніями восхвалялъ Давида; а въ сердцѣ Саула отъ зависти возродились мученія, неразлучныя съ тайною ненавистію и гоненіемъ ближняго. Но дабы не распространить слово приведеніемъ частныхъ примѣровъ, обратимъ вниманіе на погибель цѣлаго, вдругъ погибшаго, народа. Не отъ того ли погибли Іудеи, что лучше хотѣли Христу завидовать, нежели вѣровать? (Матѳ. 12, 24.) Порицая Его за великія дѣла Его, они ослѣплены были завистію, и не могли открыть очей сердца къ уразумѣнію Божественныхъ вещей.

И такъ, возлюбленные братія, попечемся мужественно ограждать преданныя Богу сердца отъ зла столь пагубнаго. Смерть другихъ да послужитъ къ нашему спасенію; казни, совершаемыя надъ безразсудными, да обратятся во благо разумнымъ. Нѣтъ причины думать, что сіе зло есть только мни-

мое, или заключается въ тѣсныхъ предѣлахъ. Далеко простирается многообразное и плодовитое зло, происходящее отъ зависти. Она есть начало всѣхъ золъ, источникъ кровопролитій, корень грѣховъ, причина казней. Отъ нея произходитъ ненависть, отъ нея распри. Завистію возбуждается сребролюбіе, когда не довольствуются своимъ стяжаніемъ, видя другихъ богатѣе себя. Отъ зависти раждается гордость, когда видятъ, что другіе достигаютъ высшихъ почестей. Зависть ослѣпляетъ наши чувства, плѣняетъ всѣ наши мысли, и мы пренебрегаемъ страхъ Божій, нерадимъ о Христовомъ ученіи, не помышляемъ о страшномъ судѣ. Зависть вдыхаетъ презорство, раздражаетъ ярость, внушаетъ вѣроломство, колеблетъ нетерпѣніемъ, приводитъ въ неистовство раздорами, воспламеняетъ гнѣвомъ; и тотъ, кто отдался во власть ея, не можетъ уже обуздать себя и править собою. Отъ сего-то разрывается союзъ мира Господня, нарушается братская любовь, искажается истина, расторгается единство, возникаютъ ереси и расколы; нареканія на Священниковъ и ненависть къ Епископамъ, сопровождаемыя

или жалобами на то, что не мы посвящены въ сей санъ, или пренебреженіемъ тѣхъ, кои намъ предпочтены. Отъ сего-то гордый изъ зависти не покоряется, производитъ возмущеніе и предается безчинству,—отъ распри и злобы дѣлается врагомъ не человѣка, но почести.

Но какая низость души, какое поврежденіе ума, какое растлѣніе сердца, завидовать другому или въ его добродѣтеляхъ, или въ счастіи, то есть, ненавидѣть въ немъ или собственныя его заслуги, или благодѣянія Божіи, превращать въ бѣдствіе для себя чужія блага, мучиться по причинѣ благополучія высшихъ, вмѣнять себѣ въ наказаніе славу другихъ; водворять въ свое сердце жестокихъ мучителей, предоставить имъ во власть всѣ мысли и чувствованія, дабы они терзали насъ тайными муками, дабы втайнѣ раздирали сердце ненавистію? Такіе люди не могутъ ни ѣсть ни пить съ удовольствіемъ; они всегда воздыхаютъ, стонутъ и скорбятъ: и поелику завистливыхъ никогда не оставляетъ злоба, то недугующія оною сердца ихъ день и ночь безпрес-

танно разрываются. Всякое другое зло имѣетъ свои предѣлы, и всякое преступленіе по совершеніи прекращается. Такъ въ сластолюбцѣ оканчивается преступленіе по удовлетвореніи страсти; въ разбойникѣ злодѣйство ограничивается убійствомъ; грабитель, похитивъ добычу, перестаетъ грабить; обманщикъ, сдѣлавъ обманъ, удерживается отъ обмана. Но зависть предѣловъ не имѣетъ. Она есть зло постоянное, есть грѣхъ безконечный; и чѣмъ счастливѣе бываетъ тотъ, кому завидуютъ, тѣмъ большею противъ него возгарается злобою завистникъ. Ея отпечатки суть: грозный видъ, суровый взглядъ, блѣдность лица, дрожащія губы, скрежетъ зубовъ, неистовыя слова, наглыя ругательства, руки, готовыя къ кровопролитію и убійству, которыя и безъ меча вооружены ненавистію разъяреннаго до бѣшенства сердца. По сему-то Духъ Святый у Псалмопѣвца говоритъ: *Не ревнуй спѣющему въ пути своемъ*. И еще: *Назираетъ грѣшный праведнаго, и поскрежещетъ нанъ зубы своими: Господь же посмѣется ему, зане прозираетъ, яко пріидетъ день его.* (Псал. 36, 7. 12.) Таковыхъ блаженный

Апостолъ Павелъ описываетъ въ слѣдующихъ словахъ: *Ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ: ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги ихъ пролiяти кровь. Сокрушенiе и озлобленiе на путехъ ихъ: и пути мирнаго не познаша. Нѣсть страха Божiя предъ очима ихъ.* (Римл. 3,13—18.) Гораздо снохнѣе то зло и меньше опасность, когда тѣло уязвляется мечемъ. Удобно можно остеречься, когда видишь наносимый ударъ; и скоро заживляется рана при помощи лѣкарства, когда она бываетъ на виду: но язвы зависти невидимы и сокровенны, и гнѣздясь съ тайною скорбiю во внутренней глубинѣ сознанiя, не допускаютъ туда цѣлительныхъ средствъ. Кто бы ты ни былъ, естьли ты завистливъ и золъ, то знай, что сколько бы ты ни былъ опасенъ, вреденъ и ненавистливъ въ отношенiи къ тѣмъ, которыхъ ненавидишь; но при всемъ томъ ничьему благополучiю столько не причиняешь вреда, какъ твоему собственному. Кому бы ты ни завидовалъ, всякой можетъ избѣжать тебя и укрыться: но ты не можешь избѣжать самаго себя: гдѣ бы ты ни былъ, противникъ твой съ тобой, врагъ

всегда остается въ твоемъ сердцѣ, мучитель находится внутрь тебя;—ты связанъ цѣпію нерѣшимыхъ узъ, ты плѣнникъ: ибо зависть обладаетъ тобою, нѣтъ для тебя никакихъ утѣхъ. Неистребимое зло—гнать человѣка, участвующаго въ благодати Божіей! невознаградимое несчастіе—ненавидѣть счастливца, потому только, что онъ счастливъ!

По сему-то, возлюбленные братія, Господь, отвращая сію опасность, дабы кто нибудь изъ зависти къ брату не впалъ въ сѣть смертную, сказалъ ученикамъ своимъ, когда они спросили его, кто изъ нихъ больше: *Болій въ васъ, да будетъ яко мній,* (Лук. 22, 26.) и симъ своимъ отвѣтомъ пресѣкъ всѣ причины и случаи къ пагубной зависти. Ученику Христа несвойственно ненавидѣть и завидовать. Не можетъ быть между нами споровъ о возвышеніи. Мы восходимъ на высоту, начиная съ смиренія: мы узнали способъ, какъ поступать въ семъ отношеніи. Наконецъ и Апостолъ Павелъ, научая насъ, чтобы мы, просвѣщенные свѣтомъ Христовымъ и освобожденные изъ

тьмы нощнаго хожденія, ходили въ дѣлахъ свѣта, пишешъ и говоришъ: *Нощь прейде, а день приближися: отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта. Яко во дни, благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію.* (Римл. 13, 12. 13.) Естьли тьма отступила отъ твоего сердца; естьли ночь изчезла отъ него; естьли мракъ разсѣянъ; естьли дневное сіяніе просвѣтило твои чувства; естьли ты сдѣлался человѣкомъ свѣтлымъ: то твори дѣла Христовы; ибо Христосъ есть свѣтъ и день. Почто ты устремляешься во мракъ зависти? Почто покрываешься облакомъ злобы? Почто мглою зависти затьмѣваешь все сіяніе мира и любви? Почто возвращаешься къ діаволу, отъ котораго отрекся? Почто уподобляешься Каину? Ибо Апостолъ Іоаннъ въ своемъ посланіи всякаго человѣка, который завидуетъ ближнему и ненавидитъ его, называетъ человѣкоубійцею, говоря: *Всякъ ненавидяй брата своего, человѣкоубійца есть: и вѣсте, яко всякъ человѣкоубійца не имать живота вѣчнаго въ себѣ пребывающа.* (1 Іоан. 3, 15.) И

еще: *Глаголяй себе во свѣтѣ быти, а брата своего ненавидяй, во тмѣ есть доселѣ, и во тмѣ ходитъ, и не вѣсть, камо идетъ, яко тма ослѣпи очи ему.* (2, 9. 11.) Онъ говоритъ: *Кто ненавидитъ брата своего, тотъ ходитъ во тмѣ, и не знаетъ, куда идетъ.* Ибо, не зная, идетъ въ геенну, не зная, слѣпо устремляется на казнь, то есть, уклоняясь отъ свѣта—Іисуса Христа, который свидѣтельствуетъ о Себѣ: *Азъ есмь свѣтъ міру: ходяй по Мнѣ, не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный.* (Іоан. 8, 12.) Идетъ же по Христѣ тотъ, кто поступаетъ по Его заповѣдямъ, шествуетъ по стези Его ученія, идетъ по Его слѣдамъ и Его путемъ, подражаетъ Его дѣламъ и ученію; почему и Апостолъ Петръ увѣщеваетъ, говоря: *Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ его.* (1 Петр. 2, 21.)

Припомнимъ здѣсь, возлюбленные, какія имена даетъ Христосъ своимъ послѣдователямъ и своему стаду: Онъ называетъ ихъ овцами, чтобы Христіане уподоблялись овцамъ своимъ незлобіемъ; называетъ агнцами,

чтобы они простотою сердца подражали простой природѣ агнцевъ. (Іоан. 21, 17.) Почто же подъ одеждою овчею скрывается волкъ? Почто безчеститъ Христово стадо ложно называющій себя Христіаниномъ? Носить Христово имя, но не итти путемъ Христовымъ, не значитъ ли измѣнять имени Божію, не значитъ ли оставлять путь спасенія? Самъ Іисусъ Христосъ научая говоритъ, что къ жизни приходитъ тотъ, кто хранитъ Его заповѣди; что мудрый есть тотъ, кто слушаетъ Его слова и поступаетъ по онымъ; что великимъ учителемъ въ небесномъ царствѣ наречется тотъ, кто сотворитъ и научитъ; (Матѳ. 5, 19.) что проповѣдующій тогда получитъ пользу отъ хорошей и назидательной своей проповѣди, когда то, что произноситъ устами, исполнено будетъ на самомъ дѣлѣ. Но что̀ всего чаще Господь внушалъ ученикамъ своимъ, и что̀ съ особенною силою завѣщалъ хранить между прочими спасительными своими наставленіями и небесными заповѣдями,—естьли не то, чтобы тою же любовію, которою Онъ Самъ возлюбилъ учениковъ, и мы любили другъ друга? Какъ же сохранитъ или

миръ Господа, или любовь Его тотъ, кто отъ зависти неспособенъ ни къ миру, ни къ любви? По сему-то и Апостолъ Павелъ, говоря о плодахъ мира и любви, твердо увѣряетъ и научаетъ, что ему самому не принесли бы пользы ни вѣра, ни милостыни, ни самое страданіе исповѣдника и мученика вѣры, естьли бы онъ свято не сохранилъ завѣта любви, и потомъ присовокупляетъ сіи слова: *Любы долготерпитъ, милосердствуетъ, любы не завидитъ.* (1 Кор. 13, 4.) Чрезъ сіе онъ ясно показываетъ, что тотъ только можетъ сохранить любовь, кто великодушенъ, милосердъ, независтливъ и незлобивъ. Онъ же въ другомъ мѣстѣ научая, что человѣкъ, исполненный Духа Святаго, и посредствомъ небеснаго рожденія содѣлавшійся сыномъ Божіимъ, стремится къ одному духовному и божественному, говоритъ: *И азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати, яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцемъ о Христѣ. Млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ: ибо не у можасте, но ниже еще можете нынѣ: еще бо плотстіи есте; идѣже бо въ васъ за-*

висти и ревнія и распри, не плотстіи ли есте, и по человѣку ходите? (1 Кор. 3, 1—3.)

Надобно, возлюбленные братія, истребить пороки и грѣхи плоти, надобно преодолѣть противувоюющую слабость земнаго тѣла крѣпостію духа, дабы не попасть намъ въ сѣти смерти, обращаясь паки къ дѣламъ ветхаго человѣка, какъ предостерегаетъ насъ отъ того со всею заботливостію о нашемъ спасеніи Апостолъ Павелъ. *Тѣмже убо братіе, должни есмы не по плоти, еже по плоти жити: аще бо по плоти живете, имате умрети: аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете. Елицы бо Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи.* (Римл. 8, 12—14.) Естьли мы сыны Божіи, естьли содѣлались храмомъ Духа Святаго, естьли приняли Его въ себя, естьли живемъ свято и духовно, естьли отъ земли вознесли очи къ небу, естьли сердце, обитаемое Богомъ и Христомъ, устремили горѣ, къ вещамъ Божественнымъ: то должно намъ дѣлать только то, что достойно Бога и Христа, какъ и Апостолъ убѣждаетъ насъ, говоря: *Аще воскреснусте со Хрис-*

томъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя. Горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ: егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ. (Колос. 3, 1—4.) И такъ мы, умершіе и погребенные въ крещеніи для плотскихъ грѣховъ ветхаго человѣка, мы, совоскресшіе Христу въ небесномъ возрожденіи, должны и думать и творить то, о чемъ думалъ и что творилъ Христосъ, какъ опять тотъ же Апостолъ научаетъ и убѣждаетъ насъ, говоря: *Первый человѣкъ отъ земли, перстенъ: вторый человѣкъ, Господь съ небесе. Яковъ перстный, таковы и перстніи: и яковъ небесный, тацыже и небесніи: и якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго.* (1 Кор. 15, 47—49.) Но мы не можемъ облещись въ небесный образъ, не бывъ подобны Христу,—не перемѣнивъ то, чѣмъ мы были, и не сдѣлавшись тѣмъ, чѣмъ мы не были, да просіяетъ и въ насъ Божественное рожденіе, да будетъ сообразно съ волею Бога Отца Божественное наше воспитаніе, да про-

славишся Богъ въ человѣкѣ честнымъ и похвальнымъ житіемъ его, какъ Самъ Онъ заповѣдуетъ, и взаимно обѣщаетъ прославить прославляющихъ Его: *Прославляющія Мя прославлю, и уничижаяй Мя безчестенъ будетъ*. (1 Цар. 2, 30.) Къ сему-то прославленію располагая и приготовляя насъ Господь, и внушая чадамъ Божіимъ подобіе Бога Отца, въ Евангеліи своемъ говоритъ: *Слышасте, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ напасть, и изгонящія вы: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ, на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя*. (Матѳ. 5, 43—45.) Ежели для людей бываетъ восхитительно и славно, имѣть подобныхъ себѣ чадъ; и тогда наипаче пріятно быть родителемъ, когда дѣти выражаютъ его сходствомъ съ нимъ въ чертахъ лица: то кольми паче большая бываетъ радость у Бога Отца, когда кто раждается духовно, и своими дѣлами и дос-

шохвальными качествами свидѣтельствуетъ о Божественномъ рожденіи. Какое торжество, какой вѣнецъ правды, не быть изъ числа тѣхъ, о которыхъ Богъ скажетъ: *Сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене*; (Иса. 1, 2.) но содѣлаться такимъ, котораго восхвалитъ Христосъ, и призоветъ вмѣстѣ съ другими къ наградѣ сими словами: *Пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра!* (Матѳ. 25,.34.)

Сими размышленіями, возлюбленные братія, должно ободрять духъ, сими упражненіями должно укрѣплять его противъ всѣхъ стрѣлъ діавола. Очи наши да будутъ заняты чтеніемъ Божественныхъ книгъ, руки — добрыми дѣлами, умъ—помышленіемъ о Господѣ. Будемъ молиться непрестанно. Будемъ постоянно содѣвать наше спасеніе. Будемъ всегда заниматься дѣлами духовными, дабы всегда, когда только приступитъ, когда только покусится подойти къ намъ врагъ, находилъ онъ наше сердце и затвореннымъ для него и вооруженнымъ. Ибо у Христіанина не одинъ тотъ вѣнецъ, кото-

рый получаешся во время гоненія. Есть вѣнцы и во время мира, которыми украшаемся мы за побѣду — за пораженіе и покореніе врага на многообразныхъ и многократныхъ браняхъ. Преодолѣть похоть, есть торжество воздержанія. Противустать гнѣву, несправедливости, есть вѣнецъ терпѣнія. Презрѣть богатство, есть побѣда надъ любостяжаніемъ. Въ упованіи будущихъ благъ сносить бѣдствія міра, есть похвала вѣры. И тотъ, кто не гордится въ счастіи, пріобрѣтаетъ славу за свое смиреніе. Кто расположенъ къ милосердію и призрѣнію нищихъ, тотъ получаетъ въ возмездіе небесныя сокровища. Кто не знаетъ зависти, кто единодушенъ и кротокъ, кто любитъ своихъ ближнихъ; тотъ самъ бываетъ за сіе любимъ и наслаждается жизнію мирною.

Мы ежедневно течемъ по сему поприщу добродѣтелей, и непрестанно достигаемъ сихъ побѣдъ и вѣнцовъ правды. Дабы и ты могъ получить ихъ, ты, которымъ прежде обладала зависть и злоба; то оставь прежнюю свою злость, перемѣнись и иди къ вѣчной жизни по слѣдамъ спасительнымъ.

Исторгни изъ сердца твоего терніе и плевелы, да сѣмя Господа принесетъ тебѣ обильный плодъ, да божественное и духовное поле возраститъ богатую жатву. Изблюй ядъ изъ сердца, изверги отраву раздоровъ, да очистится сердце, зараженное злобою змія; скрывающаяся въ тебѣ горечь да уступитъ мѣсто сладости Христовой. Естьли ты и пищу и питіе принимаешь отъ таинства Креста; то сіе древо, которое и въ своемъ прообразованіи имѣло силу сообщить сладость горькимъ водамъ Мерры, будучи теперь самою истиною, да возможетъ усладить твое сердце: тебѣ не трудно будетъ возстановить свое здравіе: чѣмъ ты былъ уязвленъ, въ томъ и ищи врачеванія. Возлюби тѣхъ, которыхъ прежде ненавидѣлъ, которымъ завидовалъ, и которыхъ поносилъ несправедливо. Начни подражать добрымъ, естьли можешь: но когда не можешь еще послѣдовать за ними, то, по крайней мѣрѣ, сорадуйся имъ, пріобщайся съ ними единой любви, будь съ ними наслѣдникомъ любви и братства въ ихъ обществѣ. Долги твои будутъ отпущены тебѣ, естьли ты самъ другимъ отпустишь;

жертвы твои будутъ пріятны Богу, естьли ты придешь къ Нему, примирившись съ братомъ. (Матѳ. 5, 24.) Всѣ мысли и дѣла твои будутъ управлены свыше, естьли ты станешь помышлять о томъ, что божественно и праведно, какъ говоритъ Писаніе: *Человѣку предложеніе сердца: и отъ Господа отвѣтъ языка.* (Притч. 16, 1.)

Но ты имѣешь много предметовъ для размышленія. Помысли о раѣ: въ него не войдетъ Каинъ, по зависти убившій брата. Помысли о небесномъ царствѣ: въ него принимаетъ Господь однихъ токмо миролюбивыхъ и единодушныхъ. Помысли о томъ, что одни кроткіе могутъ называться Сынами Божіими, (Матѳ. 5, 9.) одни рожденные свыше исполняютъ законъ Божій и чрезъ подражаніе достигаютъ соединенія съ Богомъ Отцемъ и Іисусомъ Христомъ. Помысли, что мы стоимъ предъ очами Бога, и предъ Его взоромъ и судомъ совершаемъ поприще нашей жизни; что намъ тогда только можно будетъ видѣть Его, когда Онъ, взирая на настоящія дѣла наши, возрадуется объ нихъ;—когда мы заслужимъ Его

благодать и милость;—когда для того, чтобы быть угодными Ему въ вѣчномъ царствіи, содѣлаемся прежде угодными Ему въ семъ мірѣ.

II.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

БЕСѢДА

НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Днесь Господь нашъ Іисусъ Христосъ на Крестѣ, а мы празднуемъ, дабы ты зналъ, что Крестъ есть праздникъ и торжество духовное. Прежде *Крестъ* было имя казни, но нынѣ вещь досточтимая; прежде онъ былъ знаменіемъ осужденія, а нынѣ служитъ основаніемъ спасенія. Ибо онъ сдѣлался для насъ источникомъ безчисленныхъ благъ: онъ вывелъ насъ изъ заблужденія, онъ просвѣтилъ насъ, во тьмѣ сѣдящихъ, онъ насъ враждебныхъ примирилъ съ Богомъ, отчужденныхъ усвоилъ Ему, удаленныхъ приблизилъ; онъ истребленіе вражды, утвержденіе мира, сокровище безчисленыхъ благъ. Уже мы не блуждаемъ по пустынямъ: ибо чрезъ него мы узнали путь истинный. Не стоимъ уже внѣ царскихъ чертоговъ: ибо нашли

дверь. Не боимся разженныхъ стрѣлъ діавола: ибо увидѣли источникъ. Уже мы не вдовствуемъ: ибо чрезъ него мы Жениха получили. Не боимся волка: ибо имѣемъ добраго Пастыря, какъ сказано: *Азъ есмь Пастырь добрый.* (Іоан. 10, 11.) Не страшимся мучителя: ибо чрезъ него мы стали близки къ Царю; и по сему-то мы празднуемъ, совершая воспоминаніе Креста. Такъ и Павелъ повелѣлъ намъ для Креста праздновать. Станемъ, говоритъ онъ, праздновать *не въ квасѣ ветсѣ, но въ безквасіихъ чистоты и истины.* (1 Кор. 5, 8.) На сіе онъ предложилъ причину слѣдующую: *Ибо и Пасха наша, Христосъ, закланъ за насъ.* Видишь ли, почему онъ ради Креста велитъ праздновать. Потому, что на Крестѣ закланъ былъ Христосъ. А гдѣ жертва, тамъ истребленіе грѣховъ, тамъ примиреніе съ Господомъ, тамъ радость и торжество. *Пасха наша, Христосъ, закланъ за насъ.* И скажи, гдѣ закланъ? На высокомъ древѣ. Новый жертвенникъ для сей жертвы, поелику и жертва новая и необыкновенная. Ибо Самъ былъ и жертва и Священникъ: жертва, по плоти; Священникъ, по духу. Самъ

и приносилъ, и, по плоти, приносимъ былъ. Послушай, какъ Павелъ изъяснилъ то и другое. *Всякъ Первосвященникъ*, говоритъ онъ, *отъ человѣковъ пріемлемь, за человѣковъ поставляется на службы, яже къ Богу, да приноситъ дары же и жертвы о грѣсѣхъ. Тѣмже потреба имѣти что и сему, еже принесетъ.* (Евр. 5, 1. 8, 3.) Вотъ Онъ приноситъ Самъ Себя. Въ другомъ же мѣстѣ говоритъ: *Христосъ единою принесеся, во еже вознести многихъ грѣхи, второе безъ грѣха явится, ждущимъ Его во спасеніе.* (Евр. 9, 28.) Вотъ здѣсь говорится, что Онъ принесенъ, а тамъ Самъ Себя принесъ. Видишь, какимъ Онъ образомъ и жертвою и Священникомъ сдѣлался, и жертвенникомъ былъ Крестъ? Для чего, спросишь, не въ храмѣ жертва приносится, а внѣ града, за стѣнами? — Для того, чтобы исполнилось сіе слово, что Онъ *къ злодѣямъ причтенъ.* (Иса. 53, 12.) А для чего на высокомъ древѣ закалается, а не подъ кровлею? Чтобы очистить воздухъ, для того онъ закалается на возвышенномъ мѣстѣ, не подъ кровлею зданія, но подъ сводомъ неба. Ибо очищался воз-

духъ, когда на высотѣ закалалось сіе Овча; очищалась и земля: ибо кровь текла изъ ребра на нее. Для того не подъ кровлею, для того не въ храмѣ Іудейскомъ, чтобы Іудеи сей жертвы себѣ не присвоили, и чтобы ты не подумалъ, что она принесена за сей только одинъ народъ. Для того внѣ града и за стѣнами, дабы ты зналъ, что сія жертва всеобщая, поелику приносилась за всю землю; что очищеніе общее, не частное, какъ у Іудеевъ. Ибо Іудеямъ потому Богъ повелѣлъ оставить всю землю, и на одномъ мѣстѣ приносить жертвы и молитвы, что вся земля была нечиста отъ дыма, смрада и прочихъ всѣхъ скверны, произходящихъ отъ жертвъ Языческихъ. А для насъ, поелику Христосъ, пришедши, очистилъ всю землю, всякое мѣсто сдѣлалось способнымъ къ молитвѣ. Потому и Павелъ смѣло убѣждалъ насъ молиться безбоязненно вездѣ, говоря такимъ образомъ: *Хощу, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки.* (1 Тим. 2, 8.) Видишь, какимъ образомъ очищена вселенная? Ибо относительно мѣста вездѣ можемъ воздѣвать чистыя руки; поелику вся земля сдѣ-

лалась свята, святѣе внутреннихъ святилища. Ибо тамъ приносился безсловесный агнецъ, здѣсь же духовный. А чѣмъ больше жертва, тѣмъ больше и освященіе. Для сего-то мы и празднуемъ Кресту.

Хочешь ты знать и другое его дѣйствіе?— Рай, который болѣе пяти тысячь лѣтъ былъ заключеннымъ, онъ нынѣ отверзъ для насъ. Ибо въ сей день, въ сей самый часъ, Богъ ввелъ туда разбойника, учинивъ два великія дѣла: одно, что рай отверзъ, а другое, что разбойника ввелъ въ него. Нынѣ Онъ возвратилъ намъ древнее наше отечество, нынѣ Онъ ввелъ насъ во градъ отечественный и даровалъ домъ всему роду человѣческому. Ибо *днесь*, говоритъ, *со Мною будеши въ раи*. (Лук. 23 43.) Что Ты говоришь, Господи? Будучи распятъ и пригвожденъ, обѣщаешь рай. Такъ, отвѣтствуетъ Онъ, дабы ты позналъ на Крестѣ Мою силу. Поелику представлялось печальное зрѣлище: то, дабы ты не обращалъ вниманія на сущность Креста, а смотрѣлъ на силу Распятаго, Онъ на Крестѣ совершаетъ такое чудо, въ которомъ особенно открывается

Его могущество. Ибо не тогда только, какъ воскрешалъ мертваго, запрещалъ морю и вѣтрамъ, изгонялъ демоновъ, но и распятый, оскорбляемый, оплеванный, злословимый, поносимый, Онъ могъ перемѣнить злое расположеніе разбойника; дабы въ томъ и другомъ случаѣ ты видѣлъ силу Его. То есть, и въ томъ, что Онъ поколебалъ всю тварь, сокрушилъ камни, и въ томъ, что камня безчувственнѣйшую душу разбойника привлекъ къ Себѣ и вѣнчалъ славою. Ибо *днесь*, говоритъ, *со Мною будеши въ раи*. Хотя Херувимы охраняли рай: но Онъ Господь и Херувимовъ. Пламенный мечь тамъ обращается: но Онъ имѣетъ власть и надъ пламенемъ и надъ геенною, и надъ жизнію и надъ смертію. Ни одинъ царь никогда бы не согласился человѣка разбойника, или другаго кого—либо изъ рабовъ своихъ, посадивъ съ собою, ввезти такимъ образомъ въ городъ: но Христосъ сіе сдѣлалъ. Входя въ святое отечество, Онъ вводитъ съ Собою разбойника, не попирая чрезъ сіе рая, и не оскверняя его ногами разбойника, но болѣе его прославляя. Ибо слава для рая, имѣть такого Владыку, который и раз-

бойника можетъ сдѣлать достойнымъ райскихъ наслажденій. Ибо когда Онъ мытарей и блудницъ вводилъ въ царство небесное: то не для безславія онаго сіе дѣлалъ, но для большей его славы. Онъ чрезъ сіе показывалъ, каковъ Господь царства небеснаго, когда и блудницъ и мытарей сдѣлалъ столько совершенными, что они явились достойными небесной чести и награды. Ибо какъ врачу тогда наиболѣе удивляемся, когда видимъ, что онъ исцѣляетъ въ людяхъ неизлѣчимыя болѣзни и возставляетъ имъ здравіе: такъ и Христу справедливо удивляемся, когда Онъ врачуетъ неисцѣльныя раны, когда мытаря и блудницу привелъ въ такое здравіе, что они явились достойными неба.

Скажешь: что такое показалъ разбойникъ, за что послѣ креста получилъ рай? Хочешь ли, я тебѣ кратко покажу его мужество? Когда Петръ долу отрицался, тогда онъ горѣ приносилъ покаяніе. Сіе я говорю не въ осужденіе Петра,—нѣтъ: но хочу показать великодушіе разбойника. Ученикъ не снесъ угрозы низкой рабыни: а разбойникъ, видя окрестъ себя весь народъ, слыша его

вопль, бѣшенство, хулу и насмѣшки, не внималъ имъ, не помышлялъ о видимомъ уничиженіи Распятаго, но, обозрѣвъ все сіе очами вѣры, и отвергнувъ сіи недостойныя препятствія, позналь Владыку небесъ, и, припавъ къ Нему, сказалъ: *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.* (Лук. 23, 42.) Не пройдемъ безъ вниманія сего разбойника, не постыдимся взять себѣ учителемъ того, котораго не постыдился Господь нашъ ввести перваго въ рай. Не постыдимся взять себѣ учителемъ человѣка, явившагося прежде всего естества достойнымъ небесной жизни: но все тщательно изслѣдуемъ, да уразумѣемъ силу Креста. Не сказалъ ему Господь, какъ Петру: Поди за Мною, и я сдѣлаю тебя ловцемъ человѣковъ; не сказалъ ему, какъ двенадцати: Сядете на двенадцати престолахъ, судить двенадцать колѣнъ Израилевыхъ. (Матѳ. 4, 19. 28.) Даже и не удостоилъ его ни однимъ словомъ; не показалъ ему чуда: не видѣлъ онъ ни мертваго воставшимъ, ни демоновъ изгнанныхъ; не видѣлъ моря Ему повиновавшагося, не слышалъ отъ Него ни слова о царствѣ, ни о гееннѣ, и однакожъ

прежде всѣхъ Его исповѣдалъ; и притомъ тогда, какъ другой злословилъ Его. Ибо былъ и другой разбойникъ распятъ съ Господомъ, дабы исполнилось то, что Онъ *къ злодѣямъ причтенъ*. Ибо Іудеи хотѣли помрачить и славу Его, и всякимъ образомъ Его оскорбляли: но во всемъ сіяла истина, и возрастала отъ самыхъ препятствій. И такъ другой разбойникъ злословилъ Его. Видѣлъ ли ты того и другаго разбойника? Оба на крестѣ, оба жизни разбойнической, оба злодѣи: но не обоимъ одинаковая участь. Одинъ наслѣдовалъ царство, а другой низринутъ въ геенну. Такъ и вчерашній день: ученики—и одинадцать, и Іуда такъ же ученикъ. Но тѣ говорили: *Гдѣ хощеши уготоваемъ Ти ясти пасху?* А сей готовился къ предательству и говорилъ: *Что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его?* (Матѳ. 26, 17. 15.) Тѣ готовились къ служенію и къ Божественному таинству, а сей спѣшилъ на предательство. Такъ и здѣсь, разбойникъ тотъ и другой. Но одинъ злословитъ, другой благоговѣетъ; одинъ поноситъ, а другой благословляетъ и поносящему заграждаетъ уста, говоря: *Ни ли ты боишися Бога? Ибо*

мы достойная по дѣломъ наю воспріемлева. (Лук. 23, 40. 41.)

Видишь ли дерзновеніе разбойника? Видишь ли дерзновеніе на Крестѣ? Видишь ли мудрое разсужденіе среди казни, и благоговѣніе среди мученія? Кто не подивится, что онъ углублялся въ самаго себя, что имѣлъ разсудокъ, будучи пронзенъ гвоздями? Но онъ не только былъ въ самомъ себѣ, но и, все свое оставивъ, заботился о другихъ, сдѣлался учителемъ на Крестѣ, съ котораго тономъ укоризны говорилъ: *Или ты не боишься Бога?* Не смотри на земное судилище; есть другой невидимый Судія, есть немздоимное судилище. И такъ не смотри, что Онъ долу осужденъ: ибо не таковы вышніе суды. Здѣсь, въ судилищѣ земномъ, и праведные осуждаются, и неправедные избѣгаютъ осужденія; и виновные прощаются, и невинные наказываются. Поелику судіи по воли и противъ воли во многомъ погрѣшаютъ. Ибо часто даютъ приговоръ, или не зная истины и бывъ обмануты, или и зная оную, но бывъ обольщены деньгами. Но на небѣ нѣтъ ничего такого. Богъ Судія пра-

ведный, и судъ Его, какъ свѣтъ, изыдетъ безъ мрака и невѣдѣнія. Чтобы тотъ не возразилъ, что Іисусъ обвиненъ на землѣ и осужденъ, онъ возвелъ взоръ его къ небесному судилищу; привелъ ему на память сей страшный судъ, и какъ бы такъ сказалъ: „Туда смотри, и не произноси обвинительнаго приговора, не становись вмѣстѣ съ развращенными земными судіями, но положись на небесный судъ.“ Видишь ли мудрое разсужденіе разбойника? Видишь ли его разумъ и ученіе? Вдругъ съ Креста онъ ступилъ на небо. Потомъ и совершенно заграждаетъ того уста, говоря: *Или ты не боишься Бога, когда и сами мы осуждены на то же?* Что значитъ: мы сами осуждены на то же? На то же мученіе. Ибо и ты не на крестѣ ли? Слѣдовательно, понося Его, ты прежде самаго себя обвиняешь. Ибо какъ тотъ, кто находится во грѣхахъ, обвиняя другаго, самаго себя прежде его обвиняетъ: такъ и находящійся въ бѣдствіи, и бѣдствіе другому вмѣняющій въ поношеніе, самаго себя прежде его поноситъ. *И сами мы осуждены на то же.* Апостольскій онъ ему читаетъ законъ, сіи Евангельскія слова: *Не*

судите, да не судими будете. (Матѳ. 3, 1.) *И сами мы осуждены на то же.* Что ты дѣлаешь, разбойникъ? Стараясь защитить Его, ты не включилъ ли Его уже въ общество разбойниковъ?—Нѣтъ, онъ отвѣтствуетъ. Таковое подозрѣніе я отдаляю чрезъ послѣдующія слова. Ибо дабы ты не подумалъ, что Онъ чрезъ участіе въ наказаніи сдѣлался участникомъ и въ грѣхѣ, слова свои разбойникъ поправилъ такъ: *Мы убо осуждены праведно; ибо достойное по дѣламъ нашимъ приняли.* Видишь ли совершенную исповѣдь? Видишь ли, какъ онъ на Крестѣ свергнулъ съ себя грѣхи? Ибо сказано: *Глаголи ты беззаконія твоя первый, да оправдишися.* (Иса. 43, 26.) Никто его не принуждалъ, никто не приневоливалъ, но онъ самъ о себѣ объявилъ, сказавъ: Мы осуждены праведно; ибо достойное по дѣламъ нашимъ приняли, *Сей же ни единаго зла сотвори.* И послѣ сего произноситъ: *Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ.* (Лук. 23, 41. 42.) Прежде не смѣлъ сказать: *Помяни меня въ царствіи Твоемъ,* доколѣ чрезъ исповѣданіе не сложилъ съ себя бремени грѣховъ. Видишь, сколь важно исповѣданіе? Ис-

повѣдался, и рай себѣ отверзъ; исповѣдался, и такое получилъ дерзновеніе, что, не смотря на разбойничество, просилъ царства. Видишь ли, коликихъ благъ источникомъ Крестъ служитъ намъ? „Ты вспомнилъ о царствѣ? Скажи мнѣ, что ты видишь похожее на сіе? Предъ глазами твоими гвозди и Крестъ." Но сей самый Крестъ, отвѣтствуетъ онъ, и есть знаменіе царства. Потому и Царемъ Его называю, что вижу Его распятымъ. Ибо долгъ царя умирать за подданныхъ. Онъ Самъ о Себѣ сказалъ: *Пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы.* (Іоан. 10, 11.) Слѣдовательно и царь добрый полагаетъ жизнь свою за подданныхъ. И такъ поелику Онъ положилъ жизнь свою: то потому и называю Его Царемъ. *Помяни меня, Господи, во царствіи твоемъ.*

Видишь, какимъ образомъ Крестъ есть знаменіе и царства? Хочешь ли знать на сіе и другое доказательство? Христосъ не оставилъ его на землѣ, но взялъ его и вознесъ съ Собою на небо. Откуда сіе видно? Изъ того, что Онъ съ нимъ придетъ во второе и славное свое пришествіе. Дабы

шы зналъ, что Крестъ есть вещь важная, Онъ и назвалъ его для того славою. Но посмотримъ, точно ли Онъ со Крестомъ придетъ? Ибо нужно привести на сіе доказательство. *Аще рекутъ вамъ, се въ пустыни есть: не изыдите; се въ сокровищахъ: не имите вѣры,* (Матѳ. 24, 26.) говоритъ Онъ о второмъ славномъ своемъ пришествіи для предостереженія отъ лже-Христовъ, отъ лже-Пророковъ, отъ анти-Христа, чтобы кто обманомъ не попалъ къ нему. Поелику прежде Христа придетъ анти-Христъ: то, дабы кто нибудь, ища Пастыря, не попалъ на волка, для того показываю тебѣ знакъ пришествія Пастыря. Первое пришествіе Его было тайное: по сему, дабы ты не подумалъ, что и второе таковое же будетъ, Онъ далъ тебѣ сей знакъ. Тому и надлежало быть тайному; ибо Онъ приходилъ взыскать погибшее: но сіе не такъ будетъ. А какъ же, скажи? *Яко же молнія исходитъ отъ востокъ, и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго.* (Матѳ. 24, 27.) Вдругъ всѣмъ явится, и никому ненужно будетъ спрашивать, здѣсь, или тамъ Христосъ. Ибо какъ молнія, когда

блистаетъ, то мы не имѣемъ нужды спрашивать, блеснула ли она: такъ и въ пришествіе Христово не станемъ спрашивать, пришелъ ли Христосъ.

Но возвратимся къ прежнему вопросу: со Крестомъ ли Онъ придетъ? Ибо мы не должны забывать обѣщанія. И такъ слушай последующія слова. *Тогда*, говоритъ Онъ, *тогда*; когда? Какъ придетъ Сынъ человѣческій, то *солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего*. Толикое будетъ тогда обиліе свѣта, что и свѣтлѣйшія звѣзды сокроются. *Тогда звѣзды спадутъ съ небесе; тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси*. (Матѳ. 24, 29.) Видишь ли, сколь велика сила знаменія креcтнаго? Солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта: но оно не престанетъ сіять и свѣтить, дабы ты зналъ, что оно свѣтлѣе и солнца и луны. И какъ, при шествіи царя въ городъ, воины, взявъ знамена, несутъ ихъ на раменахъ своихъ, возвѣщая тѣмъ о его шествіи: такъ и при сошествіи Господа съ небесъ, предъидутъ Ему чины Ангеловъ и Архангеловъ, неся на раменахъ своихъ оное знаменіе, и

возвѣщая намъ о царскомъ Его пришествіи. *Тогда силы небесныя подвигнутся,* говорится объ Ангелахъ: великій тогда страхъ и трепетъ объиметъ ихъ. И отъ чего, скажи мнѣ? Страшно будетъ оное судилище. Ибо все естество наше будетъ судиться и стоять предъ страшнымъ Судіею. Но чего бояться и трепетать Ангеламъ? Не они судиться будутъ. Когда Государь производитъ судъ, то не только виновные, но и прочіе въ войскѣ, ничего за собою незнающіе, боятся и трепещутъ отъ страха судіи: такъ и тогда, какъ естество наше будетъ судиться, самые Ангелы, ничего не имѣющіе на своей совѣсти, убоятся безмѣрнымъ страхомъ Судіи. Но для чего тогда явится Крестъ, и для чего Господь съ нимъ придетъ? Чтобы распявшіе Его познали свою неблагодарность, для того Онъ покажетъ имъ сей знакъ ихъ посрамленія. А что для сего Онъ будетъ имѣть его при Себѣ, слушай, что говоритъ Пророкъ: *Тогда восплачутся вся колѣна земная,* видя обвинителя, и признавая грѣхъ свой. И что тебѣ удивительно, естьли Онъ придетъ со Крестомъ, когда и самыя раны Онъ тогда покажетъ? Ибо ска-

зано: *Воззрятъ нань, Его же прободоша.* (Мат. 24, 30, Захар. 12, 10.) Какъ Онъ поступилъ съ Ѳомою, когда, желая исправить его невѣріе, показалъ ему знаки отъ гвоздей и раны, сказавъ: *Принеси перстъ твой сѣмо и виждь руцѣ Мои: яко духъ плоти и кости не имать:* (Іоан. 20, 27. Лук. 24, 39.) такъ и тогда покажетъ раны и Крестъ, дабы доказать, что Онъ тотъ самый, который былъ распятъ на Крестѣ.

Но не изъ Креста только, а и изъ самыхъ словъ, на Крестѣ произнесенныхъ, можно видѣть неизреченное Его человѣколюбіе. Ибо еще тогда, какъ былъ пригвожденъ, когда издѣвались надъ Нимъ, смѣялись, и на Него плевали, Онъ говорилъ: *Отче! отпусти имъ; невѣдятъ бо, что творятъ.* (Лук. 24, 34.) И Распятый молился за распинателей: но сіи напротивъ говорили: *Аще Сынъ еси Божій, сниди со Креста; и увѣруемъ въ Тебя.* (Матѳ. 27, 40. 42.) Но потому Онъ и не сходитъ со Креста, что Сынъ Божій, и пришелъ для того, чтобы распяться за насъ. *Сойди со Креста,* говорятъ они, *и увѣруемъ въ Тебя.* Таковыя слова суть при-

знакъ невѣрія. Ибо гораздо болѣе сошествія со Креста значило востаніе изъ гроба, на которомъ лежалъ камень. Гораздо болѣе сошествія со Креста значило изведеніе изъ могилы мертваго Лазаря, обвитаго пеленами, обвязаннаго, четыре дня лежавшаго во гробѣ. И такъ они говорили: *Естьли Ты Сынъ Божій, спаси Себя:* а Онъ все дѣлалъ, чѣмъ бы только спасти ихъ, ругающихся надъ Нимъ, и говорилъ: *Прости имъ грѣхъ; ибо не знаютъ, что дѣлаютъ.* Что же? Простилъ бы, естьли бы они захотѣли покаятъся. Ибо естьли бы Онъ не простилъ имъ грѣха: то и Павелъ не былъ бы Апостоломъ. Естьли бы не простилъ имъ грѣха: то вдругъ три тысячи не увѣровали бы, ни пять тысячь, ни многія тмы. А что многіе тмы Іудеевъ увѣровали, слушай, что Апостолы говорятъ Павлу: *Видиши ли, брате, колико темъ есть Іудей вѣровавшихъ.* (Дѣян. 21, 20.) И такъ станемъ подражать Господу, и молиться за враговъ. Опять я принимаюсь за то же увѣщаніе; пятый уже день бесѣдую съ вами о семъ предметѣ, не въ обличеніе вашего непослушанія, нѣтъ; но въ надеждѣ, что вы послушаетесь. А

естьли другіе столько жестоки, гнѣвливы и упорны, что не слушаютъ словъ о молитвѣ; то пусть постыдятся хотя числа дней, и свою вражду и малодушіе оставятъ. Подражай твоему Господу, Онъ былъ распятъ, и за распинателей молился Отцу. Какъ я могу, говоришь ты, подражать Господу?—Естьли захочешь, то можешь. Ибо естьли бы тебѣ не можно было подражать, то для чего бы Онъ сказалъ: *Научитеся отъ Мене: яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* (Матѳ. 21, 29.) Естьли бы тебѣ не можно было подражать, то Павелъ не сказалъ бы: *Подражатели мнѣ бывайте, яко же и азъ Христу.* (1 Кор. 11, 1.)

Впрочемъ, естьли не хочешь подражать Господу; то подражай рабу Его, то есть, Стефану Апостолу. Ибо сей подражалъ Господу. Какъ Христосъ между распинающими Его, не смотря на Крестъ, не смотря на свое страданіе, молится Отцу за распинателей: такъ и рабъ Его среди побивающихъ его камнями, поражаемый отвсюду, принимая удары камней и не смотря на мученія, ими причиняемыя, говорилъ: *Господи! не по-*

стави имъ грѣха сего. (Дѣян. 7, 60.) Видишь ли, что вѣщаетъ Сынъ? Видишь ли, какъ молится рабъ? Тотъ говоритъ: *Отче! отпусти имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ.* А сей говоритъ: *Господи! не постави имъ грѣха сего.* И дабы ты зналъ, что онъ молится прилѣжно, то не просто молится стоя, когда былъ поражаемъ камнями, но, преклонивъ колѣна, говоритъ съ сокрушеніемъ, съ великимъ состраданіемъ. Хочешь ли, я тебѣ покажу и другаго раба, который еще болѣе сего потерпѣлъ? Павелъ говоритъ: *Отъ Іудей трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, нощь и день во глубинѣ морской сотворихъ.* (2 Кор. 11, 23.) Что же послѣ сего? *Молилбыхся,* говоритъ Онъ, *самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти.* (Рим. 9, 3.) Хочешь ли и другаго видѣть, не изъ новаго, а изъ ветхаго Завѣта? Ибо то наипаче удивительно, что гдѣ не повелѣвалось любить враговъ, а исторгать глазъ за глазъ, и зубъ за зубъ, и за зло равнымъ воздавать зломъ, тамъ достигали до Апостольской мудрости. Слушай,

что говоритъ Моисей, котораго Іудеи часто побивали камнями и презирали: *Аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави; аще же ни, изглади мя изъ книги Твоея, въ нюже вписалъ еси.* (Исх. 32, 32.) Видишь ли, каждый другихъ безопасность предпочиталъ своему спасенію. Ни въ чемъ ты не согрѣшилъ: для чего же хочешь участвовать въ наказаніи съ ними?—Для того, онъ отвѣтствуетъ, что не могу довольно чувствовать своего счастія, когда другіе злосчастны.

Довольно бы было для насъ и сихъ примѣровъ: но для большаго побужденія къ исправленію себя приведемъ еще такимъ же образомъ мудрствующаго. Такъ оный блаженный и кроткій Давидъ, когда все войско восстало противъ него, когда вооружился на него Авессаломъ, сынъ его, которому оно поручило начальство, а его хотѣло убить; потомъ когда Богъ на сіе разгнѣвался: что нужды, естьли бы представилъ и другую какую причину такой бѣды? и когда посланный Ангелъ, извлекши мечь, наносилъ свыше удары: то онъ, видя поги-

вель всѣхъ, что говоритъ? *Се азъ есмь согрѣшивый, азъ есмь пастырь зло сотворивый; да будетъ рука Твоя на мнѣ, и на дому отца моего.* (2 Цар. 23, 17.) Вотъ опять подобный поступокъ. Хочешь ли, я тебѣ представлю еще примѣръ? Ибо мы не будемъ имѣть недостатка и въ другихъ разсуждающихъ такимъ же образомъ. Самуилъ Пророкъ, котораго Іудеи оскорбляли, уничижали, поносили, такъ что Самъ Богъ, желая утѣшить его, говорилъ: *Не тебе уничижиша, но Мене:* (1 Цар. 8, 7.) что онъ, уничижаемый, презираемый, оскорбляемый говоритъ? *Да никако же ми согрѣшити Господу, оставити, еже молитися о васъ ко Господу.* (1 Цар. 7, 23.) Почиталъ онъ за грѣхъ не молиться за враговъ. *Да никако же ми согрѣшити, еже не молитися о васъ.* Христосъ говоритъ: *Отче! прости имъ грѣхъ; ибо не знаютъ, что дѣлаютъ.* Стефанъ говоритъ: *Господи! не постави имъ сего во грѣхъ.* Павелъ говоритъ: *Я желалъ бы самъ отлученъ быть за братьевъ моихъ, родственниковъ по плоти.* Моисей говоритъ: *Аще оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави; аще же ни, изглади мя изъ кни-*

еи Твоя, въ нюже вписалъ еси. Давидъ говоритъ: *Да будетъ рука Твоя на мнѣ, и на дому отца моего.* Самуилъ говоритъ: *Да никако же мы согрѣшити, оставити еже молитися о васъ ко Господу.* И такъ какое мы получимъ прощеніе, скажи мнѣ, когда Господь и рабы Его, въ новомъ и въ ветхомъ Завѣтѣ, всѣ побуждаютъ насъ молиться за враговъ, а мы напротивъ молимся противъ враговъ?

Престанемъ, прошу васъ, братія, престанемъ поступать такимъ образомъ. Ибо чѣмъ больше имѣемъ примѣровъ, тѣмъ большему, естьли не будемъ подражать имъ, подвергнемся мученію. Лучше за враговъ молиться, нежели за друзей. Ибо то не столько для насъ полезно, сколько сіе. *Аще бо любите любящихъ васъ,* говоритъ Христосъ: *кую мзду имате? Не и мытари ли тожде творятъ?* Почему естьли мы будемъ молиться только за друзей: то мы еще не лучше язычниковъ или мытарей. А естьли будемъ любить и враговъ, то мы, по возможности, дѣлаемся подобными Богу, потому что Онъ *солнце свое сіетъ на злыя и благія, и дож-*

дитъ на праведныя и на неправедныя. (Матѳ. 5, 45–47.) И такъ будемъ уподобляться Отцу: ибо *будите вы,* сказано, *совершени, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть,* (Матѳ. 5, 48.) да удостоимся получить и царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, которому слава и сила во вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

ИЗЛІЯНІЯ СЕРДЦА ПРИ РАЗМЫШЛЕНІИ О БОЖЕСТВЕННОСТИ Христіанской Вѣры.

(Сообщено.)

Нѣтъ человѣка, который бы сказалъ, что онъ хочетъ себѣ зла; и потому нѣтъ ничего намъ свойственнѣе, какъ желать себѣ добра. Сіе желаніе, зачинаясь въ насъ отъ самой колыбели, продолжается во всю жизнь и оканчивается съ ея прекращеніемъ. Оно постепенно съ лѣтами возрастаетъ и *размножается*; въ видахъ и цѣляхъ измѣняясь, всегда влечетъ и обольщаетъ; большею частію обманываетъ, непрерывно безпокоитъ, никогда вполнѣ не удовлетворяетъ, и часто мучитъ. Таковъ ходъ и свойство желаній, происходящихъ изъ естественнаго разума; и кто не испыталъ въ продолженіи своей жизни, что разумъ, долженствующій управлять желаніями и дѣйствіями нашими,—сей разумъ, которымъ столь часто мы превозносимся,

*

и на который столь много мы полагаемся, часто не можетъ доставить намъ и той пользы, чтобы различить и указать, что̀ есть добро, споспѣшествующее истинному нашему благу, котораго желать должно, и что̀ есть зло, котораго желать себѣ никому несвойственно. Естьли бы такъ была превратна сущность добра, какъ превратны человѣческія желанія; то человѣкъ былъ бы самое жалкое твореніе изъ всѣхъ видимыхъ существъ. Но поелику есть и существуетъ истинное добро и благо: то почему человѣкъ, вмѣсто того, чтобы познавать, желать и искать его, стремится болѣе къ противному, то есть, къ злу, которое онъ усматриваетъ и ощущаетъ *таковымъ* только въ его послѣдствіяхъ? На сіе нѣтъ другаго отвѣта, кромѣ того, что сіе происходитъ отъ поврежденія естества человѣческаго, то есть, отъ помраченія разума и уклоненія воли человѣческой отъ воли Божіей. По сему-то, естьли, не взирая на желаніе добра, происходящее отъ любви къ самимъ себѣ, совершается противное, мы не можемъ и не должны приписывать приключающихся намъ золъ ничему другому, какъ

неправильной любви къ самимъ себѣ, выступающей изъ предѣловъ, ей назначенныхъ, и причинамъ, въ насъ самихъ скрывающимся, которыхъ не усматриваемъ, то есть, грѣхамъ.

Съ другой стороны легко усмотрѣть зависимость, въ которую мы поставлены премудрымъ промысломъ Божіимъ отъ первой до послѣдней минуты нашей жизни,—зависимость, которая или ограничиваетъ наши желанія, или не допускаетъ имъ совершаться. Сія зависимость, дѣйствуя на насъ первоначально посредствомъ родителей и воспитателей, потомъ чрезъ правительство и законы, въ то же время ясно убѣждаетъ насъ, что мы не можемъ обойтись безъ посторонней помощи, и тѣмъ самымъ показываетъ назначеніе наше — жить въ обществѣ съ другими, которымъ равномѣрно обязуемся желать добра и дѣлать добро, потому что они сами къ нашей пользѣ содѣйствуютъ. Сія зависимость, толико дѣйствующая на человѣка въ продолженіи всей его жизни, всего болѣе можетъ побудить насъ къ тому, чтобы мы искали и познавали Творца,

поставившаго насъ въ таковую зависимость, и удостовѣрить въ той истинѣ, что достиженіе добра для насъ не иначе возможно, какъ на томъ условіи: естьли разумъ, просвѣщаемый закономъ Божіимъ, будетъ согласенъ съ волею, побуждающею насъ къ дѣйствованію,—пребывать въ предѣлахъ сей зависимости; и что напротивъ преступленіе сихъ предѣловъ, нарушающее видимо установленный порядокъ, производитъ внутрь и внѣ насъ одно только зло. Слѣдственно изъ сего можно усмотрѣть, что вся наша жизнь, въ какомъ бы состояніи мы ни родились, и въ какомъ бы званіи ни находились, есть не иное что, какъ опытъ покорности той зависимости, въ которую мы поставлены Богомъ; или иначе: опытъ повиновенія Его волѣ и соединенной съ тѣмъ обязанности—познавать: *что* и *какъ* мы должны и *чего* не должны дѣлать, какъ для достиженія благъ, коихъ хотѣть мы можемъ, такъ и для избѣжанія зла, котораго и одного имени человѣку надлежало бы страшиться *).

---

*) Ощущаемая всѣми людьми необходимость въ посторонней помощи и желаніе, предохранить

Сіе размышленіе дѣлаетъ существенно необходимымъ для блага нашего законъ, ко-

себя отъ зла, составили между ими положенія и связи, какъ частныя, такъ и общественныя. Сіи связи, основавшіяся первоначально на нуждахъ человѣческихъ, размножаясь и расширяясь отъ неравенства даровъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, раздѣляемыхъ людямъ самимъ Богомъ, содѣлали равномѣрно необходимою зависимость одного человѣка отъ другаго, которая, заключая въ себѣ какъ частное человѣка, такъ и цѣлое общественное благо, опровергаетъ безумное мнѣніе лжефилософовъ, проповѣдовавшихъ равенство между людьми, и доказываетъ, что равенство, котораго не можемъ усмотрѣть въ цѣломъ мірѣ, равно не можетъ существовать и между людьми. Напротивъ установленіе Богомъ власти, начиная съ родительской, доставляя безчисленныя пользы, убѣждаетъ въ премудромъ попеченіи Божіемъ о человѣкѣ и въ любви къ нему, поелику онъ, естьли не повинуется закону Творца изъ любви и доброй воли, то приводится къ тому благодѣтельною властію, не допускающею его до погибели. Отступленіе отъ сей, толико необходимой для блага человѣческаго, истины, утверждаемой вѣками, произвело тѣ гибельныя слѣдствія, которыя наполнили землю бѣд-

торымъ должны мы руководствоваться. Ибо безъ него не токмо не можетъ быть добра, но люди будутъ подходить совершенно къ состоянію безсловесныхъ, побуждающихся одною чувственностію. Естьли мы станемъ въ самихъ себѣ искать сего, толико необходимаго для блага нашего, закона; то совѣсть и опытъ жизни нашей могутъ убѣдить насъ въ мертвенности или безсиліи сего закона, такъ что для оживленія и укрѣпленія его въ сердцахъ нашихъ разумъ и силы человѣческія недостаточны, а потребна власть и сила Бога, которому одному все возможно. Самое введеніе въ общества, размноженіе и употребленіе законовъ, нами управляющихъ, указывающихъ на зло и наказывающихъ за оное, доказываютъ

ствіями и кровію. Сіе отступленіе, породившееся въ сердцахъ людей, употребившихъ дарованія свои во зло, произошло отъ самолюбія, гордости, невѣрія, и въ особенности отъ возмутительной злобы противъ спасительной Вѣры, которая, повелѣвая всѣмъ обуздывать свои похоти, проповѣдуетъ взаимную любовь, миръ и повиновеніе властямъ и законамъ.

шолько крайнее поврежденіе человѣческаго сердца. Ибо естьли бы сей источникъ жизни и дѣйствій нашихъ былъ добрый и чистый, то ненужны были бы ни законы, ни суды; потому что невозможно было бы тогда не только дѣлать зло, но ниже говорить и мыслить о немъ *). Естьли бы человѣкъ имѣлъ сей законъ въ серцѣ своемъ въ первоначальной его чистотѣ и всегда по оному поступалъ; то, по намѣренію благости и правосудія Божія, могла ли жизнь его быть толико бѣдственною и мятежною независимо отъ стихій, его угнетающихъ, какъ засвидѣтельствовалъ то мудрѣйшій изъ Царей, сказавъ: *Сyета сyетъ и всяческая сyета!* После сего естественно спросить: гдѣ же можно найти законъ, который столь необходимо намъ знать и которымъ должны мы руководствоваться? Сей законъ не

---

*) Одно воззрѣніе на громады тяжебныхъ дѣлъ, векселя и закладныя сильнѣе всякаго доказательства убѣждаетъ въ поврежденіи человѣческаго сердца, наклоннаго къ притѣсненію, обману и похищенію у ближнихъ достоянія ихъ.

есть законъ человѣческій, но Божій, преданный намъ въ Откровеніи для указанія какъ существующаго въ насъ самихъ зла, такъ и средствъ къ избавленію и предохраненію себя отъ онаго, равно и для возбужденія въ насъ тѣхъ желаній, которыя, прилѣпляясь только къ истиннымъ благамъ, содѣлываютъ насъ лучшими и своимъ жребіемъ довольными.

Естьли бы понятія наши не обременены были вещами, не токмо чуждыми, но часто и вредными нашему благу, а самое сердце не столь крѣпко къ онымъ привязано: то сей законъ, толико намъ необходимый, могли бы мы ежечасно видѣть и въ великой книгѣ природы, раскрытой предъ нами. Разсматриваніе сей книги, особенно при внутреннихъ побужденіяхъ совѣсти нашей, сильно убѣждаетъ каждаго, что есть Богъ, насъ и все видимое сотворившій, который все хранитъ и о всемъ промышляетъ. Равно не трудно удостовѣриться, что полученіе всякаго блага, подъ какимъ бы видомъ мы ни представляли его, зависитъ отъ воли, силы и власти, внѣ насъ находящейся и пребыва-

ющей въ единомъ Богѣ, источникѣ, виновникѣ и содѣтелѣ всякаго блага, которое мы имѣть хотимъ и коимъ пользоваться и наслаждаться желаемъ. Онъ, давши намъ бытіе чрезъ родителей, освѣщаетъ насъ, согрѣваетъ, одѣваетъ, питаетъ и покоитъ; даетъ намъ разумъ, посредствомъ котораго пріобрѣтаемъ знанія, исправляемъ дѣла наши и доставляемъ себѣ и другимъ пользу. Онъ охраняетъ насъ отъ зла и несчастій; наставляетъ и направляетъ къ добру; укрѣпляетъ здоровье и силы; благословляетъ успѣхомъ дѣла; посылаетъ радости и даруетъ долговременную жизнь и спокойную кончину *).

---

*) Все въ мірѣ устроено для нашей пользы и для нашего блага; но все сіе добро можетъ обратиться намъ во вредъ и самую погибель, естьли мы, забывая Творца, прилѣпляемъ къ мірскимъ благамъ сердца наши и употребляемъ съ неумѣренностію или во зло получаемые дары. Самая любовь къ самимъ себѣ, желающая себѣ добра, а не зла, должна побуждать насъ, просить у Бога просвѣщенія, для благоразумнаго употребленія Его даровъ во славу Его имени, чѣмъ однимъ мы можемъ

Естьли родители наши и благодѣтели имѣютъ право на нашу къ нимъ любовь и почтеніе, и естьли гнусна противъ ихъ неблагодарность: то не должны ли вышеупомянутыя явно нами получаемыя благодѣянія побуждать насъ, заботиться болѣе всего о познаніи Того, который намъ ежедневно ихъ подаетъ, а изъ сей обязанности—знать невидимаго нашего Благодѣтеля, не должны ли мы научаться бояться и почитать Его, повиноваться Ему и имѣть къ Нему любовь и довѣренность, тѣмъ болѣе, что Онъ благодѣтельствуетъ прежде, нежели мы познаемъ Его *)? — Всѣ сіи причины не достаточны ли побудить насъ къ тому, чтобы мы обратили вниманіе на самихъ себя, изслѣдовали главнѣйшую нашу обязанность,

---

предохранить себя отъ многихъ золъ и бѣдствій.

*) Небезполезно упомянуть здѣсь о томъ, что многіе изъ насъ гораздо болѣе имѣли въ юности понятій о Богѣ, нежели въ возрастныхъ лѣтахъ, къ которыхъ преподанное намъ ученіе являемъ на словахъ и дѣлѣ столь слабо, какъ бы оно было не главное и до насъ вовсе уже не касающееся.

знаемъ ли мы Бога, котораго исповѣдуемъ устами, такъ ли живемъ и дѣйствуемъ, какъ Богъ имѣетъ право, того отъ насъ требовать *). Богъ не имѣетъ въ насъ надобно-

*) Самое почтеніе, сей наружный знакъ уваженія, подобающій высшимъ насъ лицамъ, мы небрежемъ воздавать Царю и Богу нашему, и вотъ доказательство: Четвертая заповѣдь Божія ясно повелѣваетъ посвящать седьмый день недѣли единственно Ему одному; но мы проводимъ его или въ служеніи идоламъ сердца нашего, или въ трудахъ и занятіяхъ, обычныхъ прочимъ шести днямъ. А какъ Богъ правосуденъ; то, за сіе нарушеніе нами заповѣди Господней, нѣтъ благословенія Божія на дѣла наши, и всѣ наши труды, на какихъ бы умныхъ соображеніяхъ ни были основываемы, не производятъ ни уменьшенія дѣлъ, ни той пользы, которую мы въ намѣреніяхъ своихъ предполагали. Отъ какой причины происходитъ въ насъ такая холодность и лѣность къ Богослуженію? Кромѣ главной и общей, состоящей въ поврежденіи человѣческой природы, полагаю и ту, что мы заражаемся мнѣніями, почерпаемыми изъ иноземныхъ, размножившихся во дни наши книгъ, богатыхъ высокопарными словами и ссылками на Св. Писаніе, но тѣмъ

сти, ибо существовалъ до насъ и будетъ безъ насъ существовать вѣчно. Равно не

не менѣе опасныхъ, по тому самому, что онѣ *упраздняютъ* Крестъ Христовъ и располагаютъ къ ложной надеждѣ восхищать, вѣнцы праведныхъ безъ подвиговъ скорбей, соединенныхъ съ истиннымъ самоотверженіемъ, которое приводитъ человѣка къ поклоненію Богу духомъ и истиною. Отъ сего, занесеннаго съ Запада, повѣтрія, многіе изъ насъ полагаютъ праздничные дни не токмо излишними, но и наклоняющими человѣка къ лѣности. Не говоря о источникѣ толь законопреступнаго и пагубнаго мнѣнія, довольно представить, что естьли всѣ законы требуютъ, чтобы человѣкъ отдавалъ почтеніе лицу, высшему его званіемъ и достоинствами: то не обязанъ ли онъ воздавать тѣмъ большаго и совершеннѣйшаго почтенія Существу его создавшему и ежедневно о немъ промышляющему? Естьли обязанъ; то гдѣ и какимъ образомъ онъ тому научится? Извѣстно, что вѣра, съ которою соединены тѣснѣйшимъ образомъ почитаніе и благодареніе Бога, происходитъ отъ слышанія Слова Божія, слѣдственно ни въ какомъ училищѣ не пріобрѣтетъ человѣкъ лучшаго, истиннѣйшаго понятія о Богѣ, какъ въ Церкви—

имѣетъ надобности и въ благахъ нашихъ, ибо не только все, что мы именуемъ на-

---

Домъ Его, (Тим. 3, 15.) въ которомъ все видимое и слышимое напоминаетъ ему: бытіе, всемогущество, премудрость, правосудіе и благость Творца его, а съ тѣмъ вмѣстѣ обязанность и крайнюю необходимость знать, почитать и любить сего Виновника и Подателя всякаго блага, просвѣщающаго разумъ и дарующаго силы къ лучшему исполненію обязанностей, волею Его на насъ возложенныхъ. Естьли мы полагаемъ, что празднованіе Господскихъ и Воскресныхъ дней можетъ умножить лѣность; то крайне ошибаемся, потому что человѣкъ вездѣ пріучится къ сему противному для Бога пороку кромѣ Церкви, которая неослабно преслѣдуетъ оный подобно прочимъ порокамъ, напоминая, что удѣлъ всего человѣчества во временной жизни есть трудъ, а не покой, и что лѣнивый и праздный человѣкъ не стоитъ пищи, которую онъ вкушаетъ.

Взирая очами вѣры, мы ясно увидѣли бы, что не можемъ ничего дѣлать безъ Бога, и естьли дѣла и труды наши не успѣшны, запутаны безконечны; то не отъ чего инаго, какъ отъ того, что они начинаются, продолжаются и оканчиваются не съ Богомъ и не для Бо-

линимъ добромъ, но мы и сами принадлежимъ Ему. Мы и одной минуты не можемъ обой-

---

га. А какъ самый опытъ удостовѣряетъ, что для совершенія нашихъ дѣлъ мы имѣемъ надобность въ помощи ближняго; то должны и сами и тѣ, которые отъ насъ зависятъ или намъ подчинены, проводить праздничные дни не втрудахъ и праздности, а въ принесеніи Господу Богу въ Домѣ Его благодареній за полученныя милости и моленій о благодати и силахъ на новые труды. Хотя мы обязаны молиться ежедневно; но общественная молитва, соединяя Христіанъ во едино, утверждаетъ ихъ въ любви и единомысліи и удаляетъ отъ заблужденій въ Вѣрѣ, и потому преимущественнѣе частнаго. Сверхъ того она заповѣдана самимъ Господомъ, который сказалъ, *что гдѣ соберутся двое или трое во имя Его; тамъ и Онъ посреди ихъ.* Онъ Самъ, будучи въ высочайшей степени духовенъ, не пренебрегалъ сею должностію, но въ продолженіи земной жизни своей всегда показывалъ примѣромъ, сколь Онъ свято чтилъ Церковь, Богослуженіе и Праздники, установленные для укрѣпленія между людьми связи братолюбія и для приближенія къ Богу, каковому примѣру подражали нелѣностно всѣ Святые и благочестивые наши предки. Все

тись безъ Него, и внѣ Его временно и вѣчно погибнемъ, и погибнемъ не потому, чтобы Богъ, который есть весь любовь и милость, хотѣлъ нашей погибели; но по дерзости нашей—нарушать заповѣди Господни, которыхъ пользы самый естественный разумъ отвергнуть не можетъ, и по ожесточенію—не итти къ свѣту, явленному во Христѣ, Спасителѣ нашемъ, всегда гото-

---

сіе должно убѣдить насъ въ той истинѣ, что естьли мы и сами не радимъ и другихъ не побуждаемъ воздавать Высочайшему Существу подобающаго почтенія, то тщетно упованіе наше на милости Его и ложно ожиданіе благословенія Его на труды наши.

Тѣ, кои требуютъ другихъ на сіе убѣжденій, пусть обратятся къ Исторіи протекшихъ временъ, которая подтвердитъ ту же истину и представитъ причины благоденствія и паденія народовъ. Первое вездѣ утверждалось на правилахъ благочестія, силою примѣровъ и законовъ поддерживаемаго, а второе всегда послѣдовало отъ ослабленія и нарушенія тѣхъ правилъ;—отъ чего исчезала любовь къ отечеству, правительству и законамъ.

вомъ принять насъ, оживить, просвѣтить, освятить, и ввести въ свои обители *).

---

*) Доколѣ человѣкъ при свѣтѣ Божественнаго Откровенія не обратитъ своего вниманія исключительно на самаго себя, дотолѣ онъ, руководствуясь однимъ своимъ разумомъ, уподобляется слѣпцу, водимому другимъ слѣпымъ, отъ котораго истинное его благо сокрыто. Однимъ стараніемъ, познавать самаго себя, открывается человѣку путь къ существенному его благу, а размышленіемъ о ненасыщающихся ничѣмъ своихъ желаніяхъ можетъ онъ удостовѣриться, что душа его, въ которой таковыя желанія пораждаются, есть существо духовное, высшее тѣхъ благъ, которыми она предполагала и хотѣла наслаждаться. Душа, усматривая и находя земныя блага ни соотвѣтствующими ни приличествующими себѣ, побуждается чрезъ то искать высшаго блага, которое могло бы ее удовольствовать. Сіе исканіе и хотѣніе лучшаго и себѣ соотвѣтствующаго, на которое не обращаемъ мы должнаго вниманія, есть не что иное, какъ стремленіе души къ Богу, высочайшему добру и благу, отъ котораго она получила свое начало, и съ которымъ она, такъ сказать, усиливается посредствомъ своей воли вступить въ соот-

Сколь много погибло царствъ, исчезло народовъ, измѣнилось Философскихъ системъ и ученій; но среди всеобщихъ разрушеній, одно Слово Божіе, изреченное самимъ Богомъ для блага людей, пребыло твердымъ, яснымъ, истиннымъ, всегда одинаковымъ, каковымъ и пребудетъ вѣчно. Оно удостовѣряетъ, что человѣкъ, сіе отличное отъ всѣхъ прочихъ тварей существо, созданъ былъ Всемогущимъ, Премудрымъ и Всеблагимъ Богомъ по образу и подобію своему. Сей образъ и подобіе состояли въ великихъ совершенствахъ, какъ то: въ разумѣ или способности духа, разсуждать о всѣхъ вещахъ истинно, любить и одобрять добро и ненавидѣть зло; въ свободной волѣ, избирающей единое добро разумомъ одобренное; въ памяти и воображеніи, высшими духовными предметами занимавшимися, и всегда спокойной

ношеніе и связь, не взирая на препятствія, удерживающія и стѣсняющія, происходящія отъ пребыванія ея въ грубомъ тѣлѣ. Таковое стремленіе души вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ ей и крайнюю необходимость въ Господѣ Іисусѣ, въ Его помощи и силѣ, сообщаемыхъ ей чрезъ благодать Святаго Духа.

*

совѣсти, данной вмѣсто хранителя и судіи. Ибо до содѣланія перваго грѣха не было въ человѣкѣ никакого зла, за которое бы совѣсть могла его безпокоить, осуждать и мучить. Самое тѣло человѣческое, имѣя всѣ совершенства, которыхъ видимъ нынѣ на себѣ малые остатки, не подвержено было ни вліянію вредящихъ стихій, ни болѣзнямъ, ни самой смерти, которая праведно опредѣлена Богомъ за уклоненіе человѣка отъ воли Божіей къ своей собственной и за преступленіе данной заповѣди или закона.

Съ таковыми совершенствами прародители наши, Адамъ и Ева, наслаждались въ раю блаженствомъ, состоящимъ въ совершенномъ знаніи и видѣніи Бога, почитаніи и любленіи Его, какъ Отца, и въ исполненіи того, чего только Богъ отъ нихъ хотѣлъ. Пребывая въ состояніи повиновенія Творцу своему, они взошли бы еще на высшую степень совершенствъ и блаженства, равную Ангеламъ, блаженнымъ духамъ созданнымъ прежде ихъ; но они, забывъ и Творца своего и данную Имъ заповѣдь—не вкушать запрещенныхъ плодовъ подъ опасеніемъ смер-

ши, послушали сатаны, гордаго и самолюбиваго духа, который, возмечтавъ о великихъ своихъ совершенствахъ, отвергся отъ Бога и блюдется по нераскаянности своей на вѣчную муку, уготованную ему и его сообщникамъ. Сей духъ, содѣлавшись своевольно изъ добраго Ангела духомъ злобы и завидуя блаженству нашихъ прародителей, восхотѣлъ и ихъ содѣлать участниками своей погибели, и обманувъ прельщеніемъ, что чрезъ вкушеніе запрещеннаго плода они содѣлаются равными Богу, наклонилъ ихъ таковою ложью къ невѣрію Богу и къ нарушенію данной заповѣди.

Таковое грѣхопаденіе прародителей, отъ котораго они могли бы сохраниться, ибо имѣли великій разумъ для разпознанія коварства, лести и лжи прельстителя, и свободную волю отвергнуть его предположеніе, имѣло гибельныя для нихъ послѣдствія: изгнаніе изъ рая или удаленіе отъ Господа; затмѣніе разума, поврежденіе сердца, въ которое вселились страсти и пороки, дѣлающіе человѣческую жизнь бѣдственною, мятежною, болѣзненною и краткою;—преклон-

ность воли къ послѣдованію болѣе лжи и злу, нежели истинѣ и добру; угнетеніе отъ стихій, возмущеніе тварей, дотолѣ находившихся подъ ихъ владычествомъ, и предсказанную смерть. Сіи слѣдствія перваго грѣха простерлись чрезъ прародителей на весь произшедшій отъ нихъ человѣческій родъ, и произвели все зло, нынѣ въ мірѣ существующее *).

---

*) Не взирая на гибельныя слѣдствія первороднаго грѣха, искра свѣта и истины отъ первоначальнаго совершенства человѣческаго оставалась между людьми. Она сохраняла понятія о добродѣтеляхъ и порокахъ и побуждала во всѣхъ временахъ Богобоязливыхъ людей изъ любви къ истинѣ творить добро и противиться злу. Но естьли весь свѣтъ и частно каждый человѣкъ одобряетъ и похваляетъ справедливость, честность, смиреніе, кротость, послушаніе, прилѣжаніе, щедрость, скромность, милость, доброжелательство, правдолюбіе, цѣломудріе, воздержаніе, терпѣніе, твердость и другія добродѣтели; то въ какой школѣ мы учимся противуположнымъ порокамъ? Самые идолопоклонники признавали, что Богу любезна одна добродѣтель и ненавистенъ порокъ; родители и наставники,

Прародители, познавъ свою вину предъ Богомъ, раскаялись въ содѣланномъ грѣхѣ,

---

каковы бы сами ни были, пороковъ ни проповѣдуютъ ни одобряютъ; а Религія и гражданскіе законы противъ ихъ вооружаются и преслѣдуютъ. Престанемъ обманываться и слушать тѣхъ, которые, слѣдуя слѣпому разуму, обращаютъ всѣ спасительныя истины въ проблеммы, требующія доказательствъ, и не вѣрятъ существованію духа лжи и злобы, не вѣрятъ, но къ собственному своему несчастію. Обратимъ вниманіе, и конечно при помощи Божіей увидимъ, что злобный убійца прародителя хотя пришествіемъ въ міръ Сына Божія и обезсиленъ въ дѣйствіяхъ своихъ на вѣрующихъ съ прежнею злобою; но онъ и нынѣ, завидуя и временному благополучію человѣка и будущему его чрезъ вѣру во Христа Спасителя блаженству, дѣйствуетъ на насъ, дабы мы отдѣлились отъ Бога къ темному его царству, тѣми же средствами, какія употребилъ для погубленія прародителей. Онъ изгоняетъ изъ сердца человѣческаго страхъ Божій; вдыхаетъ въ него невѣріе; помрачаетъ разсудокъ къ познанію истины; прельщаетъ умъ и сердце всякаго рода соблазнами; наклоняетъ волю къ нарушенію заповѣдей Божіихъ; отдаляетъ

и Богъ, видя искренность сего раскаянія, по безмѣрному своему милосердію, тогда же утѣшилъ ихъ обѣтованіемъ, что пошлетъ въ свое время Мессію или Спасителя, и тѣмъ далъ имъ чувствовать, что сей Мессія долженъ быть единственнымъ предметомъ желанія, любви и надежды какъ ихъ, такъ и всѣхъ, имѣющихъ родиться отъ нихъ человѣковъ. Симъ милосердымъ обѣтовані-

---

мысль о смерти, говоря: не скоро еще умрешь; не допускаетъ познавать самаго себя; отводитъ отъ покаянія исправляющаго жизнь; усыпляетъ и умерщвляетъ остерегающую совѣсть: дѣлаетъ равнодушнымъ ко Христу, Слову Его и таинствамъ Святой Его Церкви и, очаровавъ прелестями міра, содѣлываетъ человѣка своимъ рабомъ и доводитъ до отчаянія и вѣчной погибели.

Сіе изображеніе ни выдумано, ни увеличено въ глазахъ тѣхъ, которые, поступивъ чрезъ познаніе самихъ себя въ училище Христово, вѣдаютъ изъ опыта, сколь врагъ силенъ, и сколь слабо само по себѣ естество и силы человѣческія, и кои единственно вѣрою одушевляются и утверждаются въ томъ, что сила Христова къ сопротивленію и побѣжденію сего врага въ немощахъ ихъ совершается.

емъ посланія Мессіи, положено тогда же начало Христіанской Вѣры; и какъ до воплощенія Сына Божія всѣ благочестивые люди вѣровали въ Мессію и ожидали Его пришествія, такъ нынѣ мы должны вѣровать въ сего пришедшаго Спасителя.

Когда люди по размноженіи своемъ потеряли не только Вѣру Отцевъ своихъ, но даже понятіе объ истинномъ Богѣ, предались идолопоклонству и впали въ совершенный развратъ; то Богъ очистилъ землю потопомъ, сохранилъ отъ всеобщей погибели благочестивое семейство Ноево, отъ коего вновь населилась земля. Когда же въ послѣдствіи времени устныя преданія, сообщаемыя родителями своимъ дѣтямъ о почитаніи и любленіи Господа, содѣлались недостаточными, то Богъ чрезъ Пророка своего Моисея Израильтянамъ, между которыми одними сохранились истинныя понятія о Богѣ, и которыхъ Онъ чудесно освободилъ изъ Египта, далъ десять заповѣдей или повелѣній, за исполненіе которыхъ были обѣщаны отъ Бога благословенія и милости, а за пренебреженіе и нарушеніе

гнѣвъ Его и наказаніе. Установленіемъ же Богослуженія съ прообразовательными обрядами и очистительными жертвами Богъ еще болѣе побудилъ людей къ вѣрованію въ ожидаемаго Мессію *).

---

*) Сей премудрый законъ, состоящій въ запрещеніяхъ дѣлать зло, данъ по причинѣ крайняго поврежденія, произведеннаго въ людяхъ прародительскимъ грѣхомъ, и естественной въ нихъ отъ того наклонности—слѣдовать болѣе тьмѣ и злу, нежели свѣту и добру. Онъ ясно доказываетъ, что прежде, нежели можно повелѣть человѣку дѣлать добро, надобно ему указать зло и запретить дѣлать оное;—или прежде, нежели можетъ онъ дѣлать истинное добро, надобно, чтобъ онъ, познавъ зло, возгнушался имъ и пересталъ оное дѣлать. Внимательное разсмотрѣніе заповѣдей Божіихъ показываетъ: 1) духовность сего закона, 2) великое зло, кроющееся въ сердцѣ нашемъ и 3) силу благодати, даруемой вѣрою въ пришедшаго Спасителя и сообщаемой свыше Духомъ Святымъ, Господомъ животворящимъ. Нынѣ сей самый законъ съ Христіанскимъ Богослуженіемъ, показуя живущій въ насъ грѣхъ и обличая за оный, долженъ наклонять разумъ и волю нашу къ покорности вѣрѣ въ пришедшаго Спа-

Когда наступило время, положенное Тріипостасным Совѣтомъ; то милосердый Богъ, движимый любовію къ бѣдствующему отъ грѣха своему творенію, котораго законъ не могъ сдѣлать лучшимъ, послалъ въ міръ Единороднаго и Единосущнаго своего Сына, Іисуса Христа для спасенія всякаго человѣка, который увѣруетъ въ небесное Его посольство, покоритъ разумъ свой Божественному Его ученію, признаетъ Его Господомъ своимъ, возжелаетъ быть Его искупленникомъ и предастъ себя Его руководству.

сителя, и располагать сердце наше къ принятію спасительной благодати, которая даетъ желаніе, охоту и силы исполнять заповѣди Господни въ Духѣ Христовомъ. Благодати удостоиваются люди боящіеся Бога и старающіеся жить по заповѣдямъ Господнимъ. Она просвѣщаетъ ихъ умъ къ большему познанію Бога Спасителя своего и различенію истины и добра отъ лжи и зла, даетъ имъ силы бороться со внѣшними и внутренними врагами и побуждаетъ ихъ дѣлать добро изъ любви къ Богу и ближнему.

Іисусъ Христосъ, истинный Богъ нашъ, соединивъ въ себѣ Божество съ истиннымъ человѣчествомъ кромѣ грѣха, посредствомъ принятія тѣла человѣческаго отъ Дѣвы Маріи, избранной за свою непорочность и святость быть Божіею Матерію, въ продолженіи тридцати — трехъ — лѣтняго пребыванія между людьми, исполнилъ за родъ человѣческій законъ, данный отъ Бога; собственнымъ примѣромъ показалъ людямъ образъ совершенія добродѣтелей, угодныхъ и любезныхъ небесному Его Отцу, какъ то: послушанія, смиренія, кротости, терпѣнія, воздержанія, цѣломудрія, снисхожденія, милосердія къ ближнимъ, любви ко врагамъ и покорности небесной волѣ; ученіемъ своимъ, заключающемся въ Евангеліи,—семъ благовѣстіи любви Божіей къ человѣку, разогналъ тьму естественнаго человѣческаго разума, обяснилъ данный Богомъ человѣку законъ и представилъ передъ умомъ и самыми чувствами нашими волю Божію; вольнымъ страданіемъ и смертію своею умилостивилъ праведный гнѣвъ небеснаго Отца за беззаконія и грѣхи всего міра, и искупилъ кровію своею человѣчество отъ заслуженной грѣхомъ

клятвы, вѣчной смерти и наказанія; чудесами производимыми предъ лицемъ всѣхъ людей, преображеніемъ своимъ и особенно воскресеніемъ изъ мертвыхъ и вознесеніемъ на небо удостовѣрилъ въ своемъ Божествѣ и имѣющемъ быть по смерти человѣка воскресеніи его для принятія съ тѣломъ своимъ въ день втораго славнаго пришествія Христова вѣчной награды или осужденія по дѣламъ своимъ; ниспосланіемъ Святаго Духа на Апостоловъ своихъ излилъ на вѣрующихъ въ Него по слову ихъ дары Духа Святаго, состоящіе въ просвѣщеніи, то есть, познаніи Тріединаго Бога и всякой истины, силу къ исполненію заповѣдей Господнихъ и любовь къ творенію добродѣтелей.

Одно историческое знаніе о началѣ и распространеніи Христіанской Вѣры при разсмотрѣніи тогдашняго состоянія человѣческаго рода и средствъ, которыя были на то употреблены, можетъ убѣдить въ ея истинѣ, въ святости и Божественности великаго ея основателя, который самъ непосредственно дѣйствовалъ своею силою и будетъ дѣйствовать къ ея утвержденію до

скончанія міра, вопреки безумцевъ, отверга-ющихъ подобно Арію Божественность Спасителя. Тщетно весь міръ, подстрекаемый княземъ тьмы, воставалъ противу сей возникающей Вѣры; тщетно сильные земли, богатые и ученые воздвигали страшныя гоненія на ея Исповѣдниковъ. Кровь мучениковъ, возлюбившихъ Христа болѣе своей жизни, лилась рѣками. Не было казней, которыхъ бы звѣрская лютость идолопоклонства не изобрѣла для положенія преградъ такой Вѣрѣ, которая чѣмъ болѣе была гонима, тѣмъ болѣе распространялась и утверждалась среди смерти, среди огня и подъ ударами палачей. Наконецъ она восторжествовала и принуждала враговъ покориться себѣ, не силою и мечемъ, но святостію своею, истиною и величіемъ *).

---

*) Нынѣ хотя и нѣтъ наружныхъ гоненій за Вѣру Христову; но частно Богобоязливые люди за свое благочестивое и неукоризненное житіе подвергаются насмѣшкамъ, осужденію, униженію, а часто и самымъ обидамъ отъ людей, которые хотя и именуются Христіанами, но, отвращаясь отъ узкаго пути спасенія и идя путемъ широкимъ, не

терпятъ благочестивыхъ людей токмо за то, что сіи не подражаютъ порочной ихъ жизни и не сообразуются началамъ вѣка сего, которыми они руководствуются. Причина сему очевидна: человѣкъ, доколѣ не обратится ко Христу, хочетъ жить по своей волѣ, ссылается на примѣръ другихъ, подражаетъ большему числу одинаково съ нимъ мыслящихъ и поступающихъ, и тѣмъ себя оправдывая, все противное таковому правилу считаетъ за суевѣріе, фанатизмъ и глупость. Сіе зло, существующее между исповѣдующими Іисуса Христа, произходитъ отъ крайняго нерадѣнія и безпечности къ самимъ себѣ, отъ невѣдѣнія о Іисусѣ Христѣ и отъ погасающей въ сердцахъ любви къ Богу и ближнему, безъ которой не можетъ быть истинной вѣры, а гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ гнѣвъ Божій пребываетъ. Истинно, какъ въ первыя времена Христіанства злобный духъ употреблялъ адскія средства къ истребленію Христовой Вѣры, разрушающей его царство: такъ нынѣ коварно усыпляетъ насъ безпечностію и мечтательною надеждою на одно устное исповѣдываніе Вѣры, которое, будучи безъ внутренняго, подвергаетъ насъ

дѣлѣ его искупленія. Отвергать искупленіе и предлагаемые имъ дары, есть верхъ оже-

только упрекамъ, сказаннымъ въ откровеніи Іоанна Ангеламъ Сардійской и Лаодикійской Церквей. Смотри 3, 1—3. 14—19.

Главная причина ослабленія и уменьшенія вѣры и любви происходитъ отъ насъ, отцы и матери! Вмѣсто того, чтобы намъ служить примѣромъ для дѣтей своихъ и для ввѣренныхъ отъ Бога нашему управленію людей, которыхъ развратъ и погибель отъ насъ взыщутся, сколько есть такихъ, которые самое таинство брака, установленное Богомъ и освящаемое присутствіемъ Господа нашего, стали почитать за одинъ какой-то условной договоръ, и смотря съ сей законопреступной точки зрѣнія, располагаютъ по тому жизнь свою и провождаютъ ее хуже язычниковъ? Вмѣсто того, чтобы заняться прилѣжно дѣтьми отъ самой ихъ колыбели, такъ какъ онѣ даруются отъ Бога на радость и утѣшеніе нашей старости, и усиливать надзоръ за ихъ сердцемъ по мѣрѣ раскрытія у нихъ смысла, мы обращаемъ все наше вниманіе на тѣло ихъ и голову; а сердце, изъ коего исходитъ добро и зло, и въ коемъ растетъ и укореняется то или другое, бываетъ для насъ столь маловажнымъ дѣломъ,

спточеннѣйшаго безумія, устрояющаго собственною волею свою погибель; но и пре-

---

что мы обыкновенно представляемъ его времени, случаю и обстоятельствамъ. Ей, мы не щадимъ ничего, чтобъ сдѣлать изъ дѣтей нашихъ блестящихъ куколъ, или надѣваемъ на нихъ маски, не допускающія другихъ распознавать прикрытое лице. Христосъ Богъ сказавъ: *Не возбраняйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ*, повелѣлъ сими словами учить ихъ благочестію, ибо одно благочестіе доставляетъ къ Нему доступъ; но мы и сами не идемъ къ Нему, и отъ дѣтей скрываемъ Искупителя. Дѣти хотя и видятъ насъ иногда ходящихъ въ церковь, но никогда не слышатъ отъ насъ о Христѣ Богѣ своемъ и Его любви къ намъ; не видятъ, чтобъ мы вмѣстѣ молились, а можетъ быть, и сомнѣваются, дѣлаемъ ли мы то наединѣ *въ своихъ комнатахъ*. Сіи несчастные, поступивъ изъ рукъ нашихъ въ училища, несутъ туда съ собою лѣность, нѣгу, непослушаніе, упрямство, скрытность, лживость и наклонность къ праздности и предосудительнымъ мерзостямъ, съ которыми они спознались въ домахъ родительскихъ. Тщетно начальники и учители, имѣющіе въ казенныхъ мѣстахъ сто, двѣсти и болѣе воспитанниковъ на своемъ попеченіи,

бывать равнодушнымъ къ оному крайне опасно, ибо мы съ самаго рожденія воспріяли

прилагають труды и старанія для исполненія своей обязанности. Недостанетъ силъ и очистить у каждаго воспитанника нравственность, и обучить его полезнымъ знаніямъ, которыя, къ несчастію, столь часто предпочитаются добротѣ сердца и честному поведенію.

За тѣмъ показываются плоды первоначальной родительской безпечности. Не взирая на пожертвованія, дѣлаемыя благодѣтельнымъ Правительствомъ для нашего облегченія и доставленія дѣтямъ нашимъ воспитанія, которое бы имъ обратилось въ пользу, Отечеству въ славу, а намъ въ утѣшеніе и радость, какая малая часть воспитанниковъ являются полезными Государству людьми! Въ большей же части усматривается токмо та перемѣна, что они отъ меньшихъ безпорядковъ перешли къ большимъ. Изъ нихъ бываетъ множество лѣнивыхъ, непослушныхъ и пронырливыхъ подчиненныхъ, препятствующихъ исполненію и дѣйствію благонамѣренныхъ законовъ. Изъ среды ихъ исходятъ безпечные и слабые начальники, неправедные судіи, кичащіеся знаніями полуученые, корыстолюбивые врачи, жестокосердые господа,

на себя важную обязанность, вѣрить въ пришедшаго Господа Спасителя нашего, надѣяться на Него и любить Его. Вѣра состоитъ въ несомнѣнномъ принятіи умомъ и

расточители, иждивающіе свое и другихъ имущество, корыстолюбцы торгующіе совѣстію и обманомъ ближнихъ. Естьли отъ таковыхъ дѣтей еще при жизни нашей получимъ стыдъ, безславіе и огорченія; то воздержимся, по крайней мѣрѣ, отъ дерзскаго роптанія на Бога и отъ упрековъ противъ Правительства, училищь и воспитателей. Полезнѣе и спасительнѣе припомнить и разсудить: что мы сѣяли въ юныя сердца дѣтей нашихъ словами, а еще болѣе примѣромъ жизни нашей? И тогда увидимъ, что большею частію мы сами злу причиною, и что есть Богъ, ревнующій за Себя, творящій въ чадахъ правду и месть родителямъ, пренебрегавшимъ главнѣйшею своею обязанностію. Перестанемъ обманываться; вникнемъ въ дѣло, и конечно, при неоскудной милости Божіей, увидимъ, что одно благочестіе, сѣемое родителями въ юныя сердца и подкрѣпляемое примѣромъ, можетъ предохранить дѣтей отъ разврата и пороковъ, и содѣлать ихъ въ послѣдствіи усердными и вѣрными слугами Царскими и полезными сынами Отечества.

сердцемъ тѣхъ непостижимыхъ и невидимыхъ нами, но существенныхъ въ самихъ себѣ истинъ, кои Слово Божіе намъ представляетъ. Надежда состоитъ въ дерзновеніи къ Богу, даруемомъ сердцу человѣка отъ Бога. Она есть добродѣтель свыше влiянная, чрезъ которую человѣкъ увѣряется, что Богъ печется о его спасеніи и подаетъ ему обѣщанное блаженство. Любовь есть сообщаемая отъ Бога въ сердце добродѣтель, которою человѣкъ любитъ Бога ради Его Самаго, а ближняго своего ради Бога. Она состоитъ въ стремленіи духа къ Богу, происходящемъ отъ живаго ощущенія благости Божіей и благодарности за Его благодѣянія; свидѣтельствуется же и обнаруживается исполненіемъ заповѣдей Божіихъ и любленіемъ добродѣтели *).

---

*) Естьли мы не имѣемъ истинной спасительной вѣры, любящей и умножающейся чрезъ надежду; то не Богъ, богатый милостями и щедротами, тому виною, а мы сами, не хотящіе и не просящіе у Него сихъ даровъ, безъ коихъ самое спасеніе не достигается. Мы желаемъ, и всемѣрно ищемъ только того, что должны покинуть и чего взять съ

Дары Божіи: Вѣра, Надежда и Любовь, снесенные, такъ сказать, Сыномъ Божіимъ съ неба для людей, изливаются Духомъ Святымъ при Святомъ крещеніи. Они обнаруживаются чрезъ страхъ Божій, то есть, чрезъ отвращеніе къ порокамъ и наклонность къ добру, и умножаются посредствомъ Святыхъ таинствъ, установленыхъ Христовою Церковію, и посредствомъ слушанія и чтенія Слова Божія. Сіе Слово писан-

---

собою не можемъ; а царствіе Божіе, котораго повелѣвается намъ искать прежде всего, есть какъ бы безполезная и маловажная для насъ вещь. Блаженный Августинъ истинно сказалъ, что Богъ сотворилъ насъ безъ насъ, но не спасаетъ насъ безъ насъ.— Почему? Потому что Онъ одарилъ человѣка разумомъ для различенія между добромъ и зломъ, и свободною волею, дабы посредствомъ ея избиралъ онъ самъ для себя полезное, искалъ лучшаго и стремился къ совершеннѣйшему благу, которое для него состоитъ въ единомъ Богѣ. Слѣдственно при всемъ желаніи, свойственномъ милосердію Божію, спасти людей, не благоугодно правосудію Его спасти человѣка, когда самъ человѣкъ на то не согласенъ.

ное мужами, исполненными Духа Святаго, безъ котораго родъ человѣческій не зналъ бы ни свѣта, ни истины, ни изящности добродѣтели, ни гнусности и опасности порока, дано намъ вмѣсто вѣрнаго зеркала, ясно представляющаго собственный нашъ видъ. Оно, содержа въ себѣ вѣчныя, неизмѣняемыя истины, изображаетъ живыми и трогательными чертами безпредѣльную любовь Бога къ намъ, любовь предавшую за насъ Сына Своего; представляетъ добродѣтели для возбужденія въ насъ желанія и ревности къ подражанію; содержитъ страшныя угрозы, и нынѣ совершающіяся надъ нарушителями заповѣдей Господнихъ; указываетъ на Христа Спасителя, всегда и во всякое время готоваго миловать; предлагаетъ средства къ исправленію и наставляетъ въ томъ, какъ намъ итти временнымъ путемъ жизни, въ какомъ бы мы званіи и состояніи ни находились, для соединенія въ вѣчной жизни съ Господомъ нашимъ. Для желающаго знать, въ немъ открывается, что цѣль Вѣры Христіанской въ томъ и состоитъ, чтобъ доставить человѣку чрезъ Христа Спасителя первобытный об-

разъ и подобіе Божіе, погубленное человѣчествомъ въ своемъ прародителѣ, въ примиреніи его съ Богомъ и совѣстію, и въ доставленіи еще здѣсь того внутренняго мира и спокойствія, которыя самую смерть дѣлаютъ человѣку радостною. Важно созданіе міра и сотвореніе человѣка: но несравненно важнѣе искупленіе человѣчества. На первое употребилъ Богъ только шесть дней, и мощнымъ словомъ: *Да будетъ*, все сотворилъ; но на второе потребны были Сыну Божію тридцати-трехъ-лѣтніе труды, моленія, посты, слезы, кровавый потъ, всякаго рода безчестія, мучительная поносная смерть и изліяніе всей крови своей, которою запечатлѣлъ Онъ предпринятое изъ одной любви искупленіе человѣчества. Важность назначенія человѣчества ясно открыта въ Евангеліи; но въ нашей свободной волѣ состоитъ возжелать удостоиться онаго или отвергнуть обѣщанныя боящимся и любящимъ Бога вѣчныя блага, чрезъ прилѣпленіе сердца къ временнымъ благамъ и наслажденіямъ, которыя исчезая мгновенно вмѣстѣ съ нами погибнутъ *).

*) Съ Креста, котораго знаменіе мы вездѣ ви-

Опытъ жизни, прошедшее и настоящее, представляя кратность оной и неизвѣстность нашего на землѣ конца, могущаго послѣдовать внезапно, убѣждаетъ насъ, доколѣ день есть, разсмотрѣть дорогу, которою мы идемъ въ землю, вѣрою намъ обѣщанную, какъ въ жилище покоя, радости, наслажденія, чести и славы. Но между множествомъ путей, ведущихъ къ вѣчности, одинъ только есть вѣрный путь на небо, проложенный Самимъ Христомъ, то есть, путь крестный или отверженія своей во-

---

димъ, на груди носимъ и перстами образуемъ, Іисусъ, Господь нашъ, говоритъ каждому изъ насъ: человѣкъ, взгляни на Мои страданія, подъятыя для тебя, вникни въ великость любви Моей къ тебѣ: и ужели послѣ сего сердце твое пребудетъ хладнымъ ко Мнѣ, могущему освободить тебя изъ рабства страстей и грѣховъ, которые мучатъ тебя во времени, а въ вѣчности содѣлаютъ предо Мною безотвѣтнымъ? Уже ли не престанешь употреблять разумъ, данный тебѣ для того, чтобы ты позналъ Меня, на дѣла суетныя, безполезныя и погубляющія безсмертную твою душу, и продолжишь употреблять во зло Мое долготерпѣніе, призывающее тебя на покаяніе? —

ли. Прочіе пути, какъ бы ни прельщали нашъ разумъ и ни плѣняли сердце, суть пути ложные, которые, утомляя и изнуряя идущихъ внутреннимъ гладомъ и жаждою, ведутъ не въ благословенный Ханаанъ, но въ землю вѣчной тьмы и мученій. Естьли путь крестный, къ которому всѣ мы призваны Святымъ крещеніемъ, доставляющій истинно вѣрующимъ и здѣсь многія блага и утѣшенія, мраченъ для разума нашего, тяжелъ для плоти нашей, прискорбенъ по привязанности къ благамъ міра; то повергнемся душею и сердцемъ предъ Распятымъ за насъ Іисусомъ, станемъ просить Его неотступно, чтобы онъ поставилъ насъ на стезю, Имъ Самимъ освященную: и естьли мы претыкаемся, падаемъ, ослабѣваемъ; то не будемъ желать токмо сойти съ нее, а будемъ просить Его усердно, чтобы Онъ освѣщалъ ее, подымалъ насъ, поддерживалъ и Самъ велъ мощною своею рукою. Какой странникъ, рѣшившись возвратиться домой съ чужой стороны, въ которой жизнь для него была тягостна, (а что можетъ быть бѣдственнѣе жизни, преданной страстямъ и порокамъ, которые временно и вѣчно му-

чашъ человѣка?) не видѣлъ и при самомъ намѣреніи и при началѣ и въ продолженіи пути безпокойствъ, а иногда и опасностей? Но пламенное желаніе, соединенное съ надеждою—прибыть домой, гдѣ уповаешъ найти покой, добро и радости, все преодолѣваешъ. Подобное и въ дѣлѣ спасенія происходитъ, съ тою токмо разницею, что Самъ Господь всякаго человѣка, къ Нему обратившагося и съ довѣренностію Ему предавшагося, ведетъ къ цѣли имъ желаемой, съ попеченіемъ, свойственнымъ сердобольнѣйшему и любящему отцу.

И такъ, естьли мы начали и продолжаемъ путь къ благословенному отеческому дому, должны хранить себя отъ нарушенія заповѣдей Господнихъ. Ибо преступленіемъ одной дѣлаемся нарушителями и прочихъ по тому союзу, который онѣ имѣютъ между собою, и который состоитъ въ любви къ Богу и ближнему. Сей премудрый союзъ, открывая намъ поврежденіе и слабость нашего естества, долженъ смирять и понуждать насъ, тѣмъ болѣе прилѣпляться сердцемъ ко Христу посредствомъ благодати, свыше даруе-

мой по вѣрѣ въ безцѣнныя Его заслуги. Но самая благодать, ведущая насъ ко спасенію и наслѣдію царства небеснаго, даруется не слушателямъ, а исполнителямъ закона, для пріобрѣтенія которой и умноженія даровъ Духа Святаго далъ намъ Богъ Слово свое, и установилъ Богослуженіе и таинства. Однимъ словомъ, сущность истиннаго Христіанства, къ которому мы призваны, состоитъ въ вѣрѣ, одушевляемой любовію, для достиженія которой, съ всесильною Божіею помощію, впечатлѣемъ въ умъ нашъ спасительную истину, что вѣра безъ добрыхъ дѣлъ есть вѣра мертвая, и любовь къ Богу безъ любви къ ближнему есть любовь ложная. И какъ необходимо поддерживать внѣшнюю жизнь пищею: такъ необходимо, и еще несравненно необходимѣе и важнѣе питать душу свою Тѣломъ и Кровію Іисуса Христа Господа нашего, и просвѣщать ее Божественнымъ словомъ Его.

Не говоря о безумцахъ, отвергающихъ основныя истины Вѣры, сами исповѣдники Іисуса Христа, не взирая на великія обѣщанія, предлагаемыя въ Евангеліи, — въ семъ

священномъ завѣтѣ (договорѣ) воплощеннаго Бога съ ними, состоятъ, по образу жизни, которую ведутъ, въ слѣдующихъ степеняхъ.

Первое состояніе есть состояніе нечестія и духовной смерти. Люди сего состоянія, не боясь и не стыдясь ни Бога, ни ближнихъ, преступаютъ заповѣди Господни нагло и дѣлаютъ беззаконія явно. Будучи исполнены лукавыхъ помышленій, которыя считаютъ дозволенными, они работаютъ страстямъ и злымъ похотямъ своимъ, которымъ приносятъ въ жертву: совѣсть, доброе имя, здравіе и всѣ прочія временныя блага. Языкъ ихъ произноситъ одно зло, а необузданность поступковъ доказываетъ, что они хотятъ жить и дѣйствовать по одной своей волѣ; а о волѣ Божіей и о своемъ спасеніи ни мало не радятъ и не заботятся. *Путь нечестивыхъ погибнетъ. Смерть грѣшниковъ люта.* (Псал. 1, 6. 32, 22.)

Второе состояніе самое многочисленнѣйшее есть состояніе слѣпоты и лицемѣрія. Правило живущихъ въ семъ состояніи людей: *иногда* служить Богу и *всегда* уго-

ждатъ мамонѣ (міру, богатству). Они, полагая сущность Христіанства и спасеніе въ наружномъ исполненіи обязанностей Вѣры, ведутъ жизнь, основанную на себялюбіи, свѣтскихъ привычкахъ, часто совершенно противныхъ Духу Христову. Помраченные гордостію, истекающею изъ естественнаго разума, который въ Откровеніи именуется тьмою, и упоенные ложными понятіями, они враждебнымъ образомъ противятся истинному покаянію, состоящему въ перемѣнѣ внѣшней и внутренней жизни и вводящему *въ баню паки-бытія и обновленія—Духа Святаго,* (Тит. 3, 5.) въ которой грѣшникъ перерождается въ новаго человѣка, совлекаясь ветхихъ мыслей, желаній и дѣйствій, и дѣлается совсѣмъ инымъ, нежели каковымъ былъ дотолѣ. Ежели они воздерживаются отъ явныхъ беззаконій; то не потому, чтобы грѣхъ былъ гнусенъ имъ и ненавистенъ, но ради стыда людскаго, или изъ опасенія наказанія и безславія. Равно, естьли они дѣлаютъ и добро; то не для славы Божіей и не изъ любви къ добру, но изъ тщеславія, для полученія людской похвалы и благодарности, или изъ корыстолюбія. Отличитель-

ная черта живущихъ въ семъ состояніи людей есть сильная привязанность къ міру. Онъ есть идолъ ихъ, которому они посвящаютъ всю свою жизнь, жертвуя ему часто совѣстію, спокойствіемъ и самымъ спасеніемъ. Посѣщенія Господни для обращенія ихъ на путь истины, состоящія въ лишеніи ихъ благъ, предметовъ ихъ страстей, или уничиженіи, дѣлаютъ ихъ при всѣхъ познаніяхъ, которыми они превозносятся, несчастнѣйшими людьми, и повергаютъ ихъ въ уныніе, малодушіе и самое отчаяніе. Не хотя покорить разума своего въ послушаніе истинъ Вѣры Христовой, знаемыхъ ими буквально, они не понимаютъ того: для чего бываютъ лишаемы благъ, и почему Богъ не внемлетъ ихъ молитвамъ.

Къ людямъ, въ семъ состояніи находящимся, относятся Евангельскія слова, что они, имѣя глаза, не видятъ, и имѣя уши, не слышатъ. Почему?—Потому что они остаются, подобно Іудеямъ, въ ропотномъ и и ожесточенномъ разположеніи сердца, которое почитаетъ достаточнымъ одно внѣшнее во всемъ благоприличіе и оправдыва-

ешъ себя исполненіемъ нѣкоторыхъ заповѣдей и добрыми дѣлами, о которыхъ сказано, какъ дѣлаются и какъ дѣлать должно. (Лук. 18, 11. 12. 13. 19, 8. 17, 10.) *Мытари и любодѣйцы варяютъ вы въ Царствіи Божіи.* (Матѳ. 21, 31.)

Третіе состояніе тѣхъ, которые даютъ входъ въ сердце свое спасительной благодати Господней. Они начинаютъ познавать самихъ себя чрезъ размышленіе и внимательное слушаніе и чтеніе Слова Божія, коего строгость обличеній относятъ къ самимъ себѣ. Сіе производитъ въ нихъ стыдъ, слезы, сердечное сокрушеніе о содѣянныхъ грѣхахъ и искреннее осужденіе самихъ себя. Начиная открывать и видѣть въ себѣ страсти, пороки и слабости, на которыя не обращали прежде вниманія, и ощущая въ себѣ безсиліе не токмо къ истребленію ихъ, но и къ сопротивленію онымъ, они видятъ необходимость въ высшей небесной помощи, и потому тѣмъ болѣе прилѣпляются сердцемъ къ Божественному Спасителю и съ смиреннымъ упованіемъ испрашиваютъ у Него благодати для разумѣнія истины, и силъ

для исполненія Его заповѣдей. *Блажени плачущіи; яко тіи утѣшатся.* (Матѳ. 5, 4.)

Четвертое самое малочисленное, состояніе возрожденныхъ Духомъ Святымъ и находящихся подъ Благодатію. Они умерщвляютъ на крестѣ внутренняго покаянія всѣ вожделѣнія къ плоти, міру и гордости житейской; стараются пріобрѣсти нищету духа, стяжать кротость сердца, алчутъ и жаждутъ Христовой правды; строго наблюдаютъ за чистотою своего сердца, стараются мирить враждующихъ, переносятъ клевету и осмѣяніе съ терпѣніемъ, готовы принять гоненіе, безчестіе и, какого бы рода ни было, бѣдствіе за имя и истину Господа Іисуса. Въ сердцѣ ихъ обитаютъ: вѣра, надежда и любовь, и послѣднее чувствованіе всегда побуждаетъ ихъ къ дѣланію добра всѣми зависящими отъ нихъ способами для прославленія имени Божія. Они ощущаютъ въ себѣ начатки плодовъ царствія небеснаго, миръ съ Богомъ и совѣстію, радость и спокойствіе. Господь Іисусъ, которому во всемъ покаряютъ свою волю, коего кровію очищаются, и на котораго взираютъ непрестан-

но, есть Учитель ихъ и образецъ, которому они стараются подражать, въ ожиданіи будущаго себѣ отъ Него прославленія. *Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное.* (Матѳ. 5, 3.)

IV.

ХРИСТІАНИНЪ-СТРАННИКЪ НА ЗЕМЛѢ.

Возлюбленніи! молю яко пришельцевъ и странниковъ, огребатися отъ плотскихъ похотей, яже воюютъ на душу. (1 Петр. 2, 11.)

Христіанинъ! ты здѣсь странникъ; чужія оковы тебя держатъ здѣсь. Стремись туда, гдѣ вѣчно царствуетъ безмятежная тишина, и гдѣ цвѣтутъ однѣ радости,—стремись къ своему отечеству. Но знай, что небесный Отецъ только на правой стезѣ находитъ вѣрныхъ сыновъ своихъ. И такъ естьли ты сражался и страдалъ здѣсь за правду; то съ крѣпкою вѣрою и съ сладкою надеждою ожидай отеческаго Его призыванія.

На маломъ пространствѣ, между колыбелью и гробомъ, лежитъ поле, на которомъ мы сѣемъ наше сѣмя, дабы въ вѣчности пожать сладкіе или горькіе плоды онаго. И такъ, сколь должно быть для насъ важно и полезно, умѣть правильно цѣнить

время нашей жизни и благоразумнымъ образомъ пользоваться имъ для сѣянія; ибо отъ возращенія или истлѣнія посѣяннаго нами, даже и въ сей жизни, весьма много зависитъ счастіе и спокойствіе—наше собственное и нашихъ ближнихъ. Но сколь важно вмѣстѣ и то, естьли мы предварительно пріобрѣтаемъ правильное понятіе о нашей жизни въ семъ мірѣ! — Естьли сіе важно и для каждаго человѣка вообще, тѣмъ паче должно быть важно для Христіанина, который преимущественно, въ своемъ высокомъ званіи, съ важнымъ размышленіемъ долженъ проходить поприще земной жизни.

Между понятіями, которыя Св. Писаніе сообщаетъ намъ о земной нашей жизни, своею высокою особенностію отличается слѣдующее: „Мы странники и пришельцы на землѣ."

Въ сихъ словахъ заключается самое древнее убѣжденіе рода человѣческаго. Мы находимъ оное еще въ книгахъ Моѵсеевыхъ. Такъ Патріархъ Іаковъ свою и своихъ праотцевъ жизнь называетъ странствовані-

емъ. (Быт. 47, 3.) Святый Давидъ представляетъ также себя странникомъ и гостемъ, какъ и всѣ отцы его были. (1 Пар. 29, 15. Пс. 39, 13.) Истину сію самъ Богъ возвѣстилъ нѣкогда Израилю: *Моя есть земля, яко пришелцы и приселницы вы есте предо Мною.* (Лев. 25, 23.) И сіе въ ветхомъ Завѣтѣ есть, такъ сказать, господствующій тонъ въ понятіи о жизни, что сія земля есть только гостинница, и жизнь людей на оной есть только странствованіе по чужой землѣ. Указывая на сіе, Апостолъ въ посланіи къ Евреямъ (11, 13—16.) говоритъ: *По вѣрѣ умроша сіи вси* (Праотцы), *не пріемше обѣтованій, но издалеча видѣвше я, и исповѣдавше, яко страннiи и пришельцы суть на земли. Ибо таковая глаголющіи являются, яко отечествія взыскуютъ.*

Но сіе понятіе о земной жизни въ Христіанскомъ Ученіи представляется въ гораздо яснѣйшемъ свѣтѣ. Ибо Христіанинъ—странникъ цѣль своего странствованія усматриваетъ по ту сторону гроба во свѣтѣ вѣчной, блаженной жизни. Болѣе или

менѣе темное предчувствіе о личномъ продолженіи бытія своего, каковое родъ человѣческій имѣлъ до Іисуса Христа, историею и ученіемъ новаго Завѣта измѣнилось въ несомнѣнную увѣренность въ безсмертіе. *Христосъ истребилъ власть смерти, и явилъ жизнь и нетлѣніе посредствомъ Евангелія.* (2 Тим. 1, 10.)

Наша Вѣра, которая преимущественно должна разкрыть внутреннюю жизнь человѣка и обратить умъ и сердце его отъ видимаго къ невидимому, отъ скоро-преходящаго къ вѣчному,—наша Вѣра, въ которой все, что въ Моѵсеевомъ законѣ было, такъ сказать, неразкрывшеюся почкою, разцвѣло богатымъ цвѣтомъ, приняла въ кругъ своего ученія оное древнее изображеніе человѣческой жизни тѣмъ охотнѣе, что самые первые ея исповѣдники дѣйствительно были странниками среди своихъ современниковъ, Іудеевъ и Язычниковъ.

По сему Апостолъ Петръ съ сугубымъ правомъ могъ назвать Христіанъ своего времени въ малой Азіи странниками и пришель-

цами. (1 Петр. 2, 11.) И въ самомъ дѣлѣ, въ основаніи сего изображенія человѣческой жизни столько находится истиннаго и прекраснаго, что при мысленномъ созерцаніи онаго можно получить великую пользу.

Христіанинъ есть странникъ на землѣ!— Сіе понятіе, по видимому, находится въ противорѣчіи съ вѣрою въ вездѣприсущіе Бога, въ которомъ мы живемъ и движемся и существуемъ, и который недалекъ отъ каждаго изъ насъ. (Дѣян. 17, 27. 28.) Какъ можемъ мы чувствовать себя странниками тамъ, гдѣ повсюду усматриваемъ слѣды Божеской къ намъ близости? Гдѣ возбуждаются въ насъ силы, и гдѣ повсюду примѣчаемъ вещество, въ которомъ сіи силы могутъ упражняться, разкрываться и образоваться? Гдѣ обстоятельства и случаи соединяются для того, чтобы содѣлать землю сію мѣстомъ зрѣлища нашей дѣятельности? — Конечно, сія планета, съ которой соединены мы посредствомъ нашего тѣла, а слѣдственно и мы сами не исключены изъ вездѣприсущія Божія, и потолику мы здѣсь уже дома; конечно, мы также и граждане земли,

и, будучи таковыми, обязаны употреблять время и силы для исполненія нашихъ обязанностей, относящихся до сей жизни, а потолику мы и въ земныхъ отношеніяхъ должны быть не какъ странники земли, но какъ жители оной; конечно, въ нѣдрахъ природы, среди тварей Божіихъ, — въ ощущеніи Божеской близости, мы чувствуемъ себя какъ дома: но не возвѣщается ли намъ въ семъ же самомъ исполненномъ вѣры чувствѣ Божеской близости превысшее земнаго бытіе и жизнь? Или можетъ ли происходить отъ видимой природы то, что возвыщаетъ насъ надъ оною? Отъ ея цвѣтущихъ и увядающихъ видовъ? Не духовное ли мыслящее существо въ насъ, то есть, не мы ли сами ищемъ духовнаго сродства выше персти и находимъ оное въ мірѣ невидимомъ, чрезъ что соединяемъ въ себѣ небо съ землею? Странствующій и трудящійся въ чужой землѣ, какъ и Христіанинъ на землѣ сей, находится въ постоянномъ соединеніи съ своимъ отечествомъ. Сей образъ странничества есть не что иное, какъ чувственное выраженіе того вѣчнаго, сильнаго желанія, которое находится во всѣхъ сердцахъ че-

ловѣческихъ и которое стремится къ невѣдомому Богу. Сіе таинственное стремленіе, сіе безконечное желаніе есть основаніе существа нашего, корень и условіе всякой Религіи, источникъ всѣхъ высшихъ побужденій и вѣчное свидѣтельство о Божественномъ нашемъ происхожденіи. По сему исторія Религіи у всѣхъ народовъ представляетъ намъ собственно только болѣе или менѣе удачные образы, въ которыхъ оное, мрачнѣе или яснѣе ощущаемое желаніе открывалось во внѣшней жизни,—невидимое и безъименное получало видъ и наименованіе, духовное—оболочку и покровъ.

Такимъ образомъ Христіанинъ отношеніе настоящей жизни къ будущей созерцаетъ въ образѣ странствованія въ чужой землѣ. Приличіе и изящество сего сравненія заключается въ цѣли и назначеніи земной жизни. Отецъ посылаетъ своего сына въ чужую землю. Не для того, чтобы навсегда остаться тамъ; не для того, чтобы въ чужой странѣ содѣлаться чуждымъ для отечества и отеческаго сердца, повинуется сынъ волѣ отца своего. Нѣтъ! Онъ оставъ-

ляешъ отеческій домъ для того, чтобы въ отдаленіи отъ онаго тѣмъ съ большею искренностію и любовію питать въ себѣ воспоминаніе о своихъ домашнихъ, чтобы съ большими свѣдѣніями и опытностію, съ большимъ усовершенствованіемъ въ каждомъ родѣ образованія возвратиться въ объятія искренней любви.—И мы не навсегда должны оставаться на землѣ сей. Она не есть для насъ мѣсто, на которомъ можно было бы строить вѣчныя жилища: мы ищемъ будущаго града. (Евр. 13, 14.) Дни нашей жизни, кажется, только съ непрестанно большею быстротою несутся съ нами отсюда. Древній порядокъ вещей гласитъ: „Человѣкъ! ты долженъ умереть!" (Сир. 14, 18.) и каждый звукъ погребальнаго колокола отвѣтствуетъ: „Еще одинъ умеръ и обрѣлъ свое отечество!"—Такъ, отечество для Христіанина на землѣ сей, какъ для странника въ чужой землѣ, есть вожделѣнная цѣль, къ которой устремлены всѣ его мысли, желанія и дѣйствія. Земная жизнь есть для него только средство къ его внутреннему образованію, есть пріуготовленіе къ жизни будущей. Какъ сынъ какого-нибудь отца, на-

ходясь въ чужой странѣ, пользуется временемъ и случаями для того, чтобы, сообразно съ своимъ званіемъ, достойнымъ образомъ пріуготовить себя или художникомъ, или купцомъ, или ученымъ, и чтобы послѣ того, возвратившись въ отечество полезнымъ членомъ общества, получить одобреніе и похвалу отъ отца своего: такъ Христіанинъ на всю земную жизнь свою смотритъ какъ на урочное время, чрезъ правильное употребленіе котораго онъ долженъ стараться, достигать своей высокой цѣли, то есть, непрестанно яснѣйшаго познанія истины, непрестанно большаго утвержденія своего сердца въ добродѣтели и человѣколюбіи, и постояннаго довольства, которое въ сознаніи любви небеснаго Отца находитъ вѣнецъ свой.

Но естьли здѣсь наше всегдашнее отечество: то къ чему тогда столь многія способности и силы души нашей, которыя здѣсь только начинаютъ раскрываться, но никогда не достигаютъ своего совершенства? Къ чему тогда стремленіе въ насъ къ нѣкоему изяществу, которое на землѣ

не имѣетъ никакой непосредственной цѣли? Не должно ли тогда все, что величественнаго и славнаго происходило когда—либо отъ человѣческой природы, быть измѣряемо только малою мѣрою земныхъ выгодъ! Но естьли неоспоримо то, что совершенное вѣдѣніе, совершенная добродѣтель и совершенное блаженство есть достояніе высшаго міра; то очевидно, что Христіанинъ, призванный къ непрестанному возрастанію въ совершенствѣ, не ищетъ на землѣ своего отечества. —

Сіе будетъ гораздо явственнѣе, когда сравнимъ опыты, которые испытываетъ странникъ въ чужой землѣ и Христіанинъ на землѣ сей.

Оба они, не зная, какъ долго продолжится ихъ пребываніе, каждый часъ должны ожидать отеческаго призыванія. Оба должны часто переходить съ одного мѣста на другое, и вмѣсто обрушившейся хижины искать другаго пристанища, не зная сами, гдѣ найдутъ они для себя могилу. Взорамъ обоихъ въ непрестанномъ измѣненіи пред-

ставляются скоропреходящія явленія, которыя, какъ тѣни сновидѣнія изчезаютъ въ прошедшемъ. Одному изъ нихъ представляются отдаленныя земли съ ихъ полями и лѣсами, горами и рѣками, чужіе города, села и люди, живущіе въ нихъ, съ другими языками и нравами, обычаями и модами, въ разнообразномъ смѣшеніи; другому— протекшіе дни и годы жизни со всѣми горькосладкими ихъ опытами, богатые и бѣдные, друзья и враги, и посторонніе люди, какъ они встрѣчаются намъ на пути жизни, съ ихъ чувствованіями, словами и дѣлами; война и миръ, и всѣ произшествія въ Исторіи великаго міра, равно какъ и въ маломъ мірѣ семейства; отъ младенчества даже до старости. Оба они во время своего странствованія должны бываютъ сражаться со многими трудностями и непріятностями, которыя пріуготовляетъ имъ то судьба, то незнаніе чужой страны, то собственное неразуміе; впрочемъ оба они находятъ иногда и въ чужой странѣ нѣчто пріятное и привлекательное, нѣкое утѣшеніе и радости. Иногда они продолжаютъ путь свой среди бурь и непогодъ чрезъ мрач-

ныя, поглощающія пучины, чрезъ жилища зміевъ и чрезъ утесистыя непроходимыя скалы; иногда на противъ они идутъ подъ яснымъ небомъ чрезъ пріятныя долины и холмы, съ которыхъ повсюду открываются восхитительные виды. Но изъ всего того, что они видѣли и слышали, что они любили и ненавидѣли, что огорчало ихъ или доставляло имъ утѣшеніе,—изъ всего того ничего не осталось у нихъ, кромѣ одного, болѣе или менѣе слабаго воспоминанія, въ мерцающемъ свѣтѣ котораго утомленный странникъ остается еще до поздняго времени и историю протекшихъ дней разсказываетъ своему внуку.

Сіе непостоянство и премѣняемость явленій настоящей жизни ведетъ насъ къ другой подобной чертѣ сего изображенія, именно къ недовольству, которое Христіанинъ въ семъ мірѣ, какъ въ нѣкоей чужой странѣ, ощущаетъ въ себѣ. Ибо здѣсь, гдѣ гражданскія и общественныя отношенія часто поставляютъ человѣка въ нѣкоей необходимости, сообразоваться со свойствомъ обстоятельствъ и служить для другихъ ору-

діемъ къ достиженію какихъ—либо суетныхъ цѣлей; гдѣ заслуги часто измѣряются слѣпымъ счастіемъ, и все достоинство мыслящихъ существъ, кажется, заключено въ одномъ только наружномъ видѣ; гдѣ люди бываютъ всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ изъ нихъ случайность обстоятельствъ и отношеній, орудіями суетной любви къ міру и своекорыстныхъ цѣлей; гдѣ Вѣра и добродѣтель нерѣдко имѣютъ одинаковую участь съ предметами господствующаго обыкновенія,—здѣсь конечно Христіанинъ съ своими привилами и чувствованіями долженъ быть какъ чужой между чужими. Пребываніе въ такой странѣ не удовлетворяетъ его высшему желанію, не соотвѣтствуетъ непрестанному его стремленію къ добродѣтели, не доставляетъ ему утѣшенія и подкрѣпленія.

Но что можетъ быть для насъ естественнѣе, какъ пламенѣть желаніемъ возвратиться изъ чужой страны въ свое отечество? Правда, что прелесть новости на нѣсколько времени привязываетъ насъ къ чужой странѣ; что нѣкоторыя ея особенности и преимущества привлекаютъ къ се-

бѣ наше вниманіе; правда что ей бываемъ одолжены мы нашимъ знаніемъ, образованностію и благосостояніемъ; что честныя связи пребываніе въ чужой странѣ дѣлаютъ для насъ пріятнымъ; впрочемъ ея ослѣпляющій блескъ, ея шумныя радости никогда не могутъ совершенно удовольствовать насъ. Мы никогда не захотимъ навсегда промѣнять на нихъ своего отечества; ибо тамъ никогда не находимъ мы, какъ въ нѣдрахъ любезнаго семейства, искренняго сердца отца, горячей любви матери и нѣжныхъ чувствованій брата и сестры; никогда не находимъ вѣрныхъ и искреннихъ друзей, какъ въ отечествѣ, къ которому влекутъ насъ тысячекратныя блаженныя воспоминанія.

Такъ и душа Христіанина, стремящаяся къ горнему своему отечеству, никогда не наслаждается такимъ спокойствіемъ и блаженствомъ, какъ въ то время, когда она торжествуетъ блаженное соединеніе съ онымъ. Пусть настоящая жизнь предлагаетъ предъ нею свои сокровища; пусть удовольствія и радости встрѣчаются съ нею на всѣхъ

путяхъ; пусть богатства, почести и высокія достоинства повсюду открываются предъ ней: изъ всего того ни что не можетъ успокоить сильнаго ея стремленія. Радости, которыя восхищаютъ наши чувства, не наполняютъ ея; скорбь бываетъ жатвою и самыхъ невинныхъ удовольствій, естьли только онѣ бываютъ скоротечны. Только по ту сторону гроба Христіанинъ ищетъ вѣчно цвѣтущихъ радостей. А что Господь и въ сей жизни даруетъ ему, какъ счастіе, онъ наслаждается тѣмъ съ благодарностію, но благодарить онъ можетъ только по тому, что высшія движенія его духа и сердца принадлежатъ къ міру невидимому, который есть отечество и стихія души его, между тѣмъ какъ холодные, чувственные люди не понимаютъ ни его желаній, ни стремленій, и смотрятъ на него или съ изумленіемъ, или съ презрѣніемъ.

Да и какъ можно найти въ сей преходящей жизни начало, силу, подкрѣпленіе и цѣль всѣхъ высшихъ стремленій, къ которымъ человѣкъ вообще, и въ особенности Христіанинъ способенъ. Какъ можетъ ви-

димый міръ вмѣстить въ себѣ безконечность его желаній, глубокое, святое стремленіе его безсмертной любви? Или, откуда происходитъ та никогда неутолимая жажда къ просвѣщенію, которая открывается въ уединенномъ размышленіи неутомимаго испытателя, въ его непрестанномъ стремленіи къ яснѣйшему познанію вѣчной истины, блага и красоты, къ глубочайшему прозрѣнію въ таинства природы и Исторіи. Откуда происходятъ чрезмѣрныя усилія мудраго и ученаго; откуда получаетъ онъ силы и побужденіе, когда, не получая достойной награды на землѣ, чрезъ всю жизнь свою, съ утратою здоровья, онъ трудится для того, чтобы болѣе распространить царство наукъ и искусствъ, чтобы только возжечь болѣе свѣта въ умахъ человѣческихъ? Откуда и къ чему все сіе, естьли это не есть сокровенное, превысшее земнаго побужденіе, которое дѣйствуетъ въ семъ чуждомъ мірѣ, и въ Христіанинѣ находитъ своего исповѣдника? —

Ты любишь Религію; ты стоишь въ благоговѣйномъ трепетѣ, когда чувство Ведѣ-

присущаго, Свяшаго объемлетъ тебя, когда въ уединенной тишинѣ природы ты бываешь проникнутъ нѣкоторымъ чувствомъ, подобнымъ желанію и любви къ отечеству, и ты считаешь таковыя минуты между самыми лучшими и блаженнѣйшими въ твоей жизни. Хорошо поступаешь ты въ семъ случаѣ; не не исповѣдуешь ли симъ самымъ, что внутренняя жизнь твоя не принадлежитъ сей землѣ, что персть не есть твоя собственность, и что не земля есть мѣсто твоего произхожденія, не земля есть и конецъ бытія твоего, не земля есть твое отечество? Или, скажи мнѣ, Христіанинъ! для чего ты молишься? Отъ чего въ пламенной, благоговѣйной молитвѣ твоей изчезаетъ для тебя міръ съ его отношеніями, такъ что ты живешь только въ чувствѣ Божескаго вездѣприсутствія? Не есть ли твоя молитва духовное воззрѣніе въ тотъ міръ; не естьли она тихое торжество твоего небеснаго произхожденія, мгновенное возвращеніе души изъ страны пришельствія въ отечество? Естьли бы мы на сей землѣ были дома; то молитва была бы только одна пустая форма, печальное

самообольщеніе. Но нѣтъ! небесныя предчувствія, утѣшительныя чувства Религіи суть для насъ—странниковъ и пришельцевъ на землѣ сей—благія вѣстники изъ отечества!

Ты чтишь добродѣтель; ты удивляешься силѣ и возвышенности мыслей, которыя обнаруживаетъ въ себѣ человѣкъ, когда рѣшается на какое-либо важное предпріятіе, спокойнымъ размышленіемъ объемлетъ его въ себѣ и неутомимою дѣятельностію приводитъ его въ исполненіе,—и твое удивленіе смѣшивается съ нѣкоею высшею радостію о томъ, что находится въ человѣкѣ. Но не показываешь ли ты симъ, что ты предполагаешь въ немъ нѣчто непринадлежащее къ земному веществу, нѣчто Божественное, что чуждо сему міру,—ибо оно побѣждаетъ міръ,—и что Христіанинъ называетъ своею вѣрою? И сія вѣра что другое есть, какъ не блаженная жизнь въ Богѣ, внутреннѣйшее сознаніе нашего съ Нимъ соединенія, не столько близкаго по тому, что мы еще въ чужой странѣ, таинственное стремленіе къ чему-то высшему въ мысляхъ, желаніяхъ и чувствованіяхъ, неразрывный

союзъ духовъ, собственное святилище нашей природы.

Естьли ты сомнѣваешься, что человѣкъ съ высокимъ чувствомъ Вѣры и добродѣтели здѣсь есть странникъ; то поди и спроси ревностнаго служителя Церкви и Отечества, отъ земли ли произходитъ тотъ духъ, который воспламеняетъ его ревность, такъ что онъ, безъ всякаго отношенія къ своему спокойствію и выгодамъ, съ неутомимою дѣятельностію проходитъ свое званіе, и трудится для счастія и благоденствія людей? Поди и спроси героя, откуда произходитъ его воодушевленіе, когда онъ за Вѣру и Отечество, презирая всѣ ужасы смерти, бросается въ самый сильный жаръ сраженія? Поди и спроси отца, откуда происходитъ его усердіе, когда онъ съ неутомимымъ прилѣжаніемъ, тягостными средствами пріобрѣтаетъ хлѣбъ для жены и дѣтей? Спроси наконецъ мать, кто даетъ ей силы, и какой награды ожидаетъ искренняя любовь ея, когда она для сына болѣзней своихъ лишаетъ себя покоя, жертвуетъ своимъ здоровьемъ и влачитъ безрадо-

стное бытіе свое въ добровольномъ отреченіи отъ всѣхъ удовольствій, доколѣ исполненное горячей любви сердце ея не успокоится въ хладной могилѣ? О, предѣлы земли тѣсны и малы для безпредѣльныхъ пожертвованій, къ которымъ способно исполненое любви сердце, — сердце, которое въ послѣдованіи Господу можетъ погубить жизнь, которую оно имѣетъ въ чужой странѣ, для пріобрѣтенія другой въ своемъ отечествѣ! И естьли кто думаетъ быть Христіаниномъ и однакожъ почитаетъ возможнымъ, не быть странникомъ въ семъ мірѣ, тотъ пусть вспомнитъ слова Іисуса Христа, которыя относятся и къ нему: *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.* (Мар. 8, 34.).

V.

СМЕРТНОСТЬ.

Сынъ смерти! откуда ты идешь? отъ чего видъ твой мраченъ? отъ чего на глазахъ твоихъ слезы?—Ахъ! я видѣлъ розу въ ея красотѣ: она распускала листья свои при утреннемъ солнцѣ. Я пришелъ въ другой разъ: она увяла на своемъ стеблѣ; красота ея миновалась; прелесть изчезла; листья ея разсыпались по землѣ, и никто не собиралъ ихъ.

Я видѣлъ величественное древо на долинѣ: его вѣтви были покрыты зеленью; долгіе суки его производили пріятную тѣнь; его кряжъ уподоблялся огромному столбу; крѣпкіе корни его глубоко простирались въ землю. Я пришелъ въ другой разъ:—зелень его была оборвана восточнымъ вѣтромъ, вѣтви обрублены сѣкирою; червь проложилъ себѣ путь въ его кряжъ и источилъ сердцевину; — оно разрушилось и пало на землю.

Я видѣлъ, какъ насѣкомыя играли при солнечномъ сіяніи. Ихъ крылья блистали золотомъ и пурпуромъ; ихъ тѣла свѣтились подобно зеленому изумруду. Ихъ было такъ много, что я не могъ изчислить; ихъ движенія были такъ быстры, что взоръ мой не могъ за ними слѣдовать. Я пришелъ въ другой разъ: ихъ уже не было; онѣ погибли при хладномъ вечернемъ вѣтрѣ.

Я видѣлъ человѣка, гордящагося обиліемъ тѣлесныхъ силъ своихъ: на щекахъ его игралъ румянецъ; его члены были исполнены живости; онъ бѣгалъ, прыгалъ, увеселялся превосходствомъ своимъ предъ прочими. Я пришелъ въ другой разъ: онъ лежитъ на голой землѣ—хладный и окостенѣлый; его ноги болѣе не двигались, руки не разпростирались; жизнь оставила его; не было въ немъ дыханія.—И такъ я долженъ плакать; потому что смерть существуетъ въ мірѣ,—потому что хищникъ находится между твореніями Божіими. Все, что произошло, должно разрушиться; все, что родилось, должно умереть. Оставь меня одного, я буду плакать еще болѣе.—

VI.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Я видѣлъ цвѣтъ, увядающій на своемъ стеблѣ; пожелтѣлые листья его падали на землю.—Я пришелъ въ другой разъ: онъ выросъ снова; его стебель увѣнчанъ былъ новыми почками, и его благоуханіемъ наполнялся воздухъ.

Я видѣлъ солнце, катящееся на Западъ; ночныя тѣни замыкали пространный горизонтъ; не было ни цвѣта, ни вида, ни красоты, ни пѣснопѣнія: мракъ и темнота носились вокругъ. — Я посмотрѣлъ въ другой разъ: солнце снова явилось на Востокѣ и ночныя тѣни изчезли, — и жаворонокъ съ гнѣзда своего поднялся къ нему на встрѣчу. —

Я видѣлъ насѣкомое во всей величинѣ его слабымъ и тощимъ; оно само себѣ соткало гробъ и скрылось въ шелковомъ конусѣ; оно лежало безъ ногъ, безъ вида, и не могло

двигаться. Я посмотрѣлъ въ другой разъ: оно исторглось изъ своего гроба; исполнилось жизни, и на красныхъ крыльяхъ своихъ понеслось по чистому воздуху; оно наслаждалось новымъ бытіемъ своимъ.

Человѣкъ! то же будетъ и съ тобою! Такъ обновится нѣкогда и твоя жизнь. Красота возродится изъ пепла, жизнь—изъ праха. Не долго будешь лежать ты въ могилѣ, подобно какъ сѣмя лежитъ въ нѣдрахъ земли: ты снова возстанешь и никогда уже не умрешь болѣе.

Кто это идетъ отверзть мрачныя двери гроба, повелѣть возстать мертвымъ и собрать искупленныхъ своихъ съ четырехъ странъ свѣта?— Онъ нисходитъ на огненномъ облакѣ; трубный гласъ предшествуетъ Ему; тысячи Ангеловъ одесную Его. — Это Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель человѣковъ, другъ добродѣтельныхъ. Онъ идетъ во славѣ Отца своего; Онъ получилъ власть свыше. И такъ не плачь, сынъ безсмертія! Хищникъ, жестокій хищникъ, опустошавшій творенія Божіи, низложенъ.

Смерть побѣждена Агнцомъ. — Сынъ безсмертія, не плачь болѣе! —

VII.

СВ. СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРІАНА, ЕПИСКОПА КАРѲАГЕНСКАГО,

СЛОВО,

О БЛАГОЧИНІИ И ОДЕЖДѢ ДѢВСТВЕННИЦЪ.

Благочиніе есть стражъ надежды, ограда вѣры, вождь на пути спасенія, насадитель и воспитатель благихъ мыслей и чувствованій, наставникъ въ добродѣтели. Оно дѣлаетъ человѣка способнымъ всегда пребывать во Христѣ, непрестанно жить для Бога, получать небесныя обѣтованія и Божественныя награды. Спасительно, подчинять себя оному; а уклоняться и избѣгать онаго, пагубно. Въ Псалмахъ Духъ Святый говоритъ: *Пріимите наказаніе, да не когда прогнѣвается Господь, и погибнете отъ пути праведнаго, егда возгорится вскорѣ ярость Его.* (Псал. 2, 12.) И опять: *Грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ*

еси наказаніе, и отвергл еси словеса Моя вспять. (Псал. 49, 16. 17.) И еще читаемъ: *Наказаніе уничижаяй, окаяненъ.* (Прем. 3, 11.) И Соломонъ, поучая заповѣдямъ премудрости, говоритъ: *Сыне, не пренебрегай наказанія Господня, ниже ослабѣвай отъ него обличаемый: егоже бо любитъ Господь, наказуетъ.* (Притч. 3, 11.) Ежели же Богъ наказываетъ того, кого любитъ, и наказываетъ для того, чтобы его исправить; то и братья, особенно же Священники, не ненавидятъ, но любятъ тѣхъ, которыхъ наказываютъ, для ихъ исправленія. Сіе Самъ Богъ предсказалъ чрезъ Іеремію, и, указывая на наши времена, сказалъ: *И дамъ вамъ пастыри по сердцу Моему, и упасутъ васъ разумомъ и ученіемъ.* (3, 15.)

И такъ, ежели въ Святыхъ Писаніяхъ повсюду заповѣдуется благочиніе; ежели все зданіе благочестія и Вѣры зиждется на благоговѣніи и страхѣ: то чего намъ съ большимъ жаромъ желать, чего крѣпче держаться надлежитъ, какъ не того, чтобы, пустивъ глубже корни, и основавъ свое пребываніе на твердомъ и краеугольномъ каме-

ни, противустоять бурямъ и вихрямъ вѣка сего, и путемъ Божественныхъ заповѣдей достигать почестей званія Христова? О чемъ должны мы прилѣжнѣе разсуждать, какъ не о томъ, что тѣла наши, отъ всякой древней скверны очищенныя банею паки-бытія, суть храмъ Божій; что не должно растлѣвать или осквернять сего храма; поелику растлѣвающій его и самъ будетъ разстлѣнъ? (1 Кор. 3, 17.) Мы чтители и первосвященники сихъ храмовъ: будемъ служить Тому, кому уже принадлежимъ. Павелъ въ своихъ Посланіяхъ, напутствуя насъ на поприще жизни Божественными наставленіями, говоритъ: *Нѣсте свои: куплени бо есте цѣною: прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ.* И такъ прославимъ Бога, и будемъ носить Его въ чистомъ и нескверномъ тѣлѣ нашемъ, прославимъ Его святымъ благоговѣніемъ; и какъ искупленные кровію Христа, Господа нашего, будемъ повиноваться власти Искупителя со всею покорностію вѣрныхъ слугъ; потщимся въ храмъ Божій не вносить ничего скверинаго и мірскаго, дабы Онъ, бывъ оскорбленъ, не лишилъ насъ своего присут-

ствія. Господь, Спаситель нашъ и Учитель, врачь и Наставникъ говоритъ: *Се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ.* (Іоан. 5, 14.) Даровавъ здравіе, предписываетъ образъ поведенія, внушаетъ законъ непорочности; не только не позволяетъ, чтобы разслабленный, послѣ исцѣленія, всюду блуждалъ, куда поведутъ необузданныя пожеланія, но въ случаѣ уклоненія отъ пути праваго угрожаетъ болѣзнями, тягчайшими тѣхъ, отъ которыхъ онъ исцѣлился, давая чрезъ сіе разумѣть, что менѣе бываютъ виновны, погрѣшая противъ заповѣдей Божіихъ, доколѣ еще не знаютъ оныхъ, и что напротивъ совсѣмъ непростительно грѣшитъ, когда уже получили познаніе о Богѣ. Сіе должны наблюдать люди всякаго пола и возраста, мужи и жены, отроки и отроковицы, и въ дѣлѣ благочестія и Вѣры, которою они обязаны Богу, должны тщательно и съ заботливымъ страхомъ хранить святость и чистоту, полученную ими по благоволѐнію Господа, ибо написано: *Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ.* (Матѳ. 10, 22.)

Теперь слово мое обращаю къ дѣвственницамъ, о которыхъ, чѣмъ выше бываютъ онѣ славою, тѣмъ болѣе и забочусь. Онѣ суть цвѣты въ вертоградѣ Церкви, краса и прославленіе благодати, торжество природы, цѣломудренный и непорочный плодъ хвалы и чести, образъ Божій, сообразный святынѣ Господа, славнѣйшая часть стада Христова. Радуется о нихъ Церковь, и въ нихъ изобильно процвѣтаетъ славное плодородіе сея Матери: и чѣмъ болѣе увеличивается многочисленное сословіе дѣвственницъ, тѣмъ болѣе умножается радость Матери. Къ нимъ-то я говорю, ихъ увѣщеваю, не столько по власти, сколько по сердечному къ нимъ расположенію: увѣщеваю не потому, будто бы я, меньшій и нижайшій изъ всѣхъ, въ забвеніи о собственной ничтожности и слабости, хотѣлъ присвоить себѣ нѣкоторую рѣшительную власть надъ ихъ свободою; но потому, что я тѣмъ болѣе ихъ боюсь нападеній діавола, чѣмъ съ большею въ сравненіи съ ними заботливостію стараюсь предупреждать оныя. Ибо не напрасно сіе опасеніе, не тщетенъ страхъ; онъ ведетъ на путь спасенія, и способствуетъ

къ сохраненію живошворныхъ заповѣдей Господа, дабы дѣвы, которыя посвятили себя Христу, и, отказавшись отъ плотскихъ похотей, по плоти и по духу предали себя Богу, совершали надлежащимъ образомъ дѣло свое, за которое назначены великія награды; дабы не думали уже украшать себя, и не старались быть кому—либо угодными, кромѣ своего Господа, отъ котораго ожидаютъ и награды за свое дѣвство, какъ Самъ Онъ говоритъ: *Не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть: суть бо скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако: и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ: и суть скопцы, иже исказиша сами себе, царствія ради небеснаго.* (Матѳ. 19, 11.) Тотъ же даръ воздержанія означается, то же дѣвство возвѣщается и онымъ гласомъ Ангела: *Сіи суть, иже съ женами не осквернишася: зане дѣвственницы суть: сіи послѣдуютъ агнцу, аможе аще пойдетъ.* (Апок. 14, 4.) Ибо Господь не мужамъ только обѣщаетъ благодать воздержанія, обходя женъ; но, поелику жена есть часть мужа, изъ него взята и образована, и поелику во всѣхъ Писаніяхъ подтверждается сила словъ,

изреченныхъ прародителю Богомъ: *И будета два въ плоть едину*; то съ мужемъ вмѣстѣ разумѣется и жена.

Ежели Христосъ отъ своихъ послѣдователей требуетъ воздержанія, и царство Божіе назначается дѣвству; то что дѣвамъ въ земныхъ нарядахъ и украшеніяхъ? Утѣшаясь тѣмъ, что оными понравиться можно людямъ, онѣ оскорбляютъ Бога, не думая о семъ изреченіи: *Богъ разсыпа кости человѣкоугодниковъ: постыдѣшася, яко Богъ уничижи ихъ.* (Псал. 52, 7.) Не думаютъ и о семъ славномъ и высокомъ признаніи Апостола Павла: *Аще быхъ человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ.* (Гал. 1, 10.) Впрочемъ воздержаніе и цѣломудріе состоитъ не въ одной непорочности плоти, но и въ скромности одеждъ и въ цѣломудріи украшеній, чтобы, по Апостолу, *непосягшая была свята и тѣломъ и духомъ*. Павелъ поучаетъ и говоритъ: *Не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви: а оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ.* Такимъ образомъ и дѣва, и жена не посягшая,

печется о Господнихъ, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ. Дѣва не только должна *быть* дѣвою, но надобно, чтобы и *разумѣли* и *почитали* ее дѣвою, дабы никто, видя ее, не сомнѣвался, что она дѣва. Непорочность должна быть во всемъ непорочна, и тѣлесная одежда не должна измѣнять внутреннему совершенству. Для чего ты ходишь разрядившись и съ причесанными волосами, какъ будто имѣешь, или ищешь мужа? Бойся нравиться, ежели ты дѣва, и не ищи себѣ опасности, ты, которая блюдешь себя для лучшей и Божественной цѣли. Неимѣющія мужей, которымъ бы могли нравиться, да пребываютъ чисты и непорочны не только тѣломъ, но и духомъ. Неприлично дѣвственницамъ украшать свое лице, или величаться красотою тѣла; ибо нѣтъ для нихъ никакой брани, которая была бы труднѣе, какъ брань съ плотію и тѣломъ, которое должны онѣ укрощать и побѣждать. Павелъ крѣпкимъ и громкимъ гласомъ вопіетъ: *Мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, имже мнѣ міръ распяся, и азъ міру*: (Гал. 6, 14.) и дѣва ли

въ церкви величаешся красошою шѣла? Павелъ прибавляешъ и говоришъ: *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми.* (Гал. 5, 24.) И шакъ ужели въ шой, кошорая признаешъ себя ошказавшеюся ошъ похошей и сшрасшей плоши, найдушся шѣ же самыя сшрасши, ошъ кошорыхъ она ошказалась? Видно, какова шы дѣва. Ты величаешься, чшо совсѣмъ не шакова, и пришворсшвуешь. Ты оскверняешь себя плошскими похошями, будучи предназначена къ непорочносши и цѣломудрію. *Возопій*, говоришъ Господь Исаіи: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный. Изсше трава, и цвѣтъ отпаде, глаголъ же Бога нашего пребываетъ во вѣки.* (40, 6.) Неприлично Хрисшіанину, и наипаче дѣвсшвенницѣ, гоняшься за блескомъ и почесшями плоши; должно единсшвенно желашь Слова Божія и искашь вѣчныхъ благъ. Или, ежели должно во плоши хвалишься, шо вѣрно шогда, когда мучашъ шебя за исповѣданіе Хрисшова имени, когда жена являешся мужесшвеннѣе мужей мучишелей; когда она сшрадаешъ въ огнѣ, или на кресшѣ, или подъ мечемъ, или

предаетъ себя на растерзаніе звѣрямъ для полученія вѣнца. Вотъ драгоцѣнное ожерелье плоти, вотъ наилучшее украшеніе тѣла!

Но есть жены богатыя и преизобилующія стяжаніями, которыя весьма заняты своимъ богатствомъ, и настоятельно утверждаютъ, что имъ должно пользоваться своими благами. Пусть таковыя знаютъ, что богатая изъ нихъ есть та, которая богата въ Богѣ и во Христѣ; что истинныя блага суть блага духовныя, Божественныя, небесныя, которыя ведутъ насъ къ Богу, и у Бога составляютъ вѣчное наше стяжаніе. Впрочемъ всѣ блага земныя, пріобрѣтаемыя въ мірѣ семъ и въ немъ нами оставляемыя, столько же должно презирать, какъ и самый міръ, отъ пышности и утѣхъ котораго мы уже отказались тогда, какъ сдѣлали достохвальный отъ него переходъ къ Богу. Іоаннъ возбуждаетъ и убѣждаетъ насъ духовнымъ и небеснымъ гласомъ, свидѣтельствуя: *Не любите міра, ни, яже въ мірѣ. Аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ: яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житей-*

ская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть. И міръ преходитъ, и похоть его: а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки. (1 Іоан. 2, 15—17.) И такъ должно стремиться къ вѣчнымъ и Божественнымъ благамъ, и дѣлать все по волѣ Божіей, дабы итти по слѣдамъ и заповѣдямъ Господа нашего, который убѣждалъ, говоря: *Яко снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца.* (Іоан. 6, 38.) Ежели рабъ меньше своего господина, и освобожденный обязанъ повиновеніемъ освободившему его: то мы, желающіе быть Христіанами, должны подражать дѣламъ Христовымъ. Писано, и мы читаемъ, и слышимъ, и устами Церкви намъ въ примѣръ торжественно возвѣщается: *Глаголяй въ Немъ* (во Христѣ) *пребывати, долженъ есть, якоже Онъ ходилъ есть, и сей такожде ходити.* (1 Іоан. 2, 6.) По сему надобно итти тѣмъ же путемъ, держаться Его слѣдовъ. Тогда вѣрующій будетъ соотвѣтствовать своему имени, найдетъ истину, и получитъ награду за то, что онъ и вѣритъ, и творитъ дѣла вѣры. Ты называешь себя богатою, но востаетъ

противъ богатства твоего Павелъ, и собственными словами предписываетъ тебѣ, наблюдать умѣренность въ одеждѣ и украшеніяхъ для благихъ цѣлей: *Жены*, говоритъ онъ, *во украшеніи лѣпотномъ, со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе, не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными, но, еже подобаетъ женамъ обѣщавающимися благочестію, дѣлы благими.* (1 Тим. 9, 10.) Согласно съ сею заповѣдію говоритъ и Петръ: *Имже* (женамъ) *да будетъ, не внѣшняя плетенія власъ, и обложенія злата, или одѣянія ризъ лѣпота: но потаенный сердца человѣкъ.* (1 Петр. 3, 3.) Ежели они совѣтуютъ умѣрять себя и съ благоговѣйнымъ вниманіемъ держаться уставовъ Церкви женамъ, которыя обыкновенно извиняютъ себя въ своихъ украшеніяхъ, ссылаясь на мужей: то кольми паче должны сіе наблюдать дѣвственницы, которымъ вовсе непростительны ихъ украшенія; которымъ не на кого слагать свою вину, и которыя *однѣ* остаются преступницами? Ты называешь себя богатою; но не все то дѣлать *должно*, что можно; обширныя жела-

нія, раждающіяся ошъ гордосши вѣка сего, не должны бышь просшираемы за предѣлы дѣвической чесши и цѣломудрія, по словамъ Писанія: *вся мнѣ лѣть суть, но не вся на пользу.* (1 Кор. 6, 12.)

Но не льзя шебя извинишь и почесть непорочною по сердцу и цѣломудренною, когда шы роскошно убираешь свои волосы, обращаешь на себя вниманіе, являясь въ ошкрышыхъ собраніяхъ, уловляешь взоры юношей и влечешь за собою ихъ вздохи, пишаешь плошское вождѣлѣніе, раздуваешь пламень беззаконный, и, хошя не погибаешь сама, однако погубляешь другихъ, и какъ бы представляешь изъ себя мечь и ядъ взирающимъ на шебя. Тебя обличаешь нечесшивая одежда и безсшыдное украшеніе, шебя не льзя уже включишь въ число ошроковицъ и дѣвъ Хрисшовыхъ, шебя, кошорая живешь шакъ, чшо можешь внушашь къ себѣ сшрасшь любви.

Ты называешь себя богашою; но дѣвсшвенницѣ неприлично величашься своимъ богашсшвомъ; ибо Писаніе Божесшвенное го-

воришъ: *Что пользова намъ гордыня? и богатство съ величаніемъ что воздаде намъ? Преидоша вся она, яко сѣнь.* (Прем. 5, 8.) И Апостолъ паки убѣждаешъ, говоря: *И купующіи будутъ, яко не содержаще. И требующіи міра сего, яко не требующе. Преходитъ бо образъ міра сего.* (1 Кор. 7, 30.) Апостолъ Петръ, которому Господь поручилъ пасти и защищать Его овецъ, признаваясь что у него нѣтъ сребра и злата, (Дѣян. 3, 6.) говоритъ, что онъ богатъ благодатію Христовою, богатъ Его вѣрою и силою, по которымъ онъ много сотворилъ славныхъ дѣлъ и чудесъ, и обогатилъ себя духовными благами во славу благодати. Симъ богатствомъ, сими сокровищами не можетъ обладать та, которая лучше желаетъ быть богатою для вѣка сего, нежели для Христа.—Ты называешь себя богатою, и думаешь, что должно пользоваться тѣмъ, чѣмъ Богъ благословилъ тебя. Пользуйся, но для спасительныхъ и добрыхъ дѣлъ, для того, что заповѣдалъ Богъ и показалъ Господь. Пусть почувствуютъ бѣдные и неимущіе, что ты богата. Давай въ заимъ Богу изъ твоего стяжанія, питай

Христа; умоляй чрезъ молитвы многихъ, чтобы пріобрѣсть тебѣ славу дѣвства и достигнуть наградъ отъ Господа. Сокрой свои сокровища въ такое мѣсто, гдѣ тать не подкапываетъ, куда не проникаетъ никакой злобный хищникъ. Пріобрѣтай себѣ стяжанія, но болѣе небесныя, тамъ, гдѣ неоскудныхъ и отъ нападеній вѣка сего совершенно безопасныхъ плодовъ твоихъ ни ржа не истлитъ, ни градъ не истребитъ, ни солнце не сожжетъ, ни дождь не повредитъ. Ибо ты тѣмъ самымъ уже грѣшишь противъ Бога, что думаешь, будто Богъ для того даровалъ тебѣ богатство, чтобы во зло употреблять оное. Ибо и голосъ данъ отъ Бога человѣку, однако не должно по сему пѣть любовныхъ и другихъ гнусныхъ пѣсней: и желѣзо Богъ сотворилъ для земледѣлія, однако не должно потому дѣлать убійства: не должно приносить идоламъ въ жертву ѳиміама и вина и огня, потому что сіи вещи созданы Богомъ; не должно тебѣ закалать въ жертву скотовъ, потому что онѣ въ поляхъ твоихъ ходятъ цѣлыми стадами. Богатое наслѣдство обращается въ искушеніе, когда богатство не

употребляется во благо; и всякой, владѣющій богатымъ наслѣдствомъ, долженъ онымъ не умножать, а заглаждать свои грѣхи.

Щегольскіе наряды и украшеніе лицъ приличны однѣмъ развратнымъ и безстыднымъ женщинамъ, и та изъ нихъ почти всегда одѣвается роскошнѣе, въ которой менѣе стыдливости. Такъ въ Св. Писаніи, которое Господь благоволилъ намъ преподать въ наше наставленіе, описывается блудный, преукрашенный градъ, имѣющій погибнуть *съ* своими украшеніями, или лучше *за* свои украшенія. *И пріиде единъ отъ седми Ангелъ, имущихъ седмь фіалъ, и глагола со мною, глаголя ми: пріиди, да покажу ти судъ любодѣйцы великія, сѣдящія на водахъ многихъ: съ неюже любодѣяша цари земстіи, и упишася живущіи на земли отъ вина любодѣянія ея. И веде мя въ пусто мѣсто духомъ: и видѣхъ жену сѣдящу на звѣри червленѣ, исполненнѣмъ именъ хулныхъ, иже имѣяше главъ седмь и роговъ десять: и жена бѣ облечена въ порфиру и червленицу, и позлащена златомъ и каменіемъ драгимъ и бисеромъ,*

имущи чашу злату въ руцѣ своей полну мерзости и скверны любодѣянія ея. (Апок. 17, 1—5.) А по сему чистыя дѣвы и цѣломудренныя жены должны гнушаться кокетствомъ скверныхъ женщинъ, одеждою безстыдныхъ, украшеніями распутныхъ, убранствомъ блудницъ. То же вопіетъ и Исаія, исполненный Духа Святаго, обличая дщерей Сіонскихъ, разукрашенныхъ златомъ и сребромъ, и одеждами, изобилующихъ гибельными богатствами, и уклоняющихся отъ Бога для утѣхъ вѣка сего: *Вознесошася дщери Сіони, и ходиша высокою выею, и помизаніемъ очесъ, и ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущія* (по долу), *и ногама купно играющія. И смиритъ Господь начальныя дщери Сіони, и Господь открыетъ срамоту ихъ въ день онъ: и отыметъ Господь славу ризъ ихъ, и красоты ихъ и вплетенія златая на главѣ, и тресны ризныя, и луницы гривенныя, и срачицы тонкія, и красоту лица ихъ, и состроеніе красы славныя, и обручи, и перстни и мониста, и запястія, и художныя усерязи, и багряницы, и пребагряная, и утварь храмину, и свѣтлая Лаконская, и виссо-*

ны, и синеты, и червленицы, и виссонъ со златомъ и синетою претыканы, и тонкицы преиманы златомъ: и будетъ вмѣсто вони добрыя смрадъ, и вмѣсто пояса ужемъ препояшешися. (3, 16-24.) Вотъ что обличаетъ Богъ, показывая источникъ поврежденія дѣвъ, оставившихъ истинное Богопочтеніе. Пали превознесенныя; омерзѣли прелестницы; облеченныя въ виссонъ и порфиру не могутъ облечься во Христа; украшенныя златомъ, бисеромъ и ожерельями, потеряли украшеніе духа и сердца. Кто не возгнушается и не будетъ убѣгать того, что для другаго было пагубно? Кто будетъ желать и искать того, что другому послужило мечемъ и смертною стрѣлою? Ежели бы кто, выпивъ сосудъ, умеръ, тогда ты узналъ бы, что оное питье было ядъ. Ежели бы кто умеръ по принятіи пищи; тогда ты узналъ бы, что она смертельна, ибо умертвила другаго, и потому ты не сталъ бы ни ѣсть, ни пить того, отъ чего другіе въ глазахъ твоихъ прежде умерли.

Какое же невѣжество, какое безуміе, хотѣть того, что всегда вредило и вредитъ;

думать, что сама не погибнешь отъ того, отъ чего, какъ ты знаешь, погибли другіе? Ибо Богъ не создалъ овецъ червленными или багряновидными, и не научилъ ихъ наводить на руно багряный цвѣтъ. Не установилъ Онъ ожерельевъ разпещренныхъ златомъ и драгоцѣнными каменьями, нанизанными въ рядъ и въ значительномъ количествѣ; ожерельевъ, которыми бы ты покрывала созданную отъ Него выю, чтобы закрывать то, что Богъ образовалъ въ человѣкѣ, и показывать то, что изобрѣлъ діаволъ. Хотѣлъ ли Богъ, чтобы ты ушамъ наносила раны и оными себя мучила, будучи еще въ невинномъ младенчествѣ, не зная золъ вѣка сего, дабы послѣ въ язвинахъ ушей висѣли драгоцѣнныя зерны, тяжкія не столько по своему вѣсу, сколько по своей цѣнѣ. Все сіе изобрѣли своею хитростію преступные и отпадшіе Ангелы, когда, оставивъ свои пренебесныя жилища, устремились къ земнымъ и тлѣннымъ услажденіямъ. Они-то научили и подкрашивать глаза обведенною вокругъ чернотою, и искажать щеки обманчивыми красками, и измѣнять волосы поддѣльными цвѣ-

шами, и превращать весь подлинный видъ лица и головы.

Здѣсь, побуждаясь страхомъ, который внушаетъ намъ Вѣра, и любовію, которой требуетъ братство, я намѣренъ сдѣлать увѣщаніе не только дѣвственницамъ или вдовицамъ, но и имѣющимъ мужей, и всѣмъ вообще женамъ;—увѣщаніе, что дѣло Божіе и образъ Его никакъ не должно искажать, употребляя желтоватыя краски, или черный порошокъ, или румяны, или другія какія нибудь прикрасы, отъ которыхъ портятся природныя черты лица. Богъ говоритъ: *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію*: (Быт. 1, 26.) кто же осмѣлится измѣнять и превращать то, что сотворено Богомъ? Указываютъ самому Богу, думая преобразовать на лучшее то, что Онъ образовалъ; не знаютъ, что все раждающееся есть дѣло Божіе, а все измѣняемое есть дѣло діавола. Ежели бы какой нибудь живописецъ изобразилъ лице и станъ какого нибудь человѣка въ чертахъ столь живописныхъ, что всѣ прочіе живописцы стали бы подражать его портрету, и ежели бы, по совер-

шенной отдѣлкѣ портрета, другой, какъ болѣе искусный художникъ, взялся живопись переправить; то первый художникъ весьма бы тѣмъ обидѣлся, и его негодованіе было бы справедливо. И ты ли думаешь остаться безъ наказанія за дерзость нечестивой твоей безразсудности, оскорбляющую такого художника, каковъ Богъ? Ибо хотя бы ты не представлялась безстыдною и скверною по своимъ обольщеніямъ въ глазахъ людей; но тѣмъ не менѣе гнусною дѣлаешься прелюбодѣйцею, искажая и оскверняя дѣла Божіи. Думая украшать себя, ты востаешь противъ дѣлъ Божіихъ, измѣняешь истинѣ. Апостолъ убѣждаетъ, говоря: *Очистите ветхій квасъ, да будете ново смѣшеніе, якоже есте безквасни: ибо пасха наша за ны пожренъ бысть, Христосъ. Тѣмже да празднуемъ, не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины.* (1 Кор. 5, 7. 8.) Но можетъ ли чистота и истина пребывать тамъ, гдѣ чистое оскверняется поддѣлкою цвѣтовъ, гдѣ обманчивыя прикрасы превращаютъ истину въ ложь? Господь твой говоритъ: *Не можеши власа единаго бѣла*

или черна сотворити: (Матѳ. 5, 36.) и ужели ты, вопреки словамъ Господа твоего, хочешь быть лучшею? Съ дерзновенною заботливостію и священнострастною небрежностію о своемъ званіи, украшаешь ты свои волосы, и, по нѣкоторому гибельному предчувствію будущаго, уже предвозвѣщаешь себѣ власы изъ пламени. Какое беззаконіе! Ты грѣшишь противъ главы, наилучшей части тѣла, ибо написано о Господѣ: *Глава же Его и власи, бѣлы аки урина бѣлая, яко же снѣгъ.* (Апок. 1, 14.) Ты гнушаешься сѣдиною, гнушаешься бѣлизною, которой уподобляется глава Господня! Скажи мнѣ, ужели ты, будучи такова, не боишься того, что Художникъ твой, когда наступитъ день воскресенія, не узнаетъ тебя, не допуститъ къ Себѣ, отринетъ отъ Себя, когда ты подойдешь къ Нему для принятія обѣщанныхъ отъ Него наградъ, Онъ, обличая тебя гласомъ строгаго судіи, долженъ будетъ сказать: это не мое произведеніе, не мой образъ; ты осквернила тѣло обманчивыми прикрасами, измѣнила власы подложнымъ цвѣтомъ, образъ твой поддѣланъ, видъ искаженъ, лице чужое: тебѣ не льзя

видѣть Бога, ибо глаза у тебя не тѣ, которые создалъ для тебя Богъ, но прикрашены діаволомъ. Ему ты слѣдовала, подражала красноцвѣтнымъ глазамъ змія; врагъ твой украшалъ тебя, съ нимъ и горѣть будешь въ пламени. Не должно ли о семъ помыслить рабамъ Божіимъ? Не должно ли сего бояться всегда, и днемъ и ночью? Да вразумятся при семъ жены, какимъ можно имъ ласкаться утѣщеніемъ со стороны мужей, которымъ онѣ стараются нравиться и которыхъ приводя въ извиненіе себѣ, дѣлаютъ чрезъ то участниками своего законопреступнаго удовольствія. Что же касается до дѣвственницъ, къ которымъ обращено сіе Слово, кои съ такимъ искусствомъ украшаютъ себя, то я не думаю, чтобы ихъ должно было считать въ числѣ дѣвъ, и полагаю, что онѣ, какъ зараженныя овцы и больной скотъ, должны быть отлучены отъ святаго и чистаго стада дѣвственнаго, дабы, живя вмѣстѣ, не заразили своею нечистотою другихъ; дабы погибшія не погубили другихъ.

Поелику мы ищемъ дара воздержанія, то

и должны убѣгать всего вреднаго и порочнаго. А по сему я не умолчу и о томъ, что, будучи введено въ употребленіе по небреженію, отъ того же употребленія возымѣло смѣлость вооружаться противъ цѣломудренныхъ и трезвыхъ нравовъ. Нѣкоторыя не стыдятся быть въ кругу дѣвицъ, выходящихъ замужъ, и къ вольности разнѣживающихъ рѣчей примѣшивать скверные разговоры; не стыдятся слушать то, что неблагопристойно, и наблюдать то, о чемъ не должно говорить; не стыдятся быть при гнусныхъ бесѣдахъ, при піянственныхъ пиршествахъ, которыми воспламеняется искра похотей.— — Какая нужда до брака той, которая не хочетъ вступать въ бракъ? И могутъ ли удовольствія или забавы имѣть мѣсто у тѣхъ, у которыхъ совсѣмъ другія занятія, другіе обѣты? Что тамъ говорятъ, на что смотрятъ? Сколь много уклоняется дѣва отъ своего намѣренія, когда, вошедши цѣломудренною, выходитъ безстыдною! Оставаясь дѣвою по тѣлу и душѣ, она взоромъ, слухомъ, языкомъ утрачиваетъ то, что имѣла.

Что же сказать о тѣхъ, которыя ходятъ въ открытыя бани, и взорами, любопытными для похоти, оскверняютъ тѣла, посвященныя скромности и цѣломудрію?

. . . .

По сему-то Церковь часто оплакиваетъ своихъ дѣвъ, часто сѣтуетъ о томъ безчестіи и гнусномъ посмѣяніи, которому онѣ подвергаются, и такимъ образомъ цвѣтъ дѣвства увядаетъ, честь воздержанія и цѣломудріе страждутъ, вся слава и достоинство ихъ отдаются на поруганіе. Такимъто образомъ врагъ посредствомъ своихъ козней сѣетъ плевелы на нивѣ Христовой и уловляетъ насъ живыхъ въ свою волю: такимъ-то образомъ дѣвственницы, желая наряднѣе одѣваться и свободнѣе ходить, перестаютъ быть дѣвами, подвергаются хищническому безчестію, дѣлаются вдовами до вступленія въ бракъ, дѣлаются вѣроломными не отъ мужей, но отъ Христа. Сколь велики награды уготованныя дѣвамъ, столь велики будутъ и казни за потеряніе дѣвства. И такъ прошу васъ, дѣвы, послушайте меня какъ отца, учителя и наставни-

ка, послушайте меня, вѣрно пекущагося о вашихъ пользахъ. Будьте таковы, каковыми создалъ васъ художникъ Богъ: будьте таковы, каковыми устроила васъ Отчая десница: да будутъ лица ваши свѣтлы, выи чисты, образъ безпритворенъ. Не наносите ранъ вашимъ ушамъ, не оковывайте ваши рамена или выи драгоцѣнными цѣпями и ожерельями. Ноги ваши да будутъ свободны отъ золотыхъ оковъ, волосы не поддѣланы никакими красками, очи достойны лицезрѣнія Божія. Входите въ мѣста омовенія съ женами, коихъ омовеніе цѣломудренно. Убѣгайте нечестивыхъ брачныхъ торжествъ и сладострастныхъ пиршествъ, исполненныхъ смертоносной отравы.

Ты дѣва и служишь Богу—побѣди одежду: ты, побѣждающая плоть и міръ, побѣди злато. Что это за мужество, когда кто не побѣждается большимъ, и находитъ себя не въ силахъ сражаться съ меньшимъ? *Тѣсенъ путь вводяй въ животъ*: (Матѳ. 7, 14.) труденъ и жестокъ путь, ведущій къ славѣ. Симъ путемъ текутъ мученики, идутъ дѣвственницы, шествуютъ всѣ праведники.

Убѣгайте широкихъ и пространныхъ путей: утѣхи и удовольствія тамъ смертоносны: тамъ ласкательствуетъ діаволъ, дабы обмануть; улыбается, дабы нанести вредъ; плѣняетъ, дабы погубить. Ибо первый *сторичный* плодъ есть плодъ мучениковъ, вторый шестидесятый—вашъ. (Матѳ. 13, 8.) Какъ мученикъ не думаетъ о плоти и мірѣ, не имѣетъ съ нимъ ни малѣйшаго сообщенія: такъ и въ васъ, которыя занимаете второе мѣсто по наградѣ славы, добродѣтель должна быть близка къ терпѣнію. Труденъ путь къ великимъ дѣламъ: сколько мы проливаемъ поту, сколько употребляемъ труда, стараясь взойти на холмы и вершины горъ? Что же сказать о восхожденіи на небо? Ежели ты обратишь вниманіе на обѣщанныя тебѣ награды, то найдешь, что ты трудишься мало; безсмертіе даруется неутомимымъ подвижникамъ; имъ—то Господь обѣщаетъ вѣчную жизнь и царство. Помните, о дѣвы, помните, чѣмъ вы быть начали, и что будете. Васъ ожидаетъ великая награда добродѣтели, величайшее воздаяніе непорочности.

Хотите ли знать, какого зла нѣтъ и какое добро есть въ добродѣтели дѣвственности? *Умножая умножу печали твоя, и воздыханія твоя: въ болѣзнехъ родиши чада; и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ*, говоритъ Богъ женѣ. (Быт. 3, 16.) Вы свободны отъ сего приговора, вы не боитесь свойственныхъ женамъ печалей и воздыханій: для васъ нѣтъ никакого страха въ разсужденіи рожденія чадъ; не мужья господствуютъ надъ вами: господинъ и глава ваша есть Христосъ; Онъ вашъ Женихъ, съ коимъ вы сопряглись единожды и на всегда. Господь говоритъ: *Сынове вѣка сего женятся и посягаютъ. А сподобльшіися вѣкъ онъ улучити и воскресеніе, еже отъ мертвыхъ, ни женятся ни посягаютъ: ни умрети бо ктому могутъ: равни бо суть Ангеломъ, и сынове суть Божіи, воскресенія сынове суще.* (Лук. 20, 34—36.) Вы уже начали быть тѣмъ, чѣмъ мы будемъ: вы уже имѣете въ семъ вѣкѣ славу воскресенія: вы шествуете путемъ вѣка сего, не заражаясь его сквернами. Пребывая въ чистотѣ и дѣвствѣ, вы равняетесь Ангеламъ Божіимъ; на-

добно только, чтобы дѣвство было постоянное и невреждѣнное, надобно безпрестанно пребывать въ ономъ съ тѣмъ мужествомъ, съ какимъ вы начали хранить оное. Надобно украшать себя не ожерельями, или одеждами, но добрыми нравами. Дѣва должна взирать на Бога и на небо; и горѣ устремленные взоры не должна она низпускать къ удовольствіямъ плоти и міра, или обращать къ землѣ. Богъ первою заповѣдію велѣлъ расти́ться и множиться: вторую заповѣдалъ воздержаніе. (Быт. 1, 28.) Доколѣ міръ былъ еще неустроенъ и пустъ, дотолѣ мы размножались по закону рожденія, для дополненія человѣческаго рода. Но теперь, когда уже міръ наполнился, могущіе вмѣстить даръ воздержанія должны вмѣстить ради царствія. (Матѳ. 19, 12.)

Господь не повелѣваетъ сего, но совѣтуетъ: не налагаетъ ига необходимости, оставляя волѣ свободный ея произволъ. Но говоря, что у Отца Его есть много обителей, указываетъ на лучшія обители своего дома: вы ищете сихъ лучшихъ обителей, отсѣкая плотскія вожделѣнія, и получаете

на небесахъ награду большей благодати. Хотя всѣ, достигающіе святымъ крещеніемъ божественнаго званія и наслѣдія, совлекаются въ ономъ ветхаго человѣка, благодатію спасительныя бани, и, обновленные Святымъ Духомъ, снова раждаясь, очищаются отъ прежнихъ скверн; однако ваше пакибытіе болѣе свято и истинно: ибо вы не имѣете уже никакихъ плотскихъ и тѣлесныхъ желаній. Въ васъ, къ славѣ вашей, осталась одна добродѣтель, одинъ духъ. Апостолъ, котораго Господь назвалъ избраннымъ своимъ сосудомъ, котораго Богъ послалъ для проповѣданія небесныхъ повелѣній, говоритъ: *Первый человѣкъ, отъ земли перстенъ: вторый человѣкъ, Господь съ небесе. Яковъ перстный, такови и перстніи: и яковъ небесный, тацыже и небесніи: И якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго.* (1 Кор. 15, 47—49.) Сей образъ носитъ на себѣ дѣвство, непорочность, святость и истина. Носятъ помнящіе благочиніе Божіе, сохраняющіе правду съ вѣрою, твердые въ вѣрѣ, смиренные въ страхѣ, крѣпкіе для всякаго терпѣнія, кроткіе для снесенія обидъ, склон-

ные къ милосердію, живущіе между собою въ мирѣ, какъ брашья, имѣющіе одну душу и одно сердце. Все сіе, добрыя дѣвы, должны вы сохранишь, возлюбишь и исполнишь; вы, копорыя, занимаясь Богомъ и Христомъ, большую и лучшую имѣеше предъ нами часпь у Господа, которому себя посвяшили. Вы, спаршія, наставляйше младшихъ: вы, младшія, служише старшимъ, побуждайше равныхъ себѣ: возбуждайше другъ друга взаимными увѣщаніями, руководствуйше ревностно къ славѣ, подавая собою примѣры добродѣтели. Продолжайше свой пушь съ духовнымъ мужествомъ, шествуйше благоуспѣшно: но не забудьше и насъ, когда ваше дѣвство начнешъ въ васъ прославляться.

VIII.

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛОТОУСТАГО

СЛОВО

О ПРАВЕДНОМЪ АВРААМѢ.

Видѣли ли вы юнѣющую сѣдину и цвѣтущую старость? Видѣли ли мужественнаго ратоборца, сражавшагося съ природою и съ своимъ сердцемъ? Видѣли ли мужа, въ глубокой старости превосходившаго твердость адаманта?—Уже ослабѣвала крѣпость его тѣла, но крѣпка была сила его вѣры. Таковы дѣла служенія Церкви, что слабость тѣла ни мало не препятствуетъ силѣ вѣры: поелику поникшая долу сѣдина и окрыленная вѣра служатъ украшеніемъ, и еще болѣе радостію для Церкви.

Во внѣшнихъ дѣлахъ старецъ безполезенъ и ни къ чему не способенъ; однакожъ ему всегда дѣлаютъ снисхожденіе: потому что по слабости своей онъ не можетъ исполнять необходимыхъ дѣлъ жизни, какъ на прим. онъ не можетъ ополчаться на брань, не

можетъ ни всходить на коня, ни метать копіе, ни обращать щита, ни переносить зноя солнца, ни подъять тяжести пути, ни терпѣть жестокости глада, ни непрестанныхъ тревогъ; но, подъ защитою сѣдины, сидитъ въ спокойномъ мѣстѣ. То же можно видѣть и на корабляхъ: не можетъ старецъ управлять кормиломъ, ни разсѣкать морей, ни дѣйствовать весломъ, ни поднимать паруса, ни бороться съ противными вѣтрами, ни переносить жестокости холода, и ничего подобнаго сему не можетъ дѣлать, но сидитъ въ кораблѣ, и находитъ извиненіе въ возрастѣ. То же можно видѣть и у земледѣльцевъ: старецъ не можетъ ни влечь плуга, ни проводить бразды, ни укрощать коней, ни удерживать силы мочныхъ воловъ, ни сражаться съ жаромъ и зноемъ, ни дѣйствовать тяжелымъ заступомъ или чѣмъ другимъ употребительнымъ въ земледѣліи, но сидитъ дома и находитъ защиту въ сѣдинѣ.

Но не таковы Церковныя дѣла: здѣсь живущіе добродѣтельно, когда состарѣются, то становятся болѣе полезны: ибо здѣсь

требуется не крѣпость тѣла, но сила вѣры. Таковъ былъ Авраамъ. Онъ былъ слабъ по тѣлу, но силенъ по вѣрѣ; онъ былъ старъ, но въ глубокой старости сражался съ природою и одержалъ знаменитую надъ нею побѣду. Старъ былъ онъ, но былъ крѣпче желѣза и тверже адаманта. Когда онъ былъ въ юныхъ лѣтахъ; то ничего столь знаменитаго не учинилъ: но когда прошелъ всѣ возрасты, тогда одержалъ преславную побѣду; въ глубокой онъ былъ старости, но старость не была ему препятствіемъ. По сему и Богъ, зная его твердость, явился ему и сказалъ: *Изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу.* (Быт. 12, 1.) Авраамъ повиновался сему слову, не смотря на то, что былъ и старъ и слабъ тѣломъ; онъ не сказалъ самъ въ себѣ: Куда я въ глубокой старости пойду? Какъ я оставлю домъ отца моего и землю, въ которой я родился; гдѣ множество выгодъ; гдѣ славенъ мой родъ; гдѣ у меня богатое имѣніе и добрые друзья? Конечно онъ скорбѣлъ въ семъ случаѣ, но не преслушалъ повелѣнія Божія: изъ любви къ отчизнѣ онъ скор-

бѣлъ, а изъ любви къ Богу онъ слушалъ и повиновался Ему. И что всего удивительнѣе, Богъ не сказалъ Ему, въ какое именно мѣсто ему должно итти. Симъ неопредѣленнымъ означеніемъ имени мѣста, Онъ испытывалъ его расположеніе. Ибо, естьли бы Онъ сказалъ ему, что Я изведу тебя въ землю, кипящую медомъ и млекомъ: то тогда оказалось бы, что Авраамъ не гласу Божію повиновался, а только предпочелъ одну землю другой. И такъ Авраамъ вышелъ, не зная, куда идетъ.—Видишь ли сѣдину, почтенную по дѣламъ? Ибо таковы, какъ я сказалъ, дѣла наши. Ни слабость старости не разрушаетъ ихъ, ни время не уничтожаетъ ихъ: поелику сѣдина не въ тѣлахъ, а въ душѣ; и потому онѣ не старѣются. И такъ вышелъ Авраамъ, не взявъ ничего съ собою; да и обитая въ кущахъ, онъ не колебался въ вѣрѣ и не унывалъ: ибо онъ имѣлъ вѣрный залогъ—гласъ звавшаго его.

Былъ онъ и самъ безплоденъ и безчаденъ, и Сарра жена его: но по обѣтованію получилъ сына Исаака. Когда природа отказала, тогда благодать даровала. Такимъ образомъ

онъ получилъ достойную награду за свое послушаніе, впрочемъ совсѣмъ не зная о томъ: ибо естьли бы онъ зналъ, то ничего не сдѣлалъ бы достохвальнаго. И дабы ты зналъ, что онъ дѣйствительно не изъ награды повиновался: то смотри, какъ онъ и тогда, какъ получилъ повелѣніе заклать сего самаго сына, не противится повелѣнію, но отвергаетъ природу, и повергается въ объятія любви Божіей, попираетъ свою утробу, а отъ Того, кто звалъ его, не отступаетъ. Что же къ нему Богъ? *Авраáме*! Сей отвѣтствуетъ: *Се азъ*. Тогда Богъ сказалъ: *Пойми сына твоего возлюбленнаго, егоже возлюбилъ еси, Исаака, и вознеси его на едину отъ горъ, ихъ же ти реку*. (Быт. 22, 1. 2.) Онъ не объявилъ ему горы, а сею неизвѣстностію въ бóльшее повергъ его уныніе. Однако ничто изъ сего не возмутило Авраама. Или лучше, оно возмутило его, но возмутило какъ человѣка, а не довело до грѣха: онъ обуревался волнами, какъ отецъ, но не утопалъ въ нихъ, какъ любящій Бога; утроба его горѣла, но вѣра побѣдила.—

Не говори, что Авраамъ нисколько не стра-

далъ. Представь себѣ, въ какомъ онъ горѣлъ пламени, когда терзалась его внутренность; замѣть и мудрость его. Онъ даже Саррѣ не говорилъ о семъ, опасаясь, чтобы она не воспрепятствовала совершенію тайны. Ибо естьли бы онъ сказалъ ей о семъ: то, вѣроятно, она стала бы прекословить ему, и сказала: Куда ты ведешь сына своего, котораго я сверхъ чаянія получила? Я его по обѣтованію получила; я его за страннолюбіе получила; Богъ мнѣ даровалъ его въ глубокой моей старости: куда ты его уводишь? Куда ты его берешь? Никто тебѣ не являлся. Ибо какъ можно, чтобы Богъ тебѣ явился и требовалъ сына, котораго Онъ далъ мнѣ сверхъ моего чаянія? Самъ Онъ даровалъ, и Самъ же отъемлетъ! Естьли Онъ далъ его для того только, чтобы отнять: то лучше бы было, когда бы Онъ не давалъ: ибо гораздо легче не имѣть, нежели имѣть и потерять.

Представь себѣ Сарру разгоряченную, воспламененную, по природѣ удобовозмущаемую, ея утробу растерзанную, ея сердце волнующееся: ибо женщины весьма чувствительны

къ таковымъ вещамъ. А чѣмъ Сарра была нѣжнѣе и чувствительнѣе, тѣмъ она болѣе должна была прекословить Аврааму, и такимъ образомъ жертвоприношеніе былобы остановлено, и таинство не совершено. Ибо чего не сдѣлала бы Сарра, чтобы спасти сына своего? Поелику она не могла бы снести того, чтобы сынъ ея, рожденный ею сверхъ всякаго чаянія, былъ умерщвленъ, и дарованный ей въ самой ея старости былъ закланъ, и чтобы отеческія руки содѣлались чадоубійственными. Никакъ не перенесла бы сего Сарра, но произвела бы великую брань съ Авраамомъ; за бранію необходимо послѣдовали бы какія нибудь хитрости, а хитрости воспрепятствовали бы совершенію таинства. По сему Авраамъ не сказалъ женѣ своей, чтобы не произошло спора; чтобы отъ спора не дошло дѣло до брани; чтобы изъ брани не вышло раздора касательно сына; по причинѣ раздора чтобы не отложено было до другаго времени исполненіе обѣщанія; по отложеніи обѣщанія чтобы не употреблены были какія нибудь хитрости въ семъ дѣлѣ; а чрезъ хитрости чтобы и самое таинство не осталось безъ совершенія. Но

Авраамъ—сей Философъ, сей ратоборецъ, сражавшійся съ природою, боровшійся съ своимъ сердцемъ, вооружавшійся противъ природы, не явился непослушнымъ, но повиновался повелѣнію Божію; онъ услышалъ вѣщающаго къ нему Бога, и тотчасъ беретъ своего сына. Съ удовольствіемъ я останавливаюсь на сихъ словахъ: *Пойми сына твоего возлюбленнаго, его же возлюбилъ еси, Исаака, и вознеси его во всесожженіе на едину отъ горъ, ихъ же ти реку.* Авраамъ, взявъ Исаака, и осла, и двухъ слугъ, пошелъ. Потомъ, когда они дошли до извѣстнаго мѣста, онъ говоритъ слугамъ: *Сядите вы здѣ, азъ же и дѣтищь пойдемъ до ондѣ, и поклонившеся возвратимся къ вамъ.* Авраамъ пророчествовалъ при содѣйствіи благодати Божіей, и самъ не зная того.— Идешь заклать сына своего, и говоришь: *возвратимся*? — Стараясь скрыть дѣло отъ слугъ, онъ дѣлается пророкомъ. И возложивъ дрова на рамена Исаака, и взявъ огнь и ножъ, взошелъ на гору. Что же говоритъ Исаакъ отцу своему? *Отче!—Онъ же рече: что есть чадо? Рече же: се огнь и дрова, гдѣ есть овча, еже во всесожженіе? Рече же*

Авраамъ: Богъ узритъ Себѣ овча во всесожженіе, чадо. Вотъ и второе пророчество!

Не могу ни словъ пройти, ни дѣйствій оставить безъ вниманія. Ибо представь себѣ имена, вскорѣ имѣющія потерять значеніе своихъ вещей. Такъ, одинъ произноситъ имя *отца*, другой взаимно—*сына*, и сіи имена оставались только на время; вскорѣ онѣ долженствовали сдѣлаться пустыми. Представь себѣ, что́ чувствовалъ Авраамъ, когда Исаакъ, котораго онъ намѣревался заклать, взывалъ къ нему: *Отче!*? Какъ не разслабли его колѣна? Какъ не распались его члены? Какъ онъ не лишился ума, услышавъ сіе слово изъ устъ Исаака, сына своего? Не смотря на то, онъ поднялъ и связалъ Исаака, и взялъ въ правую руку ножъ, чтобы заклать сына своего.—О рука, вооруженная противу сына! Какъ изобразить словомъ сіе дѣйствіе, не знаю. Какъ не оцѣпенѣла рука, какъ не выпалъ изъ нея ножъ? Какъ онъ весь не затрепеталъ и не изнемогъ? Какъ онъ могъ стоять и смотрѣть на Исаака связаннаго? Какъ онъ въ тотъ же часъ не

палъ мертвъ? Какъ ему служили нервы? Какъ у него дѣйствовалъ умъ? Не знаю, какъ изобразить словомъ сіе дѣйствіе! Отцы и матери! Всѣ вы соберитесь, прострите руки, помогите моему слову: предметъ его превышаетъ мои силы. Простите мнѣ, да и сами вы пособите мнѣ.

Часто иной имѣетъ пять или шесть сыновъ и дочерей; но естьли одинъ изъ нихъ сдѣлается боленъ, то отецъ, любя своего сына, непрестанно находится при одрѣ его; цѣлуетъ его глаза, его руки; день считаетъ за ночь, и свѣтъ за тьму—не потому, чтобы онъ перемѣнялъ стихіи, но потому, что чрезвычайная печаль препятствуетъ ему наслаждаться оными; разосланы мягкія ложа; подлѣ его сидятъ врачи, предъ нимъ стоятъ прислужники, отецъ весь совершенно сохнетъ: имѣетъ ли онъ великое богатство—оно ненавистно для него; имѣетъ ли онъ тьму заботъ,—онъ всѣ ихъ оставляетъ: ибо упившись горестію, онъ не можетъ истрезвиться, и цѣлый міръ въ глазахъ его неизлѣчимъ отъ зла.—Равнымъ образомъ и мать ходитъ вокругъ его, вся растерзана,

вся въ огнѣ, и вся въ пламени; ищетъ средствъ раздѣлить съ нимъ страданія его, или даже и всѣ принять на себя, только бы освободить отъ болѣзни страждущаго сына; ничего не значитъ для нея ни настоящая, ни будущая жизнь; для нея всего дороже принять на себя всю болѣзнь сына своего. Не знаю, какъ изобразить сіе страдательное состояніе. — Представь себѣ и Авраама, то же самое чувствующаго, но въ то же время мудрствующаго и повинующагося повелѣнію Божію: онъ попиралъ природу, и повелѣніе Божіе торжествовало надъ его сердцемъ. Ибо онъ, какъ уже сказалъ я, чувствовалъ все сіе, какъ человѣкъ, но мудрствовалъ, какъ любящій Бога, и долженъ былъ смотрѣть на Исаака мученика въ одно и то же время какъ на живаго и на мертваго, какъ на умершаго и еще живущаго. Ибо въ намѣреніи отца онъ умеръ, а въ человѣколюбіи Божіемъ онъ не умеръ. Поелику онъ былъ прообразованіемъ Господа. Образъ совершился—и истина его оправдалась событіемъ. —

Такимъ образомъ Исаакъ связывается, но

не закалается: ибо гласъ, исполненный милости и человѣколюбія, пришелъ свыше и удерживаетъ Патріарха, который совершенно устремленъ былъ и готовъ на закланіе, взывая къ нему: *Авраамe, Авраамe, да не возложиши руки твоея на отрочища* (Быт. 22, 11.) По чему не на отрока, а на отрочища? Почему его унижаетъ? — Онъ былъ человѣкъ; нужда была въ Сынѣ, а не въ отрочищѣ; не въ рабѣ, а въ истинномъ Сынѣ, въ Сынѣ единородномъ, отъ Отца посланномъ къ намъ. *Да не возложиши руки твоея на отрочища*. Довольно для тебя прообразованія, прими истину. —

Авраамъ пророчествуетъ, обманывая слугъ своихъ: но видимъ, что словà его точно сбываются. Ибо что онъ говоритъ? *Сядите вы здѣ со ослятемъ: азъ же и дѣтищъ пойдемъ до ондѣ, и поклонившеся возвратимся къ вамъ*. Сказалъ онъ не то, что имѣлъ въ умѣ: но случилось лучше, такъ какъ сказалъ, а не такъ, какъ думалъ. Слугъ своихъ онъ оставляетъ для того, чтобы не быть принужденнымъ отъ нихъ поступить противъ воли Божіей; чтобы они не

подумали, что онъ, какъ старецъ, одержимъ какою нибудь старческою болѣзнію, и не удержали его стремленія къ жертвоприношенію, говоря: Что ты, господинъ нашъ, дѣлаешь? Ты хочешь заклать сына, по обѣтованію рожденнаго? сына возлюбеннаго? сына Богомъ дарованнаго? питателя въ старости? наслѣдника? своего преемника? сына Саррина? разсуди, что ты дѣлаешь; посовѣтуйся съ супругою, участницею съ тобою въ родительскомъ надъ нимъ правѣ, претерпѣвшею столько болѣзней въ его рожденіи. Насъ заколи прежде, потомъ сына. Но мудрый старецъ не беретъ съ собою сихъ слугъ, которые стали бы ему препятствовать; онъ самую жертву заставляетъ нести дрова, чтобы чрезъ сіе она служила прообразованіемъ Спасителя, несущаго крестъ.

Сынъ, несущій дрова и говорящій, смущаетъ отеческое сердце, но не отторгаетъ его отъ любви къ Богу. Ибо что онъ говоритъ? *Отче!*—Представь себѣ, какой это былъ гласъ: *Отче*! И мы, когда хотимъ заклать агнца или другаго какого животнаго,

и слышимъ его блеяніе и взываніе къ намъ тихимъ, хотя и не членораздѣльнымъ голосомъ, умиляемся и сжаливаемся. Представь же себѣ, что̀ бы сдѣлала сія овца, естьли бы къ слабому человѣку проговорила: *Отче! се огнь и дрова, но гдѣ есть овча, еже во всесожженіе?* (Быт. 22, 7.) А онъ самъ былъ въ мысляхъ отца сею словесною овцею, возбуждавшею въ жрецѣ сострадание; ибо сей не учился у Христа, который говоритъ: *Иже любитъ отца, или матерь, или сына, паче Мене, нѣсть Мене достоинъ;* (Матѳ. 10, 37.) но подражалъ Отцу, о которомъ сказано: *Иже Сына своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его.* (Римл. 8, 32.) *Гдѣ есть овча?* Разумно вопрошаетъ сынъ. Что на сіе отецъ отвѣтствуетъ? *Богъ узритъ Себѣ овча во всесожженіе, чадо:* не раба, но Сына. Сей единородный, и Богъ—единородный; тотъ на раменахъ несетъ дрова, и Христосъ на раменахъ несетъ крестъ; тотъ, не сдѣлавъ никакого грѣха, имѣлъ закланъ быть, и Сынъ Божій, не сдѣлавъ никакого грѣха, распятъ; тотъ закланъ былъ и незакланъ, и Единородный Сынъ Божій закланъ былъ и умеръ, и

не умеръ. Ибо тотъ по отношенію къ окончанію дѣла не умеръ, а Сынъ Божій плотію умеръ, но Божество пребыло безстрастнымъ.

Богъ, когда опредѣляетъ совершить между людьми какое либо великое дѣло, всегда его предваряетъ и предначертываетъ тѣнь его, дабы, когда явится истина, они не усумнились въ ней, и, по предшествовавшему образу, повѣрили ей. Такъ, на примѣръ, Всесвятая Дѣва долженствовала родить. Дѣло было невѣроятное, какъ дѣва можетъ родить вопреки закону природы? Ибо такое рожденіе противно порядку природы. Кто отъ вѣка видѣлъ, чтобы дѣва родила? По сему, чтобы Іудеи не впали въ великое невѣріе, Богъ предваряетъ и предначертываетъ истину въ Саррѣ, дабы, въ случаѣ недоумѣнія: какъ дѣва родила, припомнивъ, сказали бы лучше: какъ Сарра родила? Или еще лучше: какъ земля дѣвственная родила? Плуга не было; земледѣльца, который бы ее воздѣлывалъ, не было; трава на ней не произрастала, борозды по ней проведено не было; была она не воздѣлана, не принимала

въ себя сѣмени, роса ее не увлажняла. Скажи мнѣ, какъ сія дѣвственная земля произрастила безчисленные роды травъ? Ты не можешь изъяснить сего, а говоришь, что такъ восхотѣлъ Богъ: такимъ же образомъ разсуждай и о Дѣвѣ.

Естьли ты сомнѣваешься, то знай, что не должно любопытствовать, когда что производитъ Богъ. Не вопрошай, сообразно ли то съ природою, когда Творецъ природы производитъ. Не испытывай много. Богъ сказалъ: *Да произраститъ земля!* и тотчасъ слово проникло во внутренность земли, побудило ее къ рожденію, и сія дѣва раждаетъ. Слово дѣйствовало предварительно, и произрастило безчисленные роды травъ, и земля получила свое украшеніе посредствомъ слова. Пришла земля въ движеніе, явились птицы, рыбы и животныя, на сушѣ живущія, луга, цвѣты, дерева, виноградныя, оливковыя, и безчисленные роды другихъ деревъ, безъ попеченія въ свое время приносящіе плоды, въ долинахъ, при морѣ, при озерахъ, при рѣкахъ, при источникахъ, на горахъ. Дѣйствовало одно слово, и земля получала

свое благолѣпіе. Какъ это? Изъясни мнѣ Іудей.—Но ты не можешь. Видишь ли, какъ заблужденіе само себя испровергаетъ? Внимай прилѣжно.

Когда Богъ, какъ я сказалъ, намѣреваетъся совершить какое нибудь великое дѣло, которое можетъ казаться для людей невѣроятнымъ, то предварительно представляетъ его образъ и тѣнь, чтобы истина, нечаянно явившись, не повергла ихъ въ невѣріе. Надлежало притти Сыну Божію, и крестить родъ человѣческій, умертвить ветхаго человѣка, потопить хотящаго возобновить грѣхъ, возвратить благословеніе, уничтожить проклятіе, даровать оправданіе, человѣковъ содѣлать Ангелами, принять блуднаго и сдѣлать его, какъ уже и сдѣлалъ, сыномъ; того, кто недостоинъ былъ земли, принять и сдѣлать достойнымъ неба. Это было великое и для многихъ невѣроятное чудо, какъ одна и та же природа одного и того же человѣка умерщвляетъ и оправдываетъ, истребляетъ грѣхъ и возвращаетъ истину? И такъ, чтобы Іудеи не почли ученіе Христіанское баснею, чтобы

не сказали, какъ одна и та же вода можетъ и умерщвлять и оживлять,—одна вода, и какъ можетъ производить два дѣйствія: то что творитъ Богъ, чтобы обличить безстыдство Іудеевъ?

Сыны Израилевы, угнетенные кирпичною и другими работами, изнемогали въ трудахъ; съ плачемъ и воплемъ они взывали: Кто насъ избавитъ отъ рабства Египетскаго? Пропали, погибли мы отъ тяжкихъ трудовъ! Что же? Богъ услышалъ ихъ, и посылаетъ Моисея, вооруживъ его знаменіями и чудесами. Моисей пришелъ, неся казни на Фараона. Онъ вывелъ противъ него злое войско саранчи, приказалъ мошкѣ, и она явилась; воду превратилъ въ кровь, произвелъ гнойныя струпья на людяхъ и четвероногихъ, и когда послѣ сихъ казней Фараонъ оставался непокоренъ, то наконецъ Богъ послалъ смерть на первенцевъ. Скажу кратко: ибо надобно сократить слово, чтобы, распространяясь о семъ, не оставить неисполненнымъ обѣщаніе.—Израильтяне вышли изъ земли Египетской, и пришли къ морю. Фараонъ погнался за ними съ множествомъ колесницъ

и коней. Израиль устрашился, увидѣвъ сіе ополченіе. Уже онъ былъ на берегу моря. Богъ говоритъ Моисею: *Что вопіеши ко Мнѣ?* (Исх. 14, 15.) хотя Моисей не говорилъ ничего. Но Онъ говоритъ: Я Богъ, который не только то, что исходитъ изъ устъ, слышу; но и знаю то, что сокрыто въ сердцѣ, дабы ты зналъ, что молитва состоитъ не въ воплѣ, а въ чувствѣ сердца. *Что вопіеши ко Мнѣ?* Уста его не говорили, но вопіяло сердце. Ибо молитва требуется отъ добраго сердца, а не отъ крѣпкаго вопля. *Что вопіеши ко Мнѣ?*—Моисей простеръ жезлъ, который былъ въ рукѣ его, и поразилъ воду. Смятенное симъ стремленіе водъ прекратилось и забыло свою природу. Сколь ни неукротима сія стихія, но по мановенію Божію и она забываетъ свою природу и обуздываетъ свое дѣйствіе. Ибо море, какъ добродушный рабъ, видя своего Владыку, повиновалось и покорилось. Покорилось не изъ благоговѣнія къ сухому древу, но ради Того, который имѣлъ быть распятъ на древѣ. Увидѣло оно образъ, и тотчасъ уразумѣло истину, и разступилось. Моисей и самъ прошелъ и весь народъ Из-

раильскій. Преслѣдующіе ихъ Египтяне, то есть, и Фараонъ и колесницы его и кони, вступили въ слѣдъ ихъ. Когда сыны Израилевы перешли, вода пашла и покрыла Египтянъ.

И такъ, Іудей! скажи мнѣ, какъ вода въ крещеніи производитъ два дѣйствія, и умерщвляетъ и оживляетъ? Скажи мнѣ, какъ оное море, будучи одно по своей природѣ, однихъ потопило, другимъ открыло путь, хотя одно было стремленіе возмущенныхъ водъ? Какъ оно однихъ, какъ рабъ, почтило, для другихъ явилось жестокимъ? Изъясни мнѣ сіе, Іудей, ты, который не вѣришь Кресту: какъ одна и та же вода тѣхъ умертвила, а сихъ спасла? Одна была вода, одно море, но у однихъ и ноги не омочило, а другихъ и слѣда не оставило, но всѣхъ покрыло водою, и такимъ образомъ море содѣлалось общимъ для всего Египетскаго народа гробомъ. Скажи же, какъ это случилось? Видишь ли, какъ тѣнь предшествовала, чтобы мы не могли не вѣрить истинѣ. Какъ то тѣнь, сіе истина? То тѣнь, сіе самая вещь? Видишь ли, что, когда Богъ, какъ я

сказалъ, намѣреваешся совершить какое либо досточудное дѣло, то прежде прообразуешъ и предначертываешъ его, чтобы такимъ образомъ удобнѣе была принята прообразованная истина.

Образъ необходимо долженъ быть ниже Евангелія мира. Тамъ требовалась обувь для ногъ, и здѣсь обувь же: тамъ жезлъ, здѣсь броня: Моисей какъ бы для путниковъ, Павелъ какъ бы для воиновъ: тѣ изъ земли въ землю, и потому они путники; я отъ земли на небо, и потому я воинъ.—Почему? Потому что путь мнѣ враги преграждаютъ по воздуху, демоны противостоятъ мнѣ. Для сего я имѣю явное дерзновеніе, для сего препоясаніе истины. Ибо я не путникъ только, но и воинъ. *Узкая врата и тѣсный путь вводятъ въ животъ.* (Матѳ. 7, 14.) И такъ смотри, какъ Павелъ изъясняетъ вещи самыя, и какъ Моисей представляетъ ихъ образы; какъ важны вещи чувственныя, какъ духовныя!

Будемъ убо и мы стараться, возлюбленные, подражать Аврааму, чтобы удостоить-

ся бышь принятыми на лоно его, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, которому слава и держава нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

IX.

СЛОВО

Въ недѣлю Ваій.

Сего ради и срѣте Его народъ, яко слыша-ша Его сіе сотворша знаменіе. Іоан. 12, 18.

Предъ наступленіемъ Пасхи Іудейской, или лучше, предъ окончаніемъ знаменательной и наступленіемъ новой, истинной Пасхи, Іисусъ Христосъ вшелъ въ Іерусалимъ. Какъ вшествіе Его во градъ, такъ и встрѣча, сдѣланная Ему народомъ, были необыкновенны. *Обрѣтъ Іисусъ осля, всѣде на не. Народъ же многъ пришедый на праздникъ, слышавше, яко Іисусъ грядетъ во Іерусалимъ, пріяша ваія отъ фінікъ и изыдоша въ срѣтеніе Ему, и зваху глаголюще: Осанна, благословенъ грядый во имя Господне, Царь Израилевъ.* (Іоан. 12, 12. 13. 14.) Почему народъ встрѣтилъ Іисуса съ такою радостію и честію? Поелику видѣлъ многократныя Его чудеса, (*Лук.* 19, 37.) и особенно потому, что многіе и слышали отъ очевидныхъ свидѣтелей, и сами видѣли то чу-

до, которое онъ недавно произвелъ надъ мертвымъ Лазаремъ, единымъ словомъ воскресивъ его изъ мертвыхъ, уже четыре дня лежавшаго во гробѣ. По сему Св. Евангелистъ Іоаннъ, описавъ сіе сотворенное Іисусомъ знаменіе, и вскорѣ послѣ сего случившійся входъ Его въ Іерусалимъ, сказалъ: *Сего ради и срѣте Его народъ, яко слышаша Его сіе сотворша знаменіе*;—знаменіе послѣднее и превышающее всѣ прочія знаменія Его, сотворенное Имъ именно съ тою цѣлію, дабы прославился Сынъ Божій его ради, и дабы увѣровали, что Отецъ послалъ Его. (Іоан. 11, 4. 42.) И такъ мы, воспоминая вхожденіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ и срѣтеніе Его народомъ, вмѣстѣ должны воспоминать и славное Его чудо, какъ причину сей временной, такъ сказать, славы Его, за которое естьли бы не восхвалили Его люди, то восхвалили бы камни.

Чудеса, совершаемыя о имени Божіи, суть несомнѣнный признакъ того, что посланный есть отъ Бога. Іисусъ Христосъ чудесами своими доказывалъ, что Онъ есть единородный Сынъ Божій, посланный отъ Отца для спасенія міра. Толь чрезвычайное по-

сольство необходимо требовало, чтобы оно засвидѣтельствовано было, между всемъ прочимъ, и необычайными чудесами. Но послѣ того, какъ Іисусъ совершилъ великое чудо искупленія, и Церковь утвердилась на основаніи Апостоловъ и Пророковъ, имѣя Самаго Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, послѣ того она не имѣетъ уже болѣе нужды доказывать новыми чудесами то, что Іисусъ отъ Бога изшелъ и пришелъ. Естьли не послушаемъ Пророковъ и Апостоловъ, то аще кто и отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имемъ вѣры. (Лук. 16, 31.) Впрочемъ любопытство всегда останется свойствомъ человѣческимъ, и можетъ быть найдутся и между Христіанами такіе, которые хотя и вѣруютъ во Христа, пришедшаго отъ Бога, и ученіе Его съ радостію пріемлютъ, однако желали бы видѣть и Лазаря воскресшаго.—Утѣшься, слабый Христіанинъ! Сила Божія и донынѣ совершается во Святыхъ. Но не ищи далеко чудесъ. Близь тебя совершаются онѣ. Ты самъ можешь быть свидѣтелемъ оныхъ. Естьли видишь грѣшника, обращающагося къ Богу, то знай, что отъ Бога исходитъ знаменіе сіе.

Обращеніе грѣшника отъ мертвыхъ дѣлъ къ Богу убѣждаетъ насъ въ томъ, что *Ходатай предъ Отцемъ Іисусъ Христосъ*— Тотъ, давно бывшій на землѣ *Праведникъ*— живъ, что Онъ и теперь близокъ къ намъ, что Духъ Его всегда невидимо носится надъ нами, и что сила Его могущественна, Божественна. То, что можетъ убѣдить насъ въ сихъ важныхъ предметахъ, должно быть и само въ себѣ важно. И дѣйствительно, обращеніе человѣка къ Богу есть дѣло необычайное, есть чудо не меньшее, какъ и востаніе изъ гроба мертваго. Да не помыслитъ кто нибудь, что вещь увеличивается, и представляется въ другомъ видѣ, нежели какова она сама въ себѣ есть. Нѣтъ! Слушатели Благочестивые. Обращеніе человѣка къ Богу есть истинное чудо, которое можетъ сотворить одинъ только Богъ.

Святое Писаніе, различнымъ образомъ описывая состояніе человѣка не возрожденнаго во Христѣ, иногда представляя его древомъ безплоднымъ, иногда овцею заблудившею, рабомъ служащимъ грѣху, иногда сравнивая его состояніе съ нощнымъ мракомъ, покрываю-

щимъ землю, съ глубокимъ сномъ, содержащимъ всѣ силы тѣла въ оцѣпенѣніи, самое разительное и самое близкое дѣлаетъ сравненіе, когда уподобляетъ его человѣку мертвому. *Воскресни отъ мертвыхъ.* (Ефес. 5, 14.) *И васъ мертвыхъ сущихъ въ прегрѣшеніихъ сооживилъ есть со Христомъ.* (Кол. 2, 13.) Это слова Св. Апостола, который разумѣетъ здѣсь не тѣлесную, но духовную смерть. Назвалъ мертвыми людей, находящихся подъ властію діавола, и творящихъ безплодныя дѣла тьмы. Но какъ таковыя дѣла даже и именоваться не должны у Христіанъ, (Ефес. 5, 3.) то и имя сіе не прилично Христіанину, ожившему со Христомъ. И подлинно, въ первыя времена Христіанства, оно едва ли могло относиться къ увѣровавшимъ во Христа. Но послѣ, съ давнихъ впрочемъ временъ, явились, и нынѣ есть люди, которые, бывъ съ самаго рожденія приведены въ Христіанство, и запечатлены дарами духовными, жизнію своею осмѣливаются оскорблять Духа Божія, которымъ знаменовались въ день крещенія, и однимъ только именемъ отличаются отъ тѣхъ, о коихъ сказано, что они *ходятъ*

въ суетѣ ума, помрачени смысломъ, суще отчуждени отъ жизни Божіей. (Ефес. 4, 17. 18.) То самое, что они Христіане, служитъ еще къ большему осужденію ихъ. Даже исполненіе внѣшнихъ обязанностей Христіанскихъ, которыя они несутъ, какъ тяжелый яремъ возложенный на нихъ, не служитъ имъ въ оправданіе, и препятствуя видѣть внутреннее свое развращеніе, тѣмъ болѣе умножаетъ оное. По истинѣ таковые Христіане не обратились ко Христу душею, не перешли къ жизни Христовой, не почувствовали свѣта Христова, и внутри себя остаются еще мертвы. Очевидно, что въ семъ случаѣ разумѣется не та смерть, которой должны быть преданы страсти и похоти наши, дабы намъ умерти со Христомъ съ Нимъ и воскреснуть, но напротивъ та, которая воскрешаетъ страсти и похоти наши. Отъ сей-то смерти обращеніе человѣка въ жизнь духовную, есть чудо, которое творитъ одинъ Богъ, и которое яснѣе свѣта открываетъ Божественную силу Его.—

Человѣкъ грѣшный мертвъ духовно. Кому

изъ Христіанъ не извѣстно сіе?—Душа его мрачна, хладна, какъ та пещера, въ которой положенъ былъ умершій Лазарь. Онъ еще не ощутилъ въ себѣ, почему Христосъ называется *Свѣтомъ просвѣщающимъ* и согрѣвающимъ человѣка.—Сердце его жестоко, какъ камень, лежавшій на гробѣ Лазаря. Онъ не имѣетъ истинной любви къ Богу и ближнимъ, а слѣдовательно не имѣетъ истинной любви и къ самому себѣ. Но нужно ли много говорить о семъ? Или не видимъ примѣра—каждый на самомъ себѣ?—Извнутри его исходитъ дыханіе отвратительное, особливо для душъ, имѣющихъ духовное ощущеніе. Отъ пороковъ его смердитъ и самое тѣло. Не трупъ ли то четверодневный?—Всѣ душевныя и тѣлесныя силы его обвиты пеленами грѣховными, сотлетенными искусствомъ древняго злохудожника изъ удовольствій міра и плоти. Лице его закрыто: на немъ уже не видно образа и подобія Божія. Но вотъ преимущество его надъ мертвымъ: будучи мертвъ, онъ мнитъ о себѣ, что еще живетъ!

Между смертію и жизнію духовною та-

кое же находится различіе, какое и между смертію и жизнію тѣлесною. У кого тѣлесныя силы дѣйствуютъ, тотъ живъ тѣломъ; у кого перестаютъ дѣйствовать, тотъ умираетъ. Но въ духовной Христіанской жизни, кто дѣйствуетъ по заповѣдямъ Христовымъ, тотъ живъ, и будетъ живъ во вѣки: а кто дѣйствуетъ по внушеніямъ злыхъ страстей, тотъ мертвъ, и вѣчно останется мертвъ, естьли не обратится къ Тому, кто есть Жизнь.Важенъ переходъ отъ смерти къ жизни чувственной: но важенъ переходъ и отъ смерти грѣховной къ жизни Христовой. Тамъ одного слова довольно было для того, якобы мертвый восталъ: *Лазаре, гряди вонъ. И изыде умерый.* Сколько напротивъ дѣлаетъ воззваній Слово Божіе къ грѣшнику: Покайся! покайся! Какія обѣщаетъ ему награды: *Пріиди благословенный, наслѣдуй царствіе!* Какія представляетъ угрозы: *Се гряду скоро, и мзда Моя со Мною!* — и однакожъ онъ не повинуется. Причина сему та, что онъ, къ несчастію, имѣетъ волю, свою волю, развращенную и волѣ Божіей непокорную. Послѣ того, естьли бы такой

грѣшникъ, оставивъ свое упорство, пришелъ въ себя, обратился, раскаялся, пренебрегъ, презрѣлъ старую жизнь свою, и душею и сердцемъ прилѣпился ко Христу; естьли бы дѣйствительно произошла въ немъ такая перемѣна, и мы увидѣли бы въ немъ новаго человѣка: то не почли ли бы удивительною перемѣну его, и Тотъ, кто произвелъ бы ее, не былъ ли присущъ человѣку силою своею?

Но сколько отъ созданія Церкви Христовой было людей, которые учинились праведниками, бывъ прежде великими грѣшниками!— Іудеи, язычники и уподоблявшіеся имъ Христіане вдругъ приходили въ такую вѣру, что, подобно Апостолу Павлу, ничего не хотѣли и слышать и знать кромѣ Іисуса Распятаго. Всѣмъ, кто ихъ зналъ, было извѣстно, какъ они преданы были міру, какъ угождали страстямъ, и вдругъ они перемѣнились, и стали совсѣмъ другіе люди. Бывъ горды, самолюбивы, надменны — смирились. Изъ волковъ сдѣлались агнцами. Прилѣпились къ Церкви Христовой, какъ дѣти. До того возлюбили Христа, что отвергнули для Не-

го все земное, легко отказались отъ самыхъ любимѣйшихъ склонностей своихъ, съ которыми разстаться значило прежде для нихъ то же, что и разстаться съ жизнію. Нашли болѣе удовольствія въ печали со Христомъ, и самое презрѣніе міра къ себѣ обратили для себя въ источникъ величайшей радости. Можетъ быть, и въ семъ священномъ Храмѣ есть душа, которая, слыша Слово Божіе, такое возымѣла отвращеніе ко грѣху, что твердо рѣшилась съ сего времени принадлежать Христу. Откуда толь скорый и толь великій переходъ, отъ земли къ небу, отъ ада къ раю, отъ смерти къ жизни? Спрашивается: кто произвелъ перемѣну?—Человѣкъ? Но онъ только могъ возжелать сего, не противиться сему, и симъ какъ бы содѣйствовать тому, дабы вновь не умереть, но, будучи мертвъ, самъ себѣ не могъ дать жизни. Сами сіи люди Божіи исповѣдуютъ то, сознавая внутренно помощь отъ Того, кто сказалъ: *Безъ Мене не можете творити ничесоже.* (Іоан. 15, 5.) Слово Божіе, такъ какъ глаголы Божіи духъ и животъ суть? (Іоан. 6, 63.) Но дѣйствіе Слова въ сердцѣ есть дѣйствіе Самаго Хри-

ста Іисуса. Естьли все, написанное въ Словѣ о возрожденіи человѣка духомъ, вѣрно исполняется на немъ, то вѣренъ и Тотъ, который изрекъ: *Азъ съ вами есмь во вся дни.*—Различные случаи жизни могутъ только служить предуготовленіемъ къ сему измѣненію, но самое измѣненіе всегда будетъ даръ свыше нисходящій: точно такъ, какъ и неблаговременное, по видимому, и какъ бы случайное пришествіе Іисуса въ Виѳанію было предуготовлено Имъ, съ тою цѣлію, дабы болѣе возвеличить чудо.

Вездѣ видна сила Христова, — въ болѣзняхъ, нуждахъ, напастяхъ, въ коихъ она подкрѣпляетъ, но въ возрожденіи человѣка она очевидна. Немощные вѣрою! пріимите знаменіе. Не для чудесъ, не для того, чтобы воскрешать мертвыхъ изъ гробовъ, и вызывать ихъ изъ спокойныхъ жилищь, снисшелъ Господь, но для того, чтобы совершить чудесное измѣненіе въ насъ самихъ. Подкрѣпите вѣру свою, видя, что подобные вамъ грѣшники спаслись. Ибо *Господь близъ.* (Филип. 4, 6.) Тотъ самый Богъ, который былъ на землѣ, училъ, призывалъ къ покая-

нію, творилъ чудеса, страдалъ, умеръ и воскресъ, тотъ самый Богъ сѣдитъ нынѣ одесную Отца своего, за заслуги свои получивъ отъ Него власть надъ всѣми людьми, и разрушивъ преграду между небомъ и землею, во всякое время не коснитъ являть свыше Божественную силу свою, производя внутри человѣка чудеса, изъ любви къ человѣку, сотворенному не для смерти, но для жизни, естьли только онъ не противится влеченію силы Его. — *Мнози убо отъ Іудей, видѣвше, яже сотвори Іисусъ, вѣроваша въ Него.* (Іоан. 11, 45.) Господи! и мы вѣруемъ, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, и что всѣ словеса Твои суть *ей и аминь!*

Естьли же Христосъ есть Богъ, и Слово Его есть истина, то истинно и то, что естьли не покаемся, всѣ умремъ во грѣхахъ. По сему, подобно какъ Марѳа и Марія, сестры Лазаря, еще издалека встрѣтили Учителя, и со слезами возвѣстили Ему о смерти брата своего, поспѣшимъ и мы встрѣтить Его, грядущаго къ намъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ возвѣстить Ему о

несчастіи нашемъ, и скажемъ: *Господи, аще бы еси былъ здѣ.* Естьли бы мы не удалились отъ Тебя, естьлибъ Ты, жизнь всяческихъ, былъ съ нами, *то не бы мы умерли.* Пріиди на гробъ нашъ, и виждь,—пролей слезы надъ нами, и для славы Твоей сотвори надъ нами великое чудо обращенія, дабы вмѣстѣ съ Тобою возлежать на вечери въ дому Отца Твоего небеснаго. Приближилось время воспоминанія спасительныхъ страданій Твоихъ. У подножія креста Твоего умоляемъ Тебя: приведи насъ къ Отцу Твоему. Ради Тебя Онъ не отринетъ насъ, только Ты помилуй, пощади насъ, и яви намъ любовь свою, которою возлюбилъ насъ до конца. Обрати насъ, и обратимся. Исцѣли насъ, и исцѣлимся. *Ты воскрешеніе и животъ.* Оживи насъ, дабы намъ узрѣть славное Твое воскресеніе.

Но мы уже слышимъ гласъ: *Вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ.—Аще вѣруеши, узриши славу Божію.* Приступимъ же къ Нему со страхомъ и вѣрою. Ради сего знаменія встрѣтимъ Его, и возопіемъ: *Благо-*

словенъ грядый во имя Господне. Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка! Аминь.

И. К.

X.

СЛОВО

НА ДЕНЬ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

Христосъ воскресе!

Такъ Сл! воистину Христосъ воскресе, въ третій день по писаніемъ. (1 Кор. 15, 4.)

Раскроемъ Св. книги ветхаго Завѣта, и мы увидимъ, что истина воскресенія Христова была открыта ветхому Израилю въ ясныхъ прообразованіяхъ и пророчествахъ. Нынѣ нашъ Исаакъ вознесенный Богомъ Отцемъ на крестный жертвенникъ возвращается отъ него невредимымъ. Нынѣ нашъ Іосифъ проданный отъ насъ вѣроломныхъ на страданія, послѣ многихъ мученій, вѣнчается Божественною славою. Нынѣ нашъ Моvсей изъятъ изъ волнъ морскихъ, дабы освободить насъ отъ работы духовнаго Фараона — діавола. Нынѣ пожерта за насъ наша Пасха Христосъ. Нынѣ свершилось то, что о Іисусѣ Христѣ провидѣлъ Осія издалеча: *Исцѣлитъ ны, по двою дню въ день тре-*

тій воскреснемъ и живи будемъ. (4, 3.) Христосъ воскресе!

Воистину Христосъ воскресе! Вотъ истина возвѣщаемая намъ Евангелистами и Апостолами. Не будемъ говоришь о ней со всею подробностію; ибо кто изъ насъ не знаетъ, что Христосъ воскресъ въ третій день, близь Іерусалима въ Вертоградѣ, находящемся не далеко отъ горы Голгоѳы, при многочисленныхъ стражахъ? Но паче обратимъ вниманіе на ту радость, которая всю тварь возбуждаетъ къ прославленію возставшаго Жизнодавца. Тамъ на небѣ лики Ангеловъ славословятъ Побѣдителя смерти. Здѣсь на землѣ мы недостойные по гласу Матери нашей Церкви нечистыми устами сподобились прославлять Его. И преисподній адъ оглашается благовѣстіемъ о воскресеніи Господа, и плѣнники его изводятся въ свободу. И такъ когда и небо торжествуетъ Спасово изъ мертвыхъ востаніе, когда и адъ участвуетъ въ плодахъ Его воскресенія: то одна ли земля, для которой Іисусъ Христосъ умеръ и воскресъ, не будетъ прославлять Его священно—торжественнымъ

веселящимъ сердца всѣхъ воскликновеніемъ: Христосъ воскресе!

Но умѣримъ, Христіане, нашу радость; спросимъ откровенно самихъ себя: понимаемъ ли мы сіе столь же часто повторяемое, сколь многозначительное восклицаніе: Воистину Христосъ воскресе!? Естьли Христосъ не воскресъ въ сердцахъ нашихъ; то видимая радость о Его воскресеніи что иное для насъ есть, какъ не притча, извѣстная по одному слуху, и непостижимая по ея внутреннему значенію? *Или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть; да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ. Аще бо сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенія будемъ.* (Рим. 6, 3—5.) Слѣдовательно воскресеніе Іисуса Христа не есть одно токмо историческое произшествіе, которому мы должны вѣровать, но есть вмѣстѣ и образъ нашего духовнаго воскресенія. Вникнемъ въ образъ воскресенія Іисуса Христа

ста, дабы мы могли познать, каково должно быть наше духовное воскресеніе.

Іисусъ Христосъ, чтобы доказать истину воскресенія своего, многократно по воскресеніи являлся ученикамъ своимъ. *Предахъ вамъ исперва*, вѣщаетъ Св. Павелъ, *еже и пріяхъ, яко Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради, по писаніемъ: и яко погребенъ бысть, и яко воста въ третій день, по писаніемъ: и яко явися Кифѣ, таже единонадесятимъ: потомъ же явися болѣ пяти сотъ братіямъ единою, отъ нихъ же множайшіи пребываютъ доселѣ, нѣцыи же и почиша. Потомъ же явися Іакову, таже Апостоломъ всѣмъ. Послѣди же всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явися и мнѣ.* (1 Кор. 15, 3—8.) Приходятъ ли благочестивыя жены на гробъ Іисуса, дабы оплакать Его страданія и смерть? Онѣ не находятъ тѣла Его; Ангелы благовѣствуютъ имъ: *Что ищите живаго съ мертвыми? Нѣсть здѣ, но воста.* (Лук. 24, 5. 6.) Самые стражи, поставленные отъ Іудеевъ при гробѣ Іисусовомъ, свидѣтельствуютъ предъ первосвященниками о Его славномъ воскре-

сенія. (Матѳ. 28, 11—5.) И въ то время, когда смущенные Апостолы подумали, что они вмѣсто явившагося имъ Іисуса Христа видятъ духа, Господь даетъ имъ осязать руки, ноги и ребра свои; вкушаетъ предъ ними рыбу и сотъ, прорекаетъ имъ о пришествіи Святаго Духа, и такимъ образомъ совершенно уничтожаетъ ихъ сомнѣнія. (Лук. 24, 36—49.)

Христіанинъ! ты духовно воскресъ со Іисусомъ Христомъ, когда вышелъ изъ святой купѣли, и потому ты долженъ стараться, чтобы воскресеніе твое было истинное, а не ложное. Токмо тотъ истинно воскресъ въ естественную жизнь, кто обнаруживаетъ ее въ естественныхъ дѣйствіяхъ: подобнымъ образомъ токмо тотъ воскресъ въ духовную жизнь, кто обнаруживаетъ ее въ дѣйствіяхъ духовныхъ. Посмотрите на Христіанина истинно воскресшаго со Іисусомъ Христомъ, и вы увидите, что главное начало его дѣятельности суть сіи слова воскресшаго Господа: *Восхожду ко Отцу Моему.* (Іоа. 20, 17.) Онъ живетъ на землѣ; но каждое его дѣло свидѣ-

тельствуетъ, что мыслію онъ безпрестанно устремляется въ горняя, туда, гдѣ Іисусъ Христосъ возсѣдитъ одесную Бога Отца. Обращается ли онъ съ ближними? Онъ бесѣдуетъ съ ними о царствіи Божіемъ, укрѣпляетъ ихъ вѣру, открываетъ имъ сокровенный смыслъ Св. Писанія. Было время, когда тяжесть грѣховъ подавляла его, когда сердце его работѣбствовало страстямъ неистовымъ; когда духовное Солнце правды, нынѣ изъ гроба возсіявшее, благодатнымъ свѣтомъ не оживотворяло мертвой души его; когда находилась въ усыпленіи его совѣсть, когда погашена была въ немъ всякая наклонность къ добру: но Господь послалъ благодать свою, и всѣ узы грѣха имъ обладавшаго разрушились. Врагъ побѣжденъ; суета міра представляется очамъ его во всей ясности; шумнымъ собраніямъ онъ предпочитаетъ уединеніе; праздность изгоняетъ трудомъ; невоздержаніе побѣждаетъ постомъ; честолюбіе искореняетъ смиреніемъ; привязанность къ богатству истребляетъ благотвореніемъ; наклонность ко гнѣву уничтожаетъ кротостію; многоглаголанію противополагаетъ молчаніе. И такъ какая душа,

видя добрыя дѣла его, не прославитъ Отца небеснаго? Какая душа не благословитъ Господа воскрешающаго мертвыхъ прегрѣшеніями, какая душа не воскликнетъ: *сія измѣна десницы Вышняго!?* (Псал. 76, 11.)

Іисусъ Христосъ, какъ говоритъ Апостолъ, *воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ, смерть Имъ ктому не обладаетъ: такожде и вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови.* (Рим. 6, 9. 11.), А изъ сего видно, что духовная жизнь Христіанина, какъ чистое зеркало, въ ясныхъ чертахъ должна изображать въ себѣ безпрерывность и постоянство, или лучше сказать, вѣчность того славнаго состоянія, въ которое Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ. И поелику грѣхъ не только прерываетъ, но уничтожаетъ духовную жизнь; то Апостолъ заповѣдуетъ вѣрующимъ быть мертвыми грѣху, то есть, совершенно не дѣлать его, совершенно не существовать для него, какъ мертвецъ не дѣлаетъ какого либо дѣла, и не существуетъ для какого либо внѣшняго предмета! Доколѣ въ состояніи искушенія

мы странствуемъ на землѣ сей, дотолѣ духовное воскресеніе наше должно быть безпрерывное и постоянное; ибо безпрерывно и постоянно мы должны *упразднять тѣло грѣховное, яко ктому не работати намъ грѣху.* (Рим. 6, 6.) Не льзя ограничиться укрощеніемъ одной какой либо страсти; должно истребить всякую страсть гнѣздящуюся въ ветхомъ человѣкѣ. Ослабь гордость, по не уничтожь ее совершенно; при первомъ случаѣ душевная болѣзнь сія опять возвратится, воспылаетъ съ большею силою, разродится на многія смертельныя болѣзни. Не довольно пріобрѣсть токмо нѣкоторые успѣхи въ искорененіи порочныхъ навыковъ: должно умерщвлять плоть дотолѣ, пока все мертвенное не будетъ пожерто животомъ. О семъ безпрерывномъ умерщвленіи ветхаго и обновленіи новаго человѣка Апостолъ Павелъ говоритъ: Мы *всегда мертвость Господа Іисуса въ тѣлѣ носимъ, да и животъ Іисусовъ въ тѣлѣ нашемъ явится. Присно бо мы живіи, въ смерть предаемся Іисуса ради, да и животъ Іисусовъ явится въ мертвеннѣй плоти нашей. Не стужаемъ си: но аще и внѣшній*

нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни. (2 Кор. 4, 10. 11. 16.)

Таково должно быть наше первое духовное воскресеніе, естьли мы хотимъ воскреснуть въ животъ вѣчный въ то время, когда Іисусъ Христосъ пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ! *Блаженъ и святъ,* вѣщаетъ тайнозритель Іоаннъ, *иже имать часть въ воскресеніи первѣмъ: на нихъ же смерть вторая,* смерть вѣчная, *не имать области, но будутъ Іереи Богу и Христу, и воцарятся съ Нимъ.* (Апок. 20, 6.)

Сл. Бл! съ благоговѣйнымъ умиленіемъ мы недавно созерцали смерть и погребеніе Господа нашего Іисуса Христа; мы торжествуемъ нынѣ Его воскресеніе; но можемъ ли похвалиться, что Іисусъ Христосъ духовно воскресъ и пребываетъ въ сердцахъ нашихъ? Можемъ ли съ неукоризненною совѣстію воспѣвать сію священную пѣснь: *Вчера спогребохся Тебѣ, Христе; совостаю днесь воскресшу Тебѣ; сраспинахся Тебѣ вчера: Самъ мя прослави, Спасе, во цар-*

ствіи Твоемъ? Естьли самолюбіе безпрестанно старается питать и укрѣплять въ насъ ветхаго человѣка; естьли оно превращается въ различные виды, дабы безпрерывно обольщать насъ; естьли умъ нашъ омраченъ представленіемъ собственныхъ мечтательныхъ совершенствъ; естьли воля наша устремляется ко злу; естьли мы располагаемся къ дѣламъ милосердія не изъ чистой любви къ человѣчеству, но чтобы прославлялось наше имя по стогнамъ градовъ и весей; естьли мы ищемъ предсѣдательствъ подъ личиною кротости и смиренія: то видите ли, что мы также связаны грѣхомъ, какъ связанъ былъ смертію четверодневный Лазарь? Видите ли, что мы также не можемъ похвалиться нашимъ духовнымъ воскресеніемъ, какъ не могъ похвалиться своимъ воскресеніемъ Лазарь, прежде, нежели услышалъ всемощный гласъ призывающій Его къ жизни: *Лазаре, гряди вонъ*!? (Іоа. 11, 43.) Въ семъ состояніи мы недостойны праздновать Пасху, недостойны благовѣствовать нашимъ ближнимъ, а равнымъ образомъ и слышать отъ нихъ радостную вѣсть о воскресеніи нашего Господа. Ибо кто можетъ достой-

но праздновать Пасху? Тотъ, кто перешелъ отъ смерти къ жизни, изъ царства тьмы въ царство свѣта, изъ состоянія природы въ состояніе благодати; кто содѣлался изъ человѣка земнаго человѣкомъ небеснымъ, изъ сына гнѣва сыномъ Божіимъ, изъ плотскаго духовнымъ—Божественнымъ. Кто можетъ быть достойнымъ проповѣдникомъ воскресенія Христова? Тотъ, кто чистотою Христіанской жизни также сіяетъ, какъ небеснымъ свѣтомъ сіяли Ангелы, первые благовѣстники воскресенія Христова. Кто можетъ достойно слышать радостную вѣсть о востаніи изъ мертвыхъ нашего Спасителя? Не первосвященники распявшіе Господа и вооружившіеся на Его Церковь, не Фарисеи и книжники подобные гробамъ повапленнымъ исполненнымъ всякою нечистотою; не Іудеи мертвые духомъ: но тѣ, которые, подобно благочестивымъ женамъ и Апостоламъ, первымъ свидѣтелямъ и торжествователямъ воскресенія Христова, подвизаются на поприщѣ жизни духовной. Кто усерденъ ко Іисусу Христу такъ, какъ усердна была къ нему Марія Магдалина; таковый да слышитъ Ангельское привѣтствіе: Христосъ воскре-

се! Кто во святую четыредесятницу, познавъ всю гнусность преступнаго сердца, проливалъ благоговѣйныя слезы раскаянія о грѣхахъ своихъ, подобно Петру горько плакавшему о своемъ преступленіи; къ таковому взываетъ Церковь возвышеннымъ гласомъ: Христосъ воскресе! Кто при содѣйствіи благодати, какъ Ѳома, изгналъ изъ своего сердца всѣ сомнѣнія въ отношеніи къ лицу воскресшаго Господа; таковый побѣдитель невѣрія да внемлетъ сладостному возглашенію: Христосъ воскресе!

Но ахъ! мы не имѣемъ столь блистательныхъ духовныхъ совершенствъ, каковыми украшались первые послѣдователи Іисуса Христа; мы приходимъ праздновать Пасху какъ приходятъ на брачный пиръ неимѣющіе брачныхъ одѣяній; мы привѣтствуемъ другъ друга съ воскресеніемъ Іисуса Христа; но вмѣсто того, чтобы въ сіи священные дни, подобно Апостоламъ, безпрестанно размышлять о смерти и воскресеніи нашего Господа: мы развлекаемся шумными собраніями сыновъ веселія, участвуемъ во всѣхъ мірскихъ удовольствіяхъ, пре-

даемся порокамъ. Не ясный ли это знакъ, что мы или не воскресли въ духовную жизнь, или не укоренились въ ней? Возчувствуемъ наше бѣдствіе, оплачемъ наши грѣхи, вознесемъ пламенныя моленія къ источнику жизни и безсмертія Іисусу Христу: воскресни распятый Спасителю въ душахъ и сердцахъ нашихъ! Да померкнутъ блуждающія наши мудрованія, и да осіяетъ твой животворный свѣтъ мраки сердецъ нашихъ! Да расторгнется завѣса нашихъ прегрѣшеній, и мы будемъ готовы вмѣстить Тебя въ наше сердце! Да распадутся камни нашей гнусной собственности, да превратятся они въ ничто; и всемощная твоя рука да облечетъ насъ *въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины.* (Ефес. 4, 24.) Аминь.

I. Г.

XI.

ОБЯЗАННОСТЬ ХРИСТІАНИНА СЛУЖИТЬ ПРИМѢРОМЪ ДОБРА.

Многіе говорятъ о развращенности временъ нашихъ, жалуются на упадокъ добрыхъ нравовъ, на уменьшеніе благочестія,—можетъ быть потому, что слышатъ иногда о чрезвычайномъ распутствѣ, о грубыхъ порокахъ. Но есть другое, очевиднѣйшее свидѣтельство всеобщей порчи нравовъ, на которое рѣдко обращаютъ вниманіе, потому что почти всякой находитъ оное въ самомъ себѣ. Сіе свидѣтельство состоитъ въ томъ, что весьма немногіе Христіане имѣютъ довольно бодрости, быть столько добрыми и честными, сколько быть могутъ, опасаясь, чтобы не сдѣлаться смѣшными для многихъ людей.

Рѣдко человѣкъ имѣетъ столько твердости, чтобы смѣло совершать дѣла правыя, не смотря на противное сужденіе большой толпы. Всякой желаетъ лучше быть порочнымъ, нежели смѣшнымъ, лучше соглашается

сносишь упреки совѣсти, нежели насмѣшки людей. Не служитъ ли сіе доказательствомъ какъ слабости тѣхъ, которые изъ страха къ другимъ стыдятся быть истинно добродѣтельными, такъ и испорченности общественнаго образа мыслей, по которому благороднѣйшій человѣкъ считается глупымъ или мечтателемъ?

Тебя окружаетъ общество легкомысленныхъ распутныхъ людей, и призываетъ къ принятію участія въ ихъ занятіяхъ. Скоро ты чувствуешь отвращеніе къ ихъ нечестивымъ разговорамъ, къ ихъ распутству въ наслажденіяхъ, къ ихъ нарушенію благопристойности. Но имѣешь ли ты довольно рѣшимости, чтобы обнаружить твое отвращеніе, чтобы содѣлаться предметомъ ихъ язвительнаго остроумія, ихъ посмѣянія?

Ты находился въ кругѣ знакомыхъ и незнакомыхъ, гдѣ отъ веселыхъ разговоровъ перешли къ сужденію о добродѣтеляхъ и проступкахъ человѣка. Вдругъ злонамѣренная клевета возвысила главу свою, и какъ бы для обнаруженія острой мысли, омрачи-

ла доброе имя честнаго, или ввергла въ подозрѣніе невинность безпорочнаго. Ты увѣренъ былъ въ несправедливости всего того, что произносили смѣющіяся уста злобы; но имѣлъ ли столько твердости, чтобы обнаружить смѣло сіе увѣреніе свое, чтобы защитить честь отсутствующаго, и противостать клеветнику? — Испытай свое сердце и признайся, какъ часто, вопреки собственному убѣжденію, изъ одного только угожденія другимъ, ты соглашался съ ихъ мнѣніемъ; какъ часто пренебрегалъ ты священныя обязанности, дабы не лишиться чести вѣжливаго человѣка!

4

Повсюду громогласно раздается прекрасное имя *любви къ отечеству*; но кто не приходитъ въ затрудненіе, когда по любви къ отечеству нужно сдѣлать необыкновенный шагъ, принести необыкновенную жертву, или даже рѣшиться на обыкновенныя благородныя дѣла въ общежитіи? Сколько бы какое нибудь предпріятіе ни было похвально и полезно, никто не хочетъ первый рѣшиться на оное, никто не хочетъ подать собою примѣра. Всякой страшится заслу-

*

жить у людей имя глупаго, или лицемѣрнаго, или честолюбиваго. Всякой смотритъ сперва, многіе ли подаютъ руку тому или другому, и никто не хочетъ стоять одинъ. Всякой называетъ *скромностію* то, что въ сущности есть только дѣйствіе робкой гордости.

Нѣтъ! стыдиться добра, къ которому чувствуемъ склонность и силу, не есть чистая, Христіанская скромность; удобнѣе соглашаться на участвованіе въ безумныхъ и развращенныхъ дѣлахъ, нежели на опровер-женіе оныхъ, не есть чистая скромность. Это есть ложный стыдъ, отреченіе отъ добродѣтели, униженіе самаго себя. Ты ставишь мнѣнія заблуждающихъ смертныхъ выше, нежели истины Іисуса, твоего Божественнаго Учителя; ты предпочитаешь сужденіе міра сужденію Божію.

Истинная скромность, которая служитъ украшеніемъ Христіанина, остерегается превозноситься добродѣтелію; но она никогда не жертвуетъ добродѣтелію сужденіямъ безумныхъ. Скромность любитъ дѣлать добро

въ тайнѣ, когда то можно; но она не отрекается совершать оное явно, когда то нужно. Она не желаетъ никакой славы за свои дѣла, и потому имѣетъ мужество, сносить презрѣніе и посмѣяніе за оныя.

Послѣдователь Іисуса Христа долженъ открыто исповѣдовать Его. Подозрителенъ для меня другъ, который въ скрытности называетъ себя моимъ, но открыто стыдится обращенія со мною: я не считаю его истиннымъ другомъ. Равнымъ образомъ и тотъ не есть Христіанинъ, тотъ не есть Христовъ, кто столько робокъ и малодушенъ, что въ рѣчахъ и дѣлахъ своихъ предъ міромъ отрекается отъ Него. *Всякъ, иже исповѣсть Мя предъ человѣки,* говоритъ Господь ученикамъ своимъ, приготовляя ихъ къ отшествію въ міръ, *исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ. А иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ.* (Матѳ. 10, 32. 33.

Открытые правые поступки во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни,

не взирая на сужденія и насмѣшки обыкновенной толпы, весьма отличны отъ того образа мыслей, который проистекаетъ изъ фарисейской гордости. И Фарисей дѣлаетъ открыто добро; однако онъ дѣлаетъ его не по чистому чувству обязанности, но по честолюбію. Лицемѣръ желаетъ только казаться лучшимъ, нежели каковъ есть на самомъ дѣлѣ. Онъ величается своею добродѣтелію, которая не обитаетъ въ его сердцѣ. Онъ говоритъ истину, но не столько изъ любви, сколько изъ ненависти. Онъ расточаетъ благодѣянія нуждающимся, но не изъ милосердія, а для снисканія похвалы и уваженія. Онъ содѣйствуетъ общеполезному добру, но для того, чтобы обратить на себя благосклонность великихъ земли и глаза народа. Онъ хочетъ не добродѣтели; онъ хочетъ награды, чести, отличія. Явно проповѣдуя любовь къ человѣчеству, онъ въ тайнѣ трудится о низверженіи своего соперника; явно нападая на испорченность нравовъ, онъ въ тайнѣ удовлетворяетъ своему сластолюбію; въ храмѣ Божіемъ, или при слушаніи трогательнаго приключенія, онъ проливаетъ слезы умиленія или состраданія,

но тайными хитростями коварства отнимаетъ собственность у вдовы и сироты, или доводитъ до отчаянія бѣдное семейство, не соображающеся съ его волею.

Сколько, напротивъ того, возвышенъ образъ мыслей и чувствованій послѣдователя Христова! Онъ ищетъ самой добродѣтели, а не наружности ея; онъ ищетъ дѣлъ, а не славы; онъ исполняетъ свою должность, хотя бы міръ произнесъ надъ ними осужденіе; онъ идетъ путемъ правды, хотя бы путь сей велъ его къ бѣдствію. Такъ Іисусъ Христосъ съ бодростію шелъ по пути крестному!

Христіанинъ, не взирая на всѣ сужденія міра, обязанъ не только исполнять должности свои какъ въ уединеніи, такъ и предъ очами людей, но еще съ радостію принимать всякой случай, въ которомъ онъ можетъ собственнымъ примѣромъ дѣйствовать съ пользою на другихъ, и поощрять ихъ къ благороднымъ чувствованіямъ и дѣламъ. *Тако да просвѣтится* — заповѣдуетъ Божественный Основатель нашей Вѣры—*тако да просвѣ-*

тится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ. (Матѳ. 5. 16.)

Мы дожны стараться, собственнымъ примѣромъ въ добрѣ поощрять другихъ къ подобнымъ поступкамъ. Сіе становится особенною обязанностію честнаго человѣка въ такое время, когда, по видимому, болѣе и болѣе входитъ въ обычай, стыдиться добродѣтелей столько же, сколько и пороковъ; когда вмѣняется въ заслуги человѣка, оставаться какъ бы неизъяснимою загадкою для другихъ; когда благоприличіе требуетъ отъ человѣка, вести себя такъ, чтобъ никто не могъ узнать, что̀ онъ есть на самомъ дѣлѣ. — Гдѣ господствуетъ сей обычай, тамъ самый безчестный человѣкъ равняется съ самымъ честнымъ; ибо чѣмъ можно различить ихъ? Гдѣ сія сокровенность истиннаго образа мыслей принадлежитъ къ утонченнымъ нравамъ, тамъ хитрое притворство предпочитается истинѣ, видимость существенности, наружный образъ жизни внутреннему благочестію; тамъ каждый человѣкъ подобенъ другому; тамъ всѣ болѣе

или менѣе преданы лицемѣрію; тамъ всѣ болѣе или менѣе суть рабами тайнаго самолюбія.

Христіанинъ долженъ считать обязанностію своею, всячески избѣгать онаго нечестиваго сообразованія съ принятымъ обычаемъ. Ибо человѣкъ легко *становится* тѣмъ, чѣмъ онъ съ начала только *казался* по притворству; привычка скоро перемѣняется во вторую природу.

Сія обязанность становится тѣмъ необходимѣе и безусловнѣе, что мы живемъ въ такія времена, когда порокъ облекается въ прекраснѣйшія наименованія, и безстрашно шествуетъ по стогнамъ. Представляй смѣло примѣръ Богоугодной добродѣтели предъ очами народа, когда дерзкій злодѣй осмѣливается открыто величаться своимъ нечестіемъ. Являйся мужемъ твердымъ въ словѣ и вѣрности, и воодушевляй геройскимъ примѣромъ, кода другіе шутятъ клятвою, и выдаютъ измѣну за благоразуміе. Являйся во всей твоей невинности и строгости нравовъ, когда своевольство называется лю-

безнымъ и прелюбодѣяніе не ставится въ вину.—Порокъ развращаетъ, добродѣтель вoодушевляетъ примѣромъ. Ты не долго будешь стоять одинъ: уваженіе честнаго и страхъ порочнаго окружаетъ тебя.

Дѣла Христіанина должны быть свѣтомъ для другихъ. Ибо тысячи прекрасныхъ наставленій не столько трогаютъ сердце, какъ одинъ примѣръ добраго дѣла. Такъ свѣтился предъ нами свѣтъ Искупителя міра: естьлибы Онъ не претерпѣлъ крестной смерти для спасенія человѣческаго рода; то ни Ученики Его, ни мученики первой Церкви не шли бы съ такою радостію на мученія и смерть за Его слово; вѣчная истина умерла бы на устахъ Того, кто первый проповѣдалъ ее.

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла!—взываетъ Іисусъ Христосъ, который самъ дѣлалъ то, что говорилъ. Сіе призываніе къ Христіанскому геройству относится къ высокимъ и низкимъ, къ старикамъ и юношамъ. И такъ всѣ мы должны

даже *съ намѣреніемъ* дѣлать добрыя дѣла открыто, когда сіе бываетъ нужно.

Правда, что сіе призываніе не повелѣваетъ намъ умышленно выставлять наши додобрыя дѣла, чтобы *насильно* сдѣлать ихъ замѣчательными для другихъ. Мы знаемъ, что никакой примѣръ не дѣйствуетъ на сердце такъ слабо, какъ тотъ, который съ намѣреніемъ выдается за *примѣръ*. Тщательно изыскиваемые случаи выказать себя съ хорошей стороны уничтожаютъ наилучшее впечатлѣніе, ибо рѣдко остаются бедъ подозрѣнія въ нихъ тайной суетности. Не нагое дѣло достойно подражанія, но расположеніе, съ которымъ оно совершено.—Однако и не заботясь о случаяхъ выказать себя, мы найдемъ по Божію устроенію много обстоятельствъ, въ которыхъ можемъ подать убѣдительный примѣръ въ добрѣ. Подай примѣръ терпѣливости, когда злоба другихъ побуждаетъ тебя къ гнѣву. Подай примѣръ великодушія, когда представляются случаи унизить врага твоего. Подай примѣръ вѣрности, когда другіе, сообразуясь съ обстоятельствами, нарушаютъ

клятву свою. Подай примѣръ постоянства, когда ласкательный соблазнъ отваживается поколебать добродѣтель твою. Подай примѣръ спокойной преданности Богу, когда разрушается твое благосостояніе, когда оставляютъ тебя друзья, любившіе тебя въ счастіи.

Человѣкъ, на поприщѣ общественной жизни, всегда имѣетъ случаи, быть честнымъ человѣкомъ. Имѣй только Христіанское мужество, быть Христіаниномъ въ словахъ и дѣлахъ, въ уединеніи и обществѣ, и ты будешь служить хорошимъ примѣромъ.

Обязанность подавать хорошій примѣръ увеличивается особенно тогда, когда мы въ гражданскомъ обществѣ занимаемъ такое мѣсто, гдѣ взоры многихъ лицъ обращены на насъ. По истинѣ, отвѣтственность отца больше, нежели дитяти; больше требуется отъ начальника, нежели отъ подчиненнаго; больше отъ достаточнаго, нежели отъ бѣднаго; больше отъ образованнаго, нежели отъ невѣдущаго. Чѣмъ обширнѣе кругъ твоего дѣйствованія, тѣмъ могуществен-

нѣе примѣръ твоей добродѣтели, тѣмъ соблазнительнѣе примѣръ твоего порока. Ты живешь и дѣйствуешь не для себя одного; твоя добродѣтель просвѣщаетъ, твой порокъ омрачаетъ окружающихъ тебя.

Примѣръ добра бываетъ тѣмъ сильнѣе, когда подается людьми въ такихъ дѣлахъ, которыя, по видимому, весьма тяжелы для ихъ состоянія, для ихъ лѣтъ. По сему-то Іисусъ Христосъ указалъ ученикамъ своимъ на ту бѣдную вдову, которая съ кротостію вложила въ церковную сокровищницу двѣ лепты, сбереженныя ею, можетъ быть, съ великимъ трудомъ.

Когда безсильный старикъ чуждъ юношескаго легкомыслія; когда неимущій не предается расточительности; когда отъ природы тихій не имѣетъ жестокаго сердца, или не знаетъ порывовъ гнѣва: то кто увидитъ здѣсь примѣры добродѣтели, или кто можетъ удивляться имъ? Но когда юноша, одаренный крѣпостію силъ и волнуемый пылкостію лѣтъ, ненавидитъ дѣла легкомы-

слія; когда онъ отвращается отъ прелестей сластолюбія; когда онъ съ удовольствіемъ подчиняетъ себя строгимъ законамъ труда и порядка, не смотря на свою склонность къ разсѣянности: то онъ по всей справедливости заслуживаетъ удивленіе людей, и побуждаетъ сверстниковъ своихъ къ соревнованію.

И такъ каждый наиболѣе долженъ стараться подавать примѣръ тѣхъ добродѣтелей, которыхъ міръ наименѣе ожидаетъ отъ него.—Воинъ! ступай на поле сраженія, куда призываетъ тебя твой долгъ къ Царю и Отечеству, и тамъ подавай блистательный примѣръ человѣколюбія. Щади безоружныхъ; защищай притѣсненнаго отъ жестокости безчеловѣчныхъ твоихъ товарищей; спасай собственность ближняго отъ расхищенія, и ограждай невинность отъ нападеній звѣрскаго неистовства.

Великій земли, котораго окружаетъ слава, сила и блескъ! подавай примѣръ благородной кротости. Предпочитай чувствованіе исполненія своей должности ласкательствамъ

низкаго самолюбія; уважай въ малѣйшемъ изъ твоихъ подчиненныхъ человѣка, брата.

Ты, котораго Богъ преимущественно одарилъ умомъ, который пріобрѣлъ славу высшаго образованія или отличной учености! подавай благородный примѣръ благоговѣнія къ Вѣрѣ и ея священнодѣйствіямъ. На тебя взираютъ менѣе образованные люди; предводительствуй ими въ почитаніи святыни и учрежденій, предназначенныхъ для нравственнаго и благочестиваго наставленія народа.

Градоправитель! подавай примѣръ кроткаго повиновенія законамъ; не дѣлай для себя исключеній даже и въ томъ случаѣ, въ которомъ позволительно. Почитай добраго гражданина; не суди съ лицепріятіемъ; не снисходи твоимъ кровнымъ; не унижай оказавшаго заслуги; не возводи на степень чести ласкателя, пресмыкающагося предъ тобою.

Богатый! подавай примѣръ воздержанія и смиренномудрія. Предпочитай славѣ роско-

шняго пиршества честь—быть спасителемъ умирающаго съ голоду семейства; презирай пышность великолѣпной утвари, чтобы лежащему въ бѣдной хижинѣ больному умягчить смертное ложе; облекайся въ менѣе драгоцѣнныя одѣянія, чтобы рубища нищаго превратить въ согрѣвающую одежду; умѣрь всѣ потребности, свойственныя твоему состоянію, чтобы составить счастіе осиротѣвшихъ дѣтей.

Гражданинъ низкаго состоянія! подавай примѣръ благороднаго образа мыслей. Гнушайся низкимъ удовлетвореніемъ низкимъ чувственнымъ наклонностямъ; предпочитай услажденіе твоей души увеселеніямъ обыкновенной черни; облагороживай твое состояніе честностію въ ремеслѣ, порядкомъ въ домѣ, скромнымъ благоприличіемъ внѣ дома; не завидуй знатности и пышности вельможи, и довольствуйся званіемъ, въ которомъ Богъ тебя поставилъ.

Такимъ-то образомъ, *просвѣщать свѣтъ свой* предъ человѣками значитъ, побѣдоносною силою примѣра воспламенять другихъ

къ Христіанскимъ добродѣтелямъ, и содѣйствовать распространенію царства Божія на землѣ. Какую сладость ощутитъ въ себѣ тотъ, кто увидитъ, что онъ имѣлъ вліяніе на улучшеніе другихъ, что онъ примѣромъ своихъ поступковъ воодушевилъ многихъ къ служенію добродѣтели, къ достиженію вѣчнаго спасенія! —

XII.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ ОТЪ ПРАЗДНОСЛОВІЯ.

Словеса устъ премудраго благодать, устнѣ же безумнаго потопятъ его: начало словесъ устъ его безуміе, и послѣдняя устъ его прелесть лукава. Еккл. 10, 12. 13.

Отъ избытка сердца уста глаголютъ. Благій человѣкъ отъ благаго сокровища износитъ благая: и лукавый человѣкъ отъ лукаваго сокровища износитъ лукавая. Глаголю же вамъ: яко всяко слово праздное еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный. Отъ словесъ бо своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися. Матѳ. 12, 34-37.

Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ. Ефес. 4, 29.

Всяка нечистота — ниже да именуется въ васъ, якоже подобаетъ святымъ: и скверн-

нословіе, и буесловіе или кощуны, яже неподобная. 5, 3. 4.

Нынѣ отложите—гнѣвъ, ярость, злобу, хуленіе, срамословіе отъ устъ вашихъ Кол. 3, 8.

Слово ваше да бываетъ всегда во благодати, солію растворено. 4, 6.

Христіанинъ! естьли бы ты могъ представить себѣ всѣ тѣ гибильныя послѣдствія, которыхъ причиною бываетъ празднословіе: ты уразумѣлъ бы тогда, почему мы, по увѣренію Іисуса Христа, должны будемъ на страшномъ судѣ дать отчетъ въ каждомъ праздномъ словѣ. Ты содрогнулся бы отъ ужаса при воззрѣніи на тѣхъ несчастныхъ, которые чрезъ праздныя слова содѣлались жертвою сластолюбія, невѣрія и развращенности. Сіе самое произвело бы въ душѣ твоей сильное и постоянное отвращеніе. отъ всѣхъ скверныхъ, соблазнительныхъ, легкомысленныхъ, грубыхъ и злобныхъ

словъ, и заставило бы тебя быть осторожнымъ и благоразумнымъ въ словахъ твоихъ.

Но не по причинѣ только сихъ ужасныхъ слѣдствій мы должны будемъ нѣкогда дать отвѣтъ за каждое праздное слово. Существенная причина сего заключается въ сердцѣ, изъ котораго исходятъ слова сіи. Ибо онѣ совершенно противны Вѣрѣ, добродѣтели, человѣколюбію и справедливости. Говоришь ли ты съ презрѣніемъ о дѣлахъ какого либо человѣка, всякаго уваженія достойныхъ; оскверняешь ли легкомысленными и безчинными словами твоими святые предметы Вѣры; произносишь ли наглыя и безстыдныя рѣчи; открываешь ли неосторожно или съ намѣреніемъ дѣйствительныя или вымышленныя слабости другихъ; клевещешь ли, ласкательствуешь ли, лжешь ли, во всѣхъ случаяхъ слова твои исходятъ изъ сердца, забывшаго свои обязанности, или даже совершенно злаго сердца. — Но хотя бы даже слова твои и не сдѣлались причиною заблужденія и несчастія другихъ, и для твоей собственной чести и твоего земнаго благополучія не имѣли никакихъ худыхъ слѣдствій;

што и тогда онѣ останутся достойными наказанія, и въ свое время произведутъ въ тебѣ горькое раскаяніе и стыдъ.

Слово есть выраженіе сердца. Доброе и свято хранящее свои обязанности сердце никогда не можетъ быть источникомъ словъ безстыдныхъ, несправедливыхъ, злобныхъ и вредоносныхъ. *Отъ избытка сердца уста глаголютъ.* Хотя часто говорятъ: онъ не мыслитъ такъ худо, какъ говоритъ; но сіе во многихъ случаяхъ бываетъ несправедливо. Священное никогда не должно быть оскверняемо. По сему, кто говоритъ нецѣломудренно; тотъ хотя и не поступаетъ такъ, но его сердце безъ сомнѣнія уже потеряло цѣломудріе. Иначе какъ могъ бы онъ находить удовольствіе въ употребленіи безстыдныхъ словъ! Даже и тогда, когда бы онъ хотѣлъ чрезъ сіе доставить увеселеніе какому либо обществу, онъ сдѣлался бы нарушителемъ своихъ обязанностей, достойнымъ наказанія; потому что онъ унижаетъ чрезъ то достойный уваженія предметъ, и святыя чувствованія ближнихъ своихъ отравляетъ ядовитымъ порокомъ.

Нѣтъ, юноша! не ходи на совѣтъ нечестивыхъ и не сиди вмѣстѣ съ ругателями! тщательно блюди свое сердце отъ злыхъ расположеній,—и тогда никакое непотребное слово не изыдетъ изъ устъ твоихъ, и ты не умножишь оными зла и разврата въ мірѣ.— Размышляй чаще о жизни Іисуса Христа; смотри, какъ ни одно праздное слово не вышло изъ святыхъ устъ Его, обращался ли Онъ съ друзьями или со врагами, съ добрыми или съ злыми. Вездѣ и всегда помнилъ Онъ о своемъ достоинствѣ и званіи; благость, любовь и снисхожденіе къ человѣчеству, мудрость и благочестіе ясно выражались во всѣхъ рѣчахъ Его. У Него учись избѣгать всякаго празднаго слова: Онъ оставилъ тебѣ и въ семъ отношеніи совершеннѣйшій образецъ!—

XIII.

МЫСЛИ ПРИ МОЕМЪ ПРОБУЖДЕНІИ.

(Сообщены изъ Яранска отъ П. З.)

Услыши, Господи, правду мою, вонми моленію моему, внуши молитву мою, не во устахъ льстивыхъ. Псал. 16.

Уже заря возвѣщаетъ отца свѣта, и грядетъ облистать новый день: уже позлатила она сводъ небесный, и оцвѣтила верхи горъ. Природа вновь является блистающею отъ первыхъ лучей солнечныхъ.

Всегда дѣйствующій Боже! подъ Твоею благодѣтельною рукою, она не престаетъ дѣлать въ тишинѣ ночи; и когда кажется покоющеюся со мною, вмѣсто того, по твоему велѣнію, готовитъ мнѣ новыя сокровища, для новыхъ нуждъ назначенныя. Къ Тебѣ возвожу взоры мои, Отче небесный, отъ пробужденія зари, и благословляю Тебя за дары, излитые на природу для обогащенія моего.

Теперь начинается другой день, и всѣ смертные со мною начинают его; но онъ не похожъ на предшествовавшій: путь его одинаковъ, онъ будетъ и нынѣ какъ и вчера сцѣпленіемъ удовольствій и скорбей; но зрѣлище его перемѣнилось. Общества, черты лицъ, сердца людей, мое собственное сердце, все получило перемѣну; новыя печали, новыя опасенія, новая неизвѣстность, разсѣясь по пути моему, наслѣдуютъ минувшимъ; и изъ всѣхъ стезей мнѣ представляющихся, кто можетъ указать истинную, и оградить меня отъ собственныхъ моихъ поползновеній?—Ты самъ, великій Боже, такъ! Ты будешь моимъ свѣтиломъ, подпорою и щитомъ. Твое провидѣніе для каждаго шага назначило мнѣ должности; и каждое мгновеніе я буду научаться изъ Святаго Твоего закона умолять Тебя о помощи, исполнять волю Твою: и встрѣчу вечеръ безъ сѣтованія, естьли проведу день безъ преступленія.

Но увижу ли конецъ дня, который началъ? Сколько смертныхъ въ ночь едва минувшую перешли отъ обыкновеннаго сна въ

сонъ смерти, отъ времени въ вѣчность! Никто изъ тѣхъ, кои изчезли съ поверхности земли, не увидитъ болѣе солнечнаго свѣта, и не изыдетъ изъ гробницы прежде, пока сіе свѣтило не потеряетъ своего сіянія. О вы, кои были вчера тѣмъ, что я сего дня, и кои теперь то, что я буду завтра, вы, коихъ великія преднамѣренія изчезли при краяхъ гроба; вы, чувствующіе въ первой разъ, что члены ваши леденѣютъ; вы знающіе опытомъ, что значитъ умереть, о вы граждане вѣчности! повѣдайте: каково жилище, въ которое вы вступили? Что вы думаете объ оставленномъ? — Увы! васъ нѣтъ болѣе; но вы со мною еще говорите.—Слышу печальной голосъ изъ могилы:— одно только слово достигаетъ моего слуха: *Вѣчность*! но каково новое солнце, нынѣ васъ освѣщающее, какова новая жизнь, которую вы начали?—*Вѣчность*. Ваше величіе, ваша слава?—*Вѣчность*. Продолженіе судьбы вашей?—*Вѣчность* . . . .

О вѣчность, ты одна остаешься съ человѣкомъ, когда время мимо-идетъ его. Скоро оно пройдетъ и для меня; скоро и я из-

чезну съ лица земли; скоро преселюсь въ вѣчность, которая начнется и не кончится. Тѣ, кои мнѣ предшествовали, достигли своего назначенія; приговоръ ихъ произнесенъ; они навсегда во всемогущей десницѣ Бога, ихъ судившаго: а я еще плыву къ пристани; вѣчность, ихъ потопившая, течетъ потопить и меня въ мою чреду. Какая страшная противоположность: вѣчное наслажденіе, или мученіе!

Такъ, великій Боже, Ты будешь нѣкогда моимъ судіею, но Ты нынѣ мой Отецъ; продолжая теченіе жизни моей, Ты обѣщалъ помогать мнѣ своимъ наставленіемъ, и для меня все возможно съ Твоею милостію. Пошли Ангела Твоего хранить меня: — да не шествую по землѣ безъ разсужденія о цѣли, для которой я назначенъ; да не занимаюсь инымъ, кромѣ попеченія угодить Тебѣ; да не имѣю инаго страха, кромѣ боязни прогнѣвать Тебя; да не начинаю трудовъ моихъ съ инымъ намѣреніемъ, кромѣ исполненія ими святой воли Твоей; да не наслаждаюсь благодѣяніями Твоими иначе, какъ только чтобъ онѣ служили къ прославленію

Твоего имени; и да живу сего дня шакъ, какъ бы начинающійся сей день долженствовалъ бышь послѣднимъ въ моей жизни!—

XIV.

МЫСЛИ ПРЕДЪ СНОМЪ.

(Изъ Яранска.)

Вечеръ и заутра и полудне повѣмъ, и возвѣщу, и услышитъ гласъ мой. (Псал. 54, 18.)

День, оканчивающій теперь свое теченіе, есть шагъ, которымъ становлюсь я ближе къ вѣчности; ночь, распространяющая мрачной покровъ свой, напоминаетъ мнѣ о той глубокой ночи, которая наконецъ сокроетъ весь человѣческій родъ. При сей мысли представляется мнѣ блѣдная смерть, и два, одно другому противныя чувствованія, раждаются въ сердцѣ моемъ изъ любви къ жизни.— Натура, желающая жить, содрагается при видѣ смерти, кажущейся предѣломъ моего существованія; но Вѣра, указывая на безсмертіе за гробомъ, вселяетъ въ меня веселіе. Посреди сего ужаснаго приготовленія къ разрушенію и трепета, поражающаго всѣ мои чувства, сія дочь неба сходитъ на землю, и съ свѣтильникомъ въ рукѣ шествуя предо—мною, освѣщаетъ темной лаби-

ринпгъ, куда я иду блуждать.— Слѣдую за нею между тѣней смерти; она приводитъ меня къ границѣ, отдѣляющей человѣка земнаго отъ человѣка безсмертнаго: и я вижу—множество смертныхъ, ухватясь за крылья летящаго времени, стремится за нимъ; вижу такое же число призраковъ, имъ сопутствующихъ; вижу людей, безпрестанно желающихъ, и никогда не наслаждающихся. Завтра льстятся они получить почести, удовольствіе, спокойствіе, счастіе; но сіе завтра никогда не приходитъ. Алчныя страсти неутомимыми своими взорами пробѣгаютъ все лице земли, чтобъ насытить свои желанія. Онѣ проходятъ мимо всѣхъ родовъ счастія, и не хотятъ ни у одного остановиться: ихъ громкой крикъ увлекаетъ сердце далѣе и далѣе: совѣсть вопіетъ противъ того, но не внемлютъ тихому ея гласу.

Между тѣмъ время продолжаетъ свое теченіе: всѣ выгоды земныя приближаются къ своему концу, и человѣкъ предстаетъ къ своему судилищу.— Здѣсь начинаетъ вѣщать уже одна истина, одна она судитъ, одна она награждаетъ или наказываетъ. Мір-

ское счастіе изчезло: земное величіе сокрылось, и человѣкъ остался одинъ съ истиною. Увы! онъ гнался за счастіемъ, но достигши страны тѣней утомился, и не можетъ далѣе слѣдовать. Слава талантовъ и успѣхи померкли; другой собралъ плоды съ нихъ. Онъ трудился для времени, и время кончилось. Вѣчность начинается, а съ нею раскаяніе и отчаяніе; ибо онъ для нея ничего еще не сдѣлалъ. Естьли приведетъ онъ себѣ на память минувшее благополучіе; то соболѣзнованіе о лишеніи онаго будетъ терзать его душу, и обременитъ ее сѣтованіемъ, что напрасно имъ льстился. Ахъ! я не дивлюсь болѣе, что въ продолженіи шумной жизни славные міра сего не могутъ и слышать о смерти; они трепещутъ, когда она приближается, и тогда какъ леденѣютъ уже всѣ члены ихъ и смыкаются глаза, еще устремляютъ взоры на временное. Не дивлюсь болѣе, что они и на самомъ прагѣ гроба еще боятся быть выведены изъ обманчивой безпечности, ввергшей ихъ въ погибель; не дивлюсь, что ожесточаются для ободренія себя, и хотятъ лучше низвергнуться въ бездну, нежели открыть глаза и спастись. Но

увы! ихъ заблужденіе отдалитъ ли конецъ жизни? и безпечность, которую они силятся продолжить, можетъ ли осуществить обманчивыя ихъ надежды?

Равномѣрно и я приближаюсь къ сей грозной минутѣ. Оканчивающійся день громко вѣщаетъ, что и мнѣ однимъ днемъ остается жить менѣе. Но какое я сдѣлалъ употребленіе изъ минующаго?—Ты мнѣ даровалъ его, Боже мой, для Твоей славы; а я, вмѣсто того, не употребилъ ли оный на оскорбленіе Тебя же? Не противился ли святой волѣ Твоей? не роптал ли на Твое провидѣніе? Не подвергался ли опасности, раздражить Тебя? Что осталось мнѣ отъ дѣлъ моихъ? Какіе я собралъ плоды съ Твоихъ даровъ? Какою занимался добродѣтелію? Кто тотъ несчастный, которому я помогъ? Не мыслилъ ли я, не говорилъ ли, не дѣйствовалъ ли подобно безумному, ничего не надѣющемуся за гробомъ? Ахъ! естьли вопль совѣсти и теперь заставляетъ меня трепетать, то сколь же онъ будетъ ужасенъ тогда, какъ она станетъ обвинять меня предъ судилищемъ Вѣчнаго!

Но Вѣра, указывая мнѣ вѣчность, возвѣщаетъ и неизрѣченное Твое милосердіе. Твоя благость обѣщаетъ прощеніе кающимся. Я вопію къ Тебѣ о немъ, и Ты не отвергнешь сына, просящаго о помилованіи. При сей утѣшительной мысли страхъ мой изчезаетъ. Благотворный гласъ любви Твоей слышится внутри моего сердца, и поселяетъ въ немъ спокойствіе и радость. Ахъ! сколь это спокойствіе, до сего мнѣ невѣдомое, превосходитъ волновавшія душу мою минуты изступленія, въ которыя она, какъ бы выходя изъ себя, кружилась въ шумѣ и вихрѣ удовольствій, кои только отягчали ее тщетною надеждою благополучія, и въ то же почти мгновеніе повергали въ отчаяніе, самоотвращеніе и горесть! И такъ, каковы же будутъ тѣ чистыя удовольствія, кои Ты, Боже мой, готовишь избраннымъ своимъ во святомъ Твоемъ жилищѣ! Небо! сорадуйся мнѣ. Смерть! престань ужасать меня; но будь моею наставницею: — чтобъ я никогда не предавался сну, не помысля о снѣ вѣчномъ, въ который нѣкогда ты погрузишь меня; и чтобъ научился отъ тебя самой, дорожить всѣми минутами моей жизни.

Такъ, сіи минуты, которыя будутъ ничто, когда пройдутъ, должны нѣкогда опредѣлить вѣчное мое состояніе: онѣ теперь суть цѣна моей вѣчности. Каждое мгновеніе можетъ сдѣлать меня достойнымъ вѣчнаго благоденствія, причастнымъ вѣчному воздаянію; ибо каждое мгновеніе я могу просить, умолять о милосердіи. Сего дня время сѣянія; завтра будетъ время жатвы.—Ахъ! естьли и наслаждающіеся благоденствіемъ сѣтуютъ, не значитъ ли сіе, что они мало еще сдѣлали на землѣ для умноженія нетлѣннаго богатства на небесахъ? — .

XV.

СКОРОТЕЧНОСТЬ ВРЕМЕНИ.

Трудно примѣшишь, какъ шечешъ время. Временемъ мы называемъ шакое условіе, съ коморымъ соединено продолженіе и послѣдованіе всѣхъ перемѣнъ. Мы разумѣемъ подъ онымъ шо, что предполагаешся, когда сущесшвованіе какой—либо вещи — ея рожденіе, продолженіе и конецъ—сшановишся для насъ ощущишельнымъ. По сему самому мы усмашриваемъ, что и мы всѣмъ быпіемъ своимъ и всѣмъ шѣмъ, что мы имѣемъ, всѣми своими дѣйсшвіями и сшраданіями привязаны ко времени. Правда, есшь предмешы, для кошорыхъ время весьма медлишельно, для кошорыхъ оно, по видимому, совсѣмъ не имѣешъ движенія. Какое безчисленное множесшво лѣшъ уже совершили и еще будушъ совершашь первоначальныя горы земли, самый шаръ земный, звѣзды небесныя и безчисленныя солнцы и міры, распросшершые по просшрансшву неба. Здѣсь время, по видимому, какъ бы сшоишъ, и принимаешъ на себя свойсшво вѣчносши. Но не шаково оно

для насъ. Мы, естьли не хотимъ обманывать самихъ себя, не иначе можемъ представить его себѣ, въ отношеніи къ намъ, какъ бѣгущимъ: мы должны сознаться, что оно быстро, непримѣтно, невозвратно летитъ и изчезаетъ.

Быстро летитъ время. Условіе, съ которымъ соединена жизнь наша со всѣми ея перемѣнами, приближается къ своему концу съ какою—то порывистою быстрою. Я не указываю здѣсь на множество младенцевъ, кои наслаждаются бытіемъ своимъ только нѣсколько минутъ, на множество дѣтей, которые еще въ веснѣ лѣтъ своихъ уже паки отцвѣтаютъ; на безчисленное множество тѣхъ, коихъ бытіе оканчивается прежде, нежели они достигнутъ зрѣлыхъ и совершенныхъ лѣтъ. Это ужасная истина, что для несравненно большей части нашего рода время состоитъ въ перемѣнѣ только нѣсколькихъ часовъ, которые, какъ бы на перерывъ одинъ другаго вытѣсняя, мгновенно изчезаютъ. Обратите ваше вниманіе на самую долгую жизнь, какая только можетъ быть нашимъ удѣломъ на землѣ; послѣдуй-

те вашими взорами за тѣмъ, кто достигъ уже самаго крайняго предѣла человѣческой жизни: значитъ ли все его существованіе въ пространствѣ временъ что—либо болѣе, нежели краткое бѣглое явленіе? Есть ли оно съ самаго его начала что—либо другое, какъ не послѣдованіе перемѣнъ, съ каждымъ дхновеніемъ приближающееся къ своему концу? Не безчисленны ли причины и случаи, которые вдругъ могутъ прервать сіе послѣдованіе? Можетъ ли хотя одинъ изъ всѣхъ живущихъ на землѣ утвердительно сказать, что самая ближайшая минута еще находится въ его власти? Даже для того, кто уже далеко переступилъ за обыкновенные предѣлы человѣческой жизни, будетъ ли значить жизнь, въ минуту его смерти, что либо другое, какъ не легкой сонъ, быстро пролетѣвшій? Столь многія желанія, которыя не исполняются; столь многія предположенія, которыя не приводятся въ дѣйствіе; столь многія начинанія, которыя остаются безъ окончанія; повсюду образы, которые видимо старѣютъ; повсюду силы, которыя мгновенно изчезаютъ; повсюду тѣла, которыя приближаются къ своему раз-

рушенію, и вздохи борющихся со смертію, слезы разлучающихся, великая непредвидѣнная печаль, причиняемая раннею смертію необходимыхъ въ жизни попечителей, наставниковъ и правителей; всѣ сіи явленія что̀ другое суть, какъ не печальное, непрерѣкаемое доказательство того, что время гораздо кратчае нашихъ желаній; что оно влечетъ насъ съ собою, не взирая ни на наши прозьбы и мольбы—что оно быстро летитъ и изчѐзаетъ? —

И при всей быстротѣ своей оно однакожъ непримѣтно. Нѣтъ ничего тише, какъ шествіе времени; нѣтъ ничего спокойнѣе, какъ перемѣна часовъ нашихъ; ничто такъ тихо не льется, какъ потокъ минутъ. Мы ничего не различили бы во времени, не могли бы имѣть никакого понятія о продолженіи и величинѣ его, естьли бы природа не помогла намъ въ семъ случаѣ; естьли бы она, чрезъ перемѣну дня и ночи, чрезъ признаки временъ года, чрезъ послѣдованіе лѣтъ и вѣковъ не раздѣлила единообразнаго его цѣлаго на примѣтныя отдѣленія. И чего не изобрѣло искусство, дабы тихое шествіе

времени содѣлать для насъ, такъ сказать, ощутительнымъ; и дабы посредствомъ часовъ и минутъ показать намъ, какъ далеко оно подвинулось? Но при всѣхъ сихъ изобрѣтеніяхъ, при всѣхъ средствахъ приблизить его къ нашему чувству, оно остается однакожъ непримѣтнымъ. Часы, дни, годы протекаютъ такъ, что мы и не примѣчаемъ и не изчисляемъ ихъ, когда легкомысліе насъ обманываетъ, когда роскошь обольщаетъ насъ своими призраками, когда глупость усыпляетъ насъ въ своей дремотѣ, когда самолюбіе побуждаетъ насъ къ непрестаннымъ напряженіямъ, когда честолюбіе запутываетъ насъ въ отдаленныя предпріятія. Мы резвимся и шутимъ, заботимся и стремимся, сражаемся и боремся, наслаждаемся и страдаемъ, ни мало не разсуждая о томъ времени, которое теряемъ; мы изъ дѣтей дѣлаемся юношами, мужами и стариками, не зная, какъ это съ нами случается, и обыкновенно мы достигаемъ уже предѣла, и все наше время изчезло, между тѣмъ какъ мы ни однажды не имѣли яснаго сознанія о его потокѣ; даже часто не хотимъ знать и того, что мы съ намѣренія обманываемся

тою силою, съ которою оно влечетъ насъ на встрѣчу гробу; и даже умышленно уклоняемся отъ вниманія за его ходомъ, дабы не услышать въ ономъ шествія смерти.

И при сей тихости оно летитъ невозвратно. Большую часть нашихъ погрѣшностей можно исправить и улучшить, большую часть претерпѣваемыхъ нами потерь можно замѣнить и вознаградить. Но не льзя исправить, никакъ не льзя исправить той погрѣшности, что мы убиваемъ наше время; невознаградимъ, вѣчно невознаградимъ тотъ уронъ, которой мы чрезъ то терпимъ. Нѣтъ, уже ничего не возвратится намъ отъ тѣхъ часовъ, которые мы продремали и провели въ пустыхъ забавахъ, отъ тѣхъ дней, которыми мы злоупотребили, отъ тѣхъ годовъ, которые мы прожили безпечно, безъ всякаго размышленія; ни одна минута ихъ уже не можетъ быть паки нашимъ удѣломъ. Что однажды прошло, то совершенно и навѣки потеряно; самое всемогущество не можетъ намъ возвратить его. Путь жизни не повторяется, не льзя пройти его снова, естьли уже мы однажды совершили его. При

всемъ твоемъ раскаяніи, при всѣхъ слезахъ твоихъ ты не можешь возратить тѣхъ веселыхъ лѣтъ цвѣтущей юности, которыя провелъ ты въ праздности, тѣхъ счастливыхъ лѣтъ мужества, которыми ты злоупотребилъ; онѣ навсегда протекли для тебя. Въ скоромъ непрестанномъ движеніи мы видимъ время нашей жизни; даже въ то время, какъ мы устремляемъ взоръ свой на него, часть онаго уже опять изчезла; и сіе изчезновеніе такъ тихо, такъ спокойно, непримѣтно, что оно обманываетъ насъ, что мы изъ удѣленнаго намъ времени потеряли гораздо болѣе, нежели сколько мы представляемъ себѣ; и притомъ сія потеря есть потеря вѣчная, невозвратная.

XVI.

СВ. СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРІАНА,

ПИСЬМО КЪ ДОНАТУ

о Благодати Божіей.

Хорошъ твой совѣтъ, Любезнѣйшій Донатъ. Ибо я помню мое обѣщаніе, и настоящее время совершенно благопріятствуетъ его исполненію. Теперь праздникъ собранія винограда, и духъ, свободно предавшійся покою, торжественно и какъ бы урочною чредою прощается съ утомительнымъ временемъ года. Дню прилично и самое мѣсто: улыбающійся видъ садовъ весьма сходствуетъ съ сладостнымъ упоеніемъ чувствъ при вѣяніи тихихъ вѣтерковъ привѣтливой осени. Пріятно здѣсь проводить день въ разговорахъ, и, посредствомъ краснорѣчивыхъ повѣстей, образовать умъ и сердце для исполненія Божественныхъ заповѣдей. Но, дабы нашей бесѣдѣ не помѣшалъ кто нибудь третій изъ мірскихъ людей, или не прервалъ ее неумѣренный крикъ какого либо шумнаго семейства; то сокроемся въ ближайшей чащѣ, сядемъ

вонъ на томъ пригоркѣ, гдѣ игривыя вѣтви плодоноснаго виноградника, дружно сплетшись между собою, образуютъ виноградную галлерею съ кудрявымъ сводомъ, и свѣсившись съ обремененнаго ими стебля, роскошно извиваются по землѣ. Здѣсь мы можемъ свободно предаться собесѣдованію; здѣсь въ одно и то же время духъ нашъ найдетъ для себя сугубое удовольствіе, произтекающее отъ слуха и зрѣнія, которое будетъ услаждаться плѣнительнымъ видомъ деревъ и винограда. Но для тебя теперь существуетъ только одно удовольствіе, ты заботишься единственно о бесѣдѣ со мною; не обращая вниманія на пріятность здѣшнихъ видовъ, ты вперилъ въ меня взоры свои; изъ любви ко мнѣ, ты *весь* обратился во вниманіе. Но каково, или сколь велико то, чемъ бы я могъ заслужить твою любовь? Скудный умъ скудные приноситъ и плоды; онъ не обременяется, подобно плодоносной землѣ, богатою жатвою. Впрочемъ я начну говорить такъ, какъ могу; ибо и предметъ слова помогаетъ мнѣ. Пусть въ судебныхъ спорахъ, въ рѣчахъ, произносимыхъ среди народныхъ собраній, хвастливое краснорѣчіе вы-

казываетъ свою извороптливость: гдѣ рѣчь идетъ о Господѣ Богѣ, тамъ должна господствовать чистая безпритворность слова; тамъ доказательства должны быть основаны не на силѣ краснорѣчія, а на самой вещи. И такъ ожидай отъ меня не велерѣчія, но силы; ты не услышишь ни витіеватыхъ оборотовъ, ни изысканныхъ и прикрашенныхъ выраженій, коими обыкновенно уловляется народное вниманіе; но одно простое и безъискусственное повѣствованіе о благотворномъ дѣйствіи благодати Божіей. Я буду говорить то, что чувствуютъ прежде, нежели тому изучатся; что пріобрѣтается не лѣтами, посредствомъ долговременнаго размышленія; но даруется благодатію, которая въ краткое время производитъ то, чего естественными силами никогда не льзя достигнуть.

Когда я находился въ глубокой тьмѣ ослѣпленія, и лишенный истиннаго познанія о своемъ предназначеніи, и способѣ достигнуть онаго, скитался по стезямъ заблужденій; когда духъ мой, исполненный сомнѣній и нерѣшимости, влаялся въ волнующем-

ся морѣ вѣка сего: тогда, согласно съ прежнимъ образомъ мыслей, я почиталъ весьма труднымъ и даже совершенно невозможнымъ дѣломъ то, что благость Божія обѣщала мнѣ къ моему спасенію, то есть, чтобы я могъ возродиться; и бывъ одушевленъ для новой жизни водами спасительнаго крещенія, могъ отложить все то, чемъ былъ прежде; и при томъ же сложеніи тѣла, сдѣлаться другимъ человѣкомъ по уму и сердцу. Какъ возможна, думалъ я, такая перемѣна? Возможно ли вдругъ совлечься того, что, родившись отъ грубой матеріи, вмѣстѣ съ нею отвердѣло, или отъ долговременнаго употребленія устарѣло вмѣстѣ съ лѣтами? Нѣтъ, зло слишкомъ глубоко пустило свои корни; поврежденіе слишкомъ далеко проникло въ сердце! Научится ли когда бережливости тотъ, кто привыкъ къ великолѣпнымъ пиршествамъ и роскошнымъ снѣдямъ? Одѣнется ли когда нибудь въ обыкновенное и простое платье тотъ, на комъ всегда сіяли драгоцѣнныя, блестящія златомъ одежды и багряница? Нѣтъ, сынъ роскоши, привыкшій забавляться пуками *) и другими

*) Пуки сіи носили у Римлянъ предъ Консулами,

почестями, никогда не рѣшится быть частнымъ и незнатнымъ человѣкомъ. Всегда сопровождаемый своими кліентами, окружаемый въ знакъ почести многочисленною толпою раболѣпствующаго ему народа, онъ почитаетъ наказаніемъ, когда бываетъ одинъ. Бывъ плѣнникомъ безпрестанныхъ забавъ, онъ обыкновенно предается піянству, надмевается гордостію, воспламеняется гнѣвомъ, заботится о хищеніи, подстрекается жестокостію, увеселяется мечтательностію, увлекается похотію.

Такъ часто разсуждалъ я самъ съ собою: ибо и самъ прежде подверженъ былъ весьма многимъ заблужденіямъ, отъ коихъ совсѣмъ не надѣялся освободиться. Покорствуя страстямъ, мною обладавшимъ, отчаяваясь въ исправленіи своего сердца, я невольно благопріятствовалъ собственному моему несчастію, какъ будто бы оно было отъ природы моимъ удѣломъ. Но когда животворныя воды Крещенія омыли пятна прежней моей

Проконсулами и Преторами для означенія ихъ власти.

жизни, и въ очищенное и оправданное сердце пролился небесный свѣтъ; когда, принявъ Духа небеснаго, содѣлался я новымъ человѣкомъ: съ тѣхъ поръ чуднымъ образомъ совершенно утвердился я въ томъ, о чемъ прежде сомнѣвался; тайны начали открываться, мракъ изчезать; то, что прежде казалось труднымъ, содѣлалось удобнымъ, невозможное возможнымъ; я началъ познавать, что вся моя прежняя, плотская жизнь, проведенная во грѣхахъ, была жизнь земная, что теперь только началась жизнь Божія, одушевляемая Святымъ Духомъ. Самъ ты конечно знаешь, и также какъ я, помнишь, что мы потеряли и что пріобрѣли, умерши (въ Крещеніи) для грѣха, оживъ для добродѣтели. Самъ ты, безъ моего напоминанія, разумѣешь, сколь предосудительно хвалиться самимъ собою: хотя не можетъ быть самохвальствомъ, но служитъ знакомъ благодарности все то, что не силамъ человѣческимъ приписывается, но относится къ славѣ дѣлъ Божіихъ. Такъ, жизнь безгрѣшная есть благословенный плодъ истинной Вѣры; подобно какъ согрѣшенія, предшествующія Вѣрѣ, суть неизбѣжное слѣдствіе поврежденія

человѣческаго! Все, что мы можемъ сдѣлать, все, говорю, есть дѣло Божіе; *о Немъ живемъ и движемся и есмы.* (Дѣян. 17, 28.) Заимствуя отъ Него силы, мы еще здѣсь на землѣ проразумѣваемъ будущее. Да будетъ только страхъ блюстителемъ непорочности, дабы Господа, наитіемъ небесной благодати милостиво водворившагося въ душахъ нашихъ, намъ можно было достойно носить въ обители веселящагося сердца: пріобрѣтенная безопасность да не возродитъ нерадѣнія, да не подползетъ паки врагъ древній.

Впрочемъ, естьли ты стоишь на пути непорочности и правды, естьли шествуешь по немъ съ непреткновенною твердостію, естьли ты преданъ Богу всѣми силами и всѣмъ сердцемъ: то будь только тѣмъ, чѣмъ началъ быть; тебѣ дается свобода по мѣрѣ умноженія духовной благодати. Ибо въ приятіи небесныхъ даровъ нѣтъ мѣры, съ какою обыкновенно принимаются благотворенія на землѣ: щедро изливающаяся благодать Духа не стѣсняется никакими предѣлами не связуется никакими преградами; она те-

четъ непрестанно, богатитъ преизбыточно. Лишь бы только жаждало и было отверсто наше сердце; мы столько почерпаемъ отъ избытка благодати, сколько имѣемъ вѣры, способной къ ея принятію. Она даруетъ способность, трезвенною чистотою, непорочною мыслію, чистымъ словомъ, непритворною добродѣтелію, уничтожать ядотворную силу грѣха, очищать скверны развращенныхъ сердецъ, возвращая имъ здравіе, примирять враговъ, успокоивать безпокойныхъ, смягчать свирѣпствующихъ, грозными заклинаніями понуждать къ признанію нечистыхъ духовъ, вселяющихся въ человѣка для господства надъ нимъ: да престанутъ поражать человѣчество жестокими ударами; да престанутъ умножать число страждущихъ, рыдающихъ, сѣтующихъ, распространяя повсюду свои казни, да престанутъ убивать людей бичемъ и пламенемъ. Образъ благодатнаго дѣйствія надъ тѣми, въ коихъ живутъ злые духи, невидимъ; непримѣтны удары, коими она поражаетъ послѣднихъ; но казнь видима и разительна. Такимъ образомъ, вселившійся въ насъ Духъ благодати уже начинаетъ являть свою могущественную силу,

и хотя мы тѣла своего съ членами еще не перемѣнили на другое; впрочемъ наше око не затьмѣвается уже мракомъ вѣка сего. Какое могущество, какая сила Духа! Кто очистился и пребываетъ чистъ, тотъ не только самъ себя сохраняетъ отъ мірскихъ соблазновъ; не только не уловляется ни какою сѣтію нападающаго на него врага: но и укрѣпляется въ своихъ силахъ до того, что надъ всѣмъ воинствомъ противника господствуетъ по своей волѣ, какъ повелитель.

Но дабы, открывъ истину, яснѣе видѣть слѣды званія Божія, я покажу тебѣ, каковъ свѣтъ, и разогнавъ мракъ заблужденій, открою самыя тайныя завѣсы, подъ коими сокрывается отвратительный образъ міра. Представь на нѣсколько времени, что ты взошелъ на высокую вершину крутой горы и смотришь оттуда на лежащіе внизу предметы. Вознесшись надъ всѣмъ земнымъ, не находя нигдѣ преграды своимъ взорамъ, смотри на вихри волнующагося міра. Ты самъ пожалѣешь о немъ, и, вспоминая о своемъ прежнемъ состояніи, проник-

нутый благодарностію къ Богу, гораздо болѣе обрадуешься тому, что изъ него вышелъ. Смотри! дороги преграждены разбойниками; моря наполнены грабителями; тамъ бранные стоны; здѣсь кровавыя битвы съ ихъ ужасами; вселенная обагрена кровію человѣческою; убійство, почитаемое преступленіемъ, когда совершается частными людьми, слыветъ добродѣтелію, когда совершается открыто; злодѣйства освобождаются отъ казней не по закону невинности, но по великости безчеловѣчія.

Ежели обратишь взоры свои къ городамъ; то найдешь шумное многолюдство, болѣе жалкое, нежели всякая пустыня. Готовятся гладіаторскія зрѣлища, дабы кровію доставить удовольствіе прихоти кровожадныхъ глазъ. Тѣло отъ питательныхъ яствъ наполняется соками, и могучій составъ его тучнѣетъ, дабы обреченному на произвольную казнь веселѣе было погибнуть. Убиваютъ человѣка въ удовольствіе человѣку: убійство вошло въ обыкновеніе, въ искусство, въ науку: люди не только злодѣйствуютъ, но и обучаютъ злодѣйствамъ. Что мо-

жетъ быть безчеловѣчнѣе, жесточае? Учатъ, какъ убивать; и убійцы славны тѣмъ, что убиваютъ! — Что это такое, скажи мнѣ? Отъ чего происходитъ, что представляютъ изъ себя звѣрей тѣ, которымъ никто не судилъ быть звѣрями? Люди цвѣтущихъ лѣтъ, довольно благообразные, въ блестящихъ одеждахъ, за-живо украшаютъ себя на произвольное погребеніе, и, несчастные, хвалятся еще своею погибелью! Отцы смотрятъ на погибель своихъ дѣтей; братъ съ сестрою сидятъ въ партерѣ; сама мать,—что можетъ быть достойнѣе и сожалѣнія и отвращенія?—сама мать покупаетъ для себя мѣсто на зрѣлищѣ, платитъ за будущія свои вопли и отчаяніе! И зрители столь нечестивыхъ, столь безчеловѣчныхъ и ужасныхъ позорищь ни мало не помышляютъ о томъ, что ихъ кровожадные взоры суть существенная причина кровопролитія и убійства.

Отсюда обрати взоръ на другія, не менѣе жалкія и опасныя для нравовъ зрѣлища: ты увидишь то, что произведетъ въ тебѣ и горесть и стыдъ.—Что занимател-

него въ трагедіи?—Тамъ возвышеннымъ слогомъ повѣствуютъ о древнихъ дѣяніяхъ: старинныя бредни о убійцахъ и кровосмѣсникахъ, подобно истиннымъ событіямъ, повторяются въ живомъ дѣйствіи, дабы учиненное нѣкогда злодѣйство оставалось въ памяти потомства. Стараются внушить всѣмъ и каждому, что нѣтъ невозможности случиться снова тому, что уже случилось: преступленія переживаютъ вѣки, всеистребляющее время не можетъ истребить памяти злодѣйствъ; порокъ переходитъ изъ рода въ родъ: давно минувшія мерзости обращаются въ живые примѣры.—Чѣмъ забавляются въ комедіи?—Одни приходятъ любоваться представленіемъ тѣхъ пороковъ, которые имъ давно извѣстны по собственному опыту; другіе хотятъ видѣть, какъ можно быть порочнымъ; тѣ и другіе усовершаются въ распутствѣ. Смотря на прелюбодѣевъ, невольно учатся прелюбодѣйству, тѣмъ паче, что всеобщій развратъ даетъ ему право на открытое уваженіе;—и женщина, пришедшая на зрѣлище, можетъ быть, цѣломудренною, выходитъ изъ него безстыдною. Сколько соблазновъ въ комедіантскихъ

тѣлодвиженіяхъ! Сколько заразы для нравовъ! Сколько примѣровъ безстыдства! Сколько пищи для разврата! Вообще, чего не представляютъ на зрѣлищахъ? Мущины превращаются въ женщинъ, такъ что вся честь и крѣпость пола въ изнѣженномъ тѣлѣ покрывается безчестіемъ. .... Чѣмъ громче рукоплесканіе, коимъ награждается ласкательствующее безстыдство: тѣмъ несомнѣннѣе, что сердца большей части зрителей исполнились законопреступною похотію. Что еще?—Представляютъ безстыдную Венеру, неистоваго Марса; представляютъ также и Юпитера, онаго верховнаго царя вселенной, или лучше — всѣхъ пороковъ; какъ онъ, вмѣстѣ съ своими молніями, горитъ страстію земной любви ... . Разсуди самъ, можетъ ли тотъ, кто на все сіе смотритъ, быть человѣкомъ честнымъ и цѣломудреннымъ! Они подражаютъ своимъ богамъ, которымъ покланяются: несчастные! они боготворятъ и самыя страсти!—

О естьли бы ты могъ съ оной высоты проникнуть своимъ взоромъ въ ихъ уедине-

ніе, отверзть потаенныя двери въ ихъ ложницы, и со свѣтильникомъ совѣсти войти во внутреннія ихъ храмины! Ты увидѣлъ бы, что сіи безумные дѣлаютъ то, на что не можетъ смотрѣть цѣломудренное око. — — До чего не доходитъ безстыдство? — Тотъ, кто таковъ самъ, другихъ въ томъ же обличаетъ; худой безславитъ худыхъ, и думаетъ, что чрезъ то сдѣлался правъ; какъ будто недовольно угрызеній совѣсти! Одни и тѣ же явно обличаютъ то, что дѣлаютъ тайно; въ лицѣ другихъ изрекаютъ судъ надъ собственными преступленіями. Не терпятъ по наружности того, чему благопріятствуютъ внутренно: сами охотно дѣлаютъ, а винятъ за то же самое другихъ. Наглость, достойная гнусности порока! Безстыдство, совершенно приличное потерявшимъ совѣсть! Не дивись, что сіи люди говорятъ такимъ языкомъ: ихъ уста никогда не превзойдутъ въ развратѣ ихъ сердца.

Но послѣ опасныхъ путей; послѣ многоразличныхъ браней, разсѣянныхъ по всему міру; послѣ кровавыхъ, или гнусныхъ зрѣлищъ; послѣ мерзостей сладострастія, со-

вершаемыхъ публично въ непотребныхъ домахъ, или скрывающихся внутри домашнихъ стѣнъ, гдѣ обыкновенно бываютъ тѣмъ необузданнѣе, чѣмъ непримѣтнѣе; — торжище, можетъ быть, покажется тебѣ невиннымъ, свободнымъ отъ наглыхъ обидъ, неприступнымъ для соблазнительнаго безчинства. Хорошо: обрати туда взоръ свой;—но что ты найдешь тамъ? Множество тѣхъ же самыхъ мерзостей, коими гнушаешься, и кои тѣмъ скорѣе заставятъ тебя отвратить оттуда свои взоры. Какая польза, что законы начертаны на двѣнадцати доскахъ, что права, выбитыя на мѣди, открыто для всѣхъ выставлены? Нарушаютъ законы среди самыхъ законовъ, попираютъ права при самыхъ правахъ. Невинность не находитъ защиты тамъ, гдѣ ея прибѣжище. Взаимные раздоры неистовствуютъ до бѣшенства; мирныя тоги не рѣдко служатъ вмѣсто браннаго одѣянія, и скромное торжище непрестанно оглушается крамольными и неистовыми криками. Тамъ все готово, копье, и мечь, и палачь; когти для терзанія, деревянной конь для пытки, огонь для жженія; для одного тѣла человѣческаго гораздо больше готово

казней, нежели сколько въ немъ находится членовъ. Кто защититъ среди сихъ ужасовъ? Покровитель? Но онъ вѣроломецъ и обманщикъ. Судія? Но у него судъ въ продажѣ. Засѣдающій въ судѣ для наказанія преступленій, самъ преступникъ; обвиняемый погибаетъ нерѣдко потому только, что осуждающему угодно, чтобы онъ былъ виновенъ. Вездѣ свирѣпствуетъ пламень грѣха; ядъ пороковъ оказываетъ свою силу надъ безчисленными сердцами, въ неизчислимыхъ видахъ. Одинъ дѣлаетъ ложное завѣщаніе; другой съ ужаснымъ обманомъ оное подписываетъ: здѣсь отчуждаютъ отъ наслѣдства дѣтей; тамъ отдаютъ имѣніе совсѣмъ чужому человѣку. Противникъ обвиняетъ, клеветникъ настоитъ, свидѣтель лжетъ; съ обѣихъ сторонъ наглость искаженнаго и продажнаго языка старается дать обману и преступленію видъ истины и справедливости; а отъ того съ виновнымъ гибнутъ и невинные. Законовъ совсѣмъ не боятся: не страшатся ни разыщиковъ, ни судей; что можно купить, то нестрашно. Быть между виновными невиннымъ есть уже преступленіе: кто не подражаетъ худымъ лю-

дямъ, тотъ уже оскорбляетъ ихъ. Права согласились съ пороками, и то, что дѣлается открыто, престало быть непозволенымъ. И какой совѣсти, какой справедливости ожидать тамъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ людей, которые бы въ душѣ своей осуждали порокъ, гдѣ толпятся одни тѣ, коихъ не льзя не осуждать въ душѣ? —

Но дабы не показалось тебѣ, что я нарочно выбираю худшіе предметы, и въ намѣреніи разстроить твой умъ и зрѣніе, вожу тебя по такимъ мѣстамъ, коихъ жалкой и отвратительный видъ оскорбителенъ для совѣстнаго взора: я покажу тебѣ то, что въ мірѣ по невѣжеству почитаютъ добрымъ; но заранѣе предсказываю, что ты съ презрѣніемъ отвратишь взоръ отъ сего добраго. Какъ думаешь ты о почестяхъ, о пукахъ, о несмѣтныхъ богатствахъ, о воинскомъ могуществѣ, о пурпурѣ, что на судіяхъ, о всемъ, что въ мірѣ есть блестящаго и славнаго?— Веселъ видъ улыбающагося нечестія; обольстительна наружность величавой роскоши и надменнаго преобладанія: но пагубенъ конецъ того и другаго, плачевны слѣдствія.

Өто ядъ, растворенный цѣлительною для вкуса сладостію: ты примешь его вмѣсто питья; но коль скоро выпьешь, невозвратно погибаешь. Ты благоговѣешь, когда встрѣчается съ тобою кто-нибудь въ великолѣпной одеждѣ, въ блестящей багряницѣ: но знаешь ли, какими подлостями купилъ онъ сей блескъ. Сколько напередъ потерпѣлъ онъ презрѣнія отъ горделивцевъ? Сколько по утрамъ просиживалъ у пышныхъ входовъ съ своими привѣтствіями? Сколько разъ, тѣснясь по угламъ людскихъ комнатъ, упреждалъ зазорные слѣды подобныхъ ему искателей, дабы послѣ къ самому приходили на перерывъ такіе же поздравители съ почтеніемъ, раболѣпствующимъ не человѣку, но власти? Ибо ему оказываютъ почтеніе не изъ уваженія къ его добродѣтели, а изъ опасенія пуковъ, кои передъ нимъ всюду носятъ. Посмотри на ихъ гнусный конецъ. Когда лицемѣръ, умѣвшій пользоваться временемъ, упадетъ; когда подлые ласкатели должны будутъ оставить его, какъ человѣка, лишеннаго власти: тогда бѣдствія раззореннаго семейства поражаютъ совѣсть, тогда въ полной мѣрѣ чувствуютъ потерю рас-

точеннаго имѣнія, которымъ покупаема была невѣрная любовь легкомысленнаго народа.

И богатые, провождающіе жизнь въ безпрестанныхъ забавахъ; которые, не терпя того, чтобы съ ними въ сосѣдствѣ жили бѣдные, расширяютъ на безконечное пространство свои помѣстья; у которыхъ множество серебра и золота, у которыхъ насыпаны, или зарыты въ землѣ огромныя груды денегъ;—и они трепещутъ со всѣми своими сокровищами, мучатся неизвѣстными мыслями, дабы не разграбилъ оныя тать, не разорилъ разбойникъ, или какой нибудь болѣе богатый врагъ изъ зависти не потревожилъ ихъ неправедными тяжбами. Богачь ни ѣстъ, ни спитъ. Воздыхаетъ на пиршествахъ, хотя бы пилъ изъ сосудовъ, осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями: и хотя изсохшее тѣло его покоится на самомъ мягкомъ и великолѣпномъ ложѣ, однако онъ и въ пуху не засыпаетъ: не знаетъ, несчастный, что онъ самъ бываетъ виною блистательныхъ по наружности мученій, прилѣпляясь къ злату, и раболѣпствуя богатствамъ и сокровищамъ, вмѣсто того, чтобъ быть

ихъ обладателемъ. О ужасное ослѣпленіе сердца! О глубокое омраченіе неистовой страсти! Имѣя возможность свергнуть съ себя тяжкое бремя, человѣкъ продолжаетъ гоняться за мучительнымъ счастіемъ, и слѣпо прилѣпляться къ подавляющимъ его грудамъ. Онъ не оказываетъ ни какой щедрости къ тѣмъ, кои почитаютъ его покровителемъ; ни сколько не удѣляетъ неимущимъ: деньги называетъ онъ своею собственностію, и какъ чуждое имущество заперши дома, стережетъ ихъ съ безпокойною заботливостію, и изъ нихъ ни друзьямъ, ни дѣтямъ, ни даже самому себѣ ничего не удѣляетъ. Онъ обладаетъ ими только для того, чтобы не обладалъ другой. И какое разнообразіе въ названіяхъ! Называютъ благами даже такія вещи, изъ которыхъ не льзя сдѣлать никакого употребленія, развѣ употребивъ ихъ на худое.

По твоему мнѣнію, можетъ быть, безопасны по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ окружаетъ блескъ золотыхъ чертоговъ, и охраняетъ стража оруженосцевъ? Ахъ! таковые боятся болѣе, нежели кто другой. Они

столько имѣютъ причинъ бояться, сколько имѣть можно, хотя и защищаетъ ихъ рука тѣлохранителей; хотя они шествуютъ подъ прикрытіемъ многочисленной стражи. По мѣрѣ того, сколько они служатъ препятствіемъ для безопасности другихъ, столько по необходимости теряютъ и своей собственной. Преобладаніе устрашаетъ прежде самихъ преобладающихъ, которыхъ дѣлаетъ страшными. Онъ улыбается, дабы свирѣпствовать; ласкаетъ, дабы обмануть; привлекаетъ, дабы убить; возноситъ, дабы низвергнуть.

И такъ то одно спокойствіе вѣрно, та только безопасность крѣпка, тверда и постоянна, когда человѣкъ, освободясь отъ вихрей мятежнаго вѣка, утвердитъ свое пребываніе въ спасительной пристани; когда онъ отъ земли возноситъ взоры къ небу; и вступивъ въ званіе Господа, приближившись къ Богу своимъ сердцемъ, хвалится тѣмъ, что носитъ въ своей совѣсти все то, что другимъ въ кругѣ вещей человѣческихъ кажется высокимъ и величественнымъ. Кто выше вѣка сего, тотъ ничего

уже не можешъ отъ него ни желать, ни требовать. Какая твердая, какая непоколебимая оборона, какая небесная помощь, изобиловать вѣчными благами, быть свободнымъ отъ сѣтей лукаваго міра, чистымъ отъ земнаго тлѣнія, способнымъ обитать во свѣтѣ безсмертія! Съ какою хитростію прежде не нападалъ на насъ непримиримый врагъ для нашего погубленія? А по сему мы, зная и осуждая прежнее свое состояніе, тѣмъ сильнѣйшее имѣемъ побужденіе стремиться къ будущей славѣ, насъ ожидающей. Для достиженія оной не нужно ни денегъ, ни домогательствъ, ни усилій, ни неусыпныхъ трудовъ, которыми пріобрѣтаются высокія достоинства и власть человѣческая: это даръ Божій, и дѣло легкое. Солнце само собою свѣтитъ, ручей самъ собою журчитъ, дождь самъ собою орошаетъ: Самъ собою дѣйствуетъ и небесный Духъ благодати. Какъ скоро душа, взирая на небо, познаетъ своего Творца; то, вознесшись превыше земли и всего земнаго величія, начинаетъ быть тѣмъ, чѣмъ себя почитаетъ. Только ты самъ, запечатлѣнный уже знаменіемъ небеснаго воина, облеченный во все-

оружіе благодати, соблюдай ненарушимо правила своего званія исполненіемъ святыхъ добродѣтелей. Занимайся тщательнѣе либо молитвою, либо чтеніемъ: и будешь то самъ съ Богомъ бесѣдовать, то Богъ съ тобою. Да наставитъ Онъ тебя въ своихъ заповѣдяхъ, Онъ да управитъ тобою: кого Онъ обогатитъ, того никто не сдѣлаетъ скуднымъ. Не можетъ быть скуднымъ тотъ, чье сердце однажды насытилось небеснымъ брашномъ. Ты тотчасъ возгнушаешься разпещренными златомъ сводами и стѣнами, покрытыми дорогимъ мраморомъ, когда узнаешь, что наипаче должно украшать себя самаго; что лучшій для тебя домъ есть тотъ, въ которомъ, какъ во храмѣ, обитаетъ Господь, въ которомъ утвердилъ свое жилище Духъ Святый. Украсимъ сей домъ лѣпотою непорочности, освѣтимъ свѣтомъ правды. Онъ никогда не развалится отъ ветхости; живописныя краски или позолота, слинявши на стѣнахъ, никогда не обезобразятъ его. Все обманчивое тлѣнно, и не льзя быть твердо увѣреннымъ во обладаніи того, чѣмъ не льзя обладать постоянно. Истинныя украшенія всегда имѣютъ цѣну,

истинныя почести невредимы, истинный блескъ продолжителенъ; онѣ не могутъ ни обветшать, ни помрачиться; могутъ только преобразоваться въ лучшій видъ при воскресеніи тѣла. Вотъ въ краткихъ словахъ то, о чемъ я хотѣлъ побесѣдовать съ тобою, любезнѣйшій Донатъ. Знаю, что сердце доброе и терпѣливое, умъ твердый, вѣра крѣпкая услаждаются и продолжительнымъ слышаніемъ спасительныхъ истинъ; знаю и то, что для твоего слуха ничто столько не пріятно, какъ то, что пріятно Богу; однако сократимъ бесѣду, ибо мы живемъ вмѣстѣ, и имѣемъ случай впредь часто бесѣдовать. И какъ теперь праздникъ, и время свободное; то весь остатокъ дня до самаго вечера проведемъ въ веселіи; не останемся ни на одну минуту безъ участія въ пирѣ небесной благодати. Да огласится онъ трезвеннымъ Псалмопѣніемъ: и какъ у тебя память твердая, голосъ звучный, то начни самъ сіе пѣніе по обычаю. Ты болѣе можешь восхитить пріятнѣйшимъ своимъ голосомъ; и ежели слухъ у насъ будетъ духовный, то благочестивое удовольствіе усладитъ и слухъ тѣлесный.

XVII.

СВЯТАГО ИСААКА СИРІЯНИНА

СЛОВО

О УДАЛЕНІИ ОТЪ МІРА И ОТЪ ВСЕГО, ВОЗМУЩАЮЩАГО УМЪ.

Великую честь человѣкамъ оказалъ Богъ двоякимъ ученіемъ *), которое Онъ даровалъ

*) Сіе двоякое ученіе, которое Богъ даровалъ человѣку, одно есть естественное, другое пріобрѣтенное. *Естественное* ученіе есть законъ, насажденный Богомъ въ человѣческомъ естествѣ, посредствомъ коего мы, познавая творенія Бога, созерцаемъ Его невидимое т. е. вѣчную силу и Божество, какъ сказалъ Божественный Апостолъ. Рим. 1, 20. Почему и Богоносный сей Отецъ ниже говоритъ: Естественный законъ, съ начала данный отъ Бога человѣку, есть созерцаніе твореній Его. Симъ самымъ ученіемъ какъ первосозданный, такъ и всѣ бывшіе до закона Праотцы руководствуяся, познавали истиннаго Бога и воздавали Ему поклоненіе и служеніе. И такъ кто удалившись отъ смятенія и омраченія страстей войдетъ въ самаго себя, тому не нуженъ учитель. Ибо сіе ученіе направляетъ

имъ, и которымъ отвсюду отверзъ заключенную дверь къ спасительному вѣдѣнію. Естьли хочешь имѣть вѣрнаго свидѣтеля тому, что сказано, то будь въ самомъ себѣ, и не погрѣшишь. Естьли же хочешь знать сіе и отвнѣ, имѣешь другаго учителя и свидѣтеля, который поведетъ тебя безошибочно на путь истины. Умъ смущенный не можетъ избѣжать забвенія, и мудрость не отверзаетъ таковому двери своей. Кто возмогъ совершенно узнать, какимъ равенствомъ кончится бытіе всѣхъ, тотъ для отреченія отъ міра не имѣетъ нужды въ другомъ учителѣ. Законъ естественный, данный человѣку Богомъ съ начала, есть созерцаніе

его ко спасенію, показывая ему, какъ бы нѣкоторый руководитель, предѣлы и законы, по коимъ все содержится и управляется. *Пріобрѣтенное* познаніе есть писанный законъ, взошедшій послѣ Адамова преступленія для оживотворенія естественнаго закона, умерщвленнаго грѣхомъ. И это есть другой учитель и свидѣтель, непогрѣшительно руководствующій на путь истины. Ибо подъ руководствомъ онаго избавляемся того заблужденія, каковое ввелъ въ природу грѣхъ.

творенiй Его. А законъ писанный вошелъ послѣ преступленія.

Кто добровольно не удаляется отъ поводовъ къ страстямъ, тотъ невольно увлекается грѣхомъ. Поводомъ же ко грѣху служатъ: вино, женщины, богатство, здоровое состояніе тѣла. Я не то говорю, чтобы это по природѣ были грѣхи, но то, что природа посредствомъ сего удобно наклоняется къ грѣховнымъ страстямъ. И по сему человѣкъ тщательно долженъ оберегаться сего. Естьли всегда будешь помнить слабость свою, то никогда не преступишь предѣла бдительности. Для людей отвратительна бѣдность, для Бога отвратительнѣе высокомѣрная душа и надменный умъ. У людей почтенно богатство, а у Бога смиренная душа.

Естьли хочешь положить начало доброй дѣятельности, то напередъ уготовь себя къ искушеніямъ, имѣющимъ тебѣ встрѣтиться, и не сомнѣвайся въ истинѣ. Ибо врагъ, когда видитъ, что кто—либо съ горячею вѣрою началъ добрую жизнь, обыкновенно встрѣ-

чаетъ его различными и страшными искушеніями, дабы онъ, пришедши отъ того въ страхъ, охладѣлъ въ добромъ намѣреніи и не имѣлъ уже горячности приняться за Богоугодныя дѣла. Не то, чтобы противникъ самъ имѣлъ такую силу (поелику иначе никто никогда не могъ бы дѣлать добра), но ему попускается сіе отъ Бога, какъ знаемъ мы изъ примѣра праведнаго Іова. И такъ уготовься мужественно встрѣчать искушенія, сопутствующія добродѣтелямъ, и тогда начинай совершать оныя. Естьли же ты не предуготовился къ встрѣчѣ искушеній, то не приступай къ начатію добродѣтелей.

Человѣкъ, который сомнѣвается, что Богъ помогаетъ въ добрыхъ дѣлахъ, боится собственной тѣни, и при изобиліи и довольствѣ голоденъ, и въ самой тишинѣ своей исполненъ волненія. А уповающій на Бога, твердъ сердцемъ; предъ всѣми людьми откроется его достоинство, и хвала ему будетъ предъ самыми врагами его.

Заповѣди Божіи выше всѣхъ сокровищъ міра; кто имѣетъ оныя въ себѣ, тотъ на-

ходитъ Бога. Всегда почивающій въ помышленіи о Богѣ имѣетъ Его своимъ сокровищехранителемъ, и любящій исполнять Его волю будетъ имѣть путеводителями небесныхъ Ангеловъ. Боящійся грѣховъ безпреткновенно совершитъ опасное шествіе, и въ мрачное время, какъ предъ собою, такъ и внутрь себя, обрѣтаетъ свѣтъ. Господь охраняетъ стопы того, кто боится грѣховъ, и во время преткновенія поддержитъ его милость Божія. Считающій маловажными погрѣшности свои падаетъ въ худшія первыхъ, и седмикратно наказанъ будетъ.

Сѣй милостыню въ смиреніи, и пожнешь милость на судѣ. Чѣмъ потерялъ добро, тѣмъ и опять снискивай оное. Ты долженъ Богу полушкою, Онъ не беретъ у тебя за нее драгоцѣннаго камня. На пр. ты потерялъ цѣломудріе, Богъ не приметъ отъ тебя милостыни, естьли ты пребываешь въ блудѣ; а требуетъ отъ тебя святости тѣла. Когда ты преступилъ одну заповѣдь, то, недумая оставить міръ, можешь ли сражаться за другія? Одно растѣніе бросилъ, а съ другимъ начинаешь войну?

Святый Ефремъ сказалъ, что въ лѣтнее время не льзя защищаться отъ жара зимнимъ платьемъ. Такъ каждый, что сѣетъ, то и пожнетъ. Всякая болѣзнь врачуется своими лѣкарствами. Для чего, на пр. будучи побѣждаемъ завистію, хочешь воевать со сномъ? Доколѣ еще малъ и разцвѣтаетъ грѣхъ твой, вырви его, прежде нежели распространится и созрѣетъ. Не неради и тогда, когда представляется тебѣ маловажнымъ проступокъ. Иначе въ послѣдствіи найдешь въ немъ безчеловѣчнаго господина, и будешь предъ нимъ, какъ связанный рабъ. Кто съ самаго начала противоборствуетъ страсти, тотъ скоро возметъ надъ нею верхъ.

Кто съ радостію можетъ перенести обиду, будучи въ силахъ отвратить оную, тотъ получилъ утѣшеніе отъ Бога посредствомъ вѣры въ Него. Равнымъ образомъ кто съ смиреніемъ сноситъ взносимыя на него клеветы, тотъ достигъ совершенства, и служитъ удивленіемъ для Святыхъ Ангеловъ; ибо нѣтъ другой добродѣтели, которая бы столь была велика и столь трудна.

Не вѣрь себѣ, что ты силенъ, доколѣ не испытаешь себя и не найдешь себя неизмѣннымъ. Такимъ образомъ испытывай себя и во всемъ. Имѣй въ себѣ вѣру правую, дабы ты могъ попрать враговъ своихъ; не имѣй надменности въ умѣ твоемъ и не полагайся на свою силу, дабы не подпасть немощи есшества, и такимъ образомъ изъ собственнаго паденія не узнать своей немощи. Не вѣрь также и своему знанію, дабы врагъ посредствомъ его не уловилъ тебя въ сѣть лукавствомъ своимъ. Будь скроменъ языкомъ и вовсе не встрѣтишь безчестія. Имѣй сладкія уста, и всѣхъ будешь имѣть друзьями. Никогда не выхваляй языкомъ своимъ дѣлъ твоихъ, чтобы неподвергнуться стыду. Ибо во всякомъ дѣлѣ, которымъ хвалится человѣкъ, Богъ попускаетъ ему испытывать неудачи, дабы онъ, подпавши униженію, научился смиренію. По сему ты долженъ все предоставлять промыслу Божію и не вѣрить, что въ сей жизни есть что—либо непремѣняемое.

Такъ поступая, всегда устремляй взоръ твой къ Богу. Поелику попеченіе и промыш-

леніе Божіе окружаетъ всѣхъ людей. Но видятъ оное только тѣ, которые очистили себя отъ грѣха, и къ единому только Богу непрестанно устремляютъ свои мысли. Особенно же является имъ промыслъ Божій тогда, когда они подвергнутся великому искушенію для Бога. Въ то время такъ онъ ощутителенъ для нихъ, что они какъ будто бы видятъ его тѣлесными очами, каждый по мѣрѣ и свойству приключившагося искушенія. Все сіе, дабы поощрить подвижниковъ къ мужеству, какъ это видно на Іаковѣ, Іисусѣ Навинѣ, на трехъ Отрокахъ, на Петрѣ и другихъ Святыхъ, которымъ онъ являлся въ нѣкоторомъ образѣ человѣческомъ, ободряя и укрѣпляя къ благочестію. Естьли скажешь, что сіе дано было отъ Бога онымъ Святымъ по особенному строенію, и что они собственно удостоивались таковыхъ видѣній: то образцами мужества да будутъ тебѣ Святые Мученики, которые иногда многіе вмѣстѣ, а иногда по одиначкѣ, во многихъ и различныхъ мѣстахъ подвизались за Христа и, дѣйствіемъ снисходившей на нихъ силы, мужественно переносили бренными тѣлами строганія желѣз-

ныхъ костей, и всякаго рода казни, что превышаетъ естество. Имъ открыто являлись Святые Ангелы, дабы каждый зналъ, что въ обиліи нисходитъ промыслъ Божій на тѣхъ, которые всякимъ образомъ, и всякое искушеніе, и всякую скорбь терпятъ ради Бога для показанія мужества своего и для постыжденія враговъ своихъ. И дѣйствительно, сколько Святые укрѣплялись таковыми видѣніями, столько противники ихъ ожесточались и приводимы были въ бѣшенство твердостію ихъ.

И что сказать о подвижникахъ, странникахъ міра и отшельникахъ, которые пустыню превращали во градъ и дѣлали жилищемъ и пристанищемъ Ангеловъ? Къ нимъ всегда приходили для благоустроенія жизни ихъ и, какъ воины единаго Господа, бывали иногда другъ у друга, какъ сотоварищи; они любили пустыню во всѣ дни жизни своей, и изъ любви къ Богу обитали въ горахъ, пещерахъ и ущеліяхъ земли. И какъ оставивъ земное, они возлюбили небесное и содѣлались подражателями Ангеловъ, то по справедливости и сами Святые Ангелы не скрывали

отъ нихъ своего зрака, и исполняли всякое ихъ желаніе. Они по временамъ являлись имъ, иногда научая, какъ имъ надлежитъ жить, иногда объясняли имъ что нибудь непонятное, иногда и сами Святые вопрошали ихъ, что имъ было нужно; иногда выводили ихъ на путь, естьли сбивались съ него, иногда избавляли ихъ отъ искушеній, въ которыя они впадали, а иногда при нечаянной встрѣчѣ и угрожающей опасности исхищали ихъ отъ оной, какъ, на примѣръ, отъ угрызенія змѣй, отъ паденія скалъ или дерева или камня; иногда во время явной войны врага со Святыми показывались имъ лично и говорили имъ, что они посланы къ нимъ на помощь, и производили въ нихъ отважность, бодрость и мужество. Иногда совершали исцѣленія чрезъ нихъ, иногда и самыхъ Святыхъ исцѣляли, естьли они впадали въ какія болѣзни, иногда изнемогшія отъ постничества тѣла ихъ прикосновеніемъ руки или словами сверхъестественно укрѣпляли, а иногда приносили имъ пищу, хлѣбы, или овощи и другіе съѣстные припасы; и нѣкоторымъ изъ нихъ предсказывали преставленіе ихъ, а нѣкоторымъ и образъ преста-

вленія. И къ чему исчислять всѣ случаи, которые показываютъ любовь къ намъ Святыхъ Ангеловъ, и особенно попеченіе ихъ о Праведныхъ? Какъ старшія братья заботятся о меньшихъ, такъ они о насъ. Это сказано для того, чтобы всякой зналъ, что *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ,* (Псал. 144, 19.) и сколько Онъ промышляетъ о тѣхъ, которые предали себя Его волѣ и всѣмъ сердцемъ Ему послѣдуютъ.

Естьли вѣришь, что Богъ о тебѣ промышляетъ; то для чего печешься и заботишься о временныхъ и плотскихъ твоихъ потребностяхъ? Естьли же не вѣришь, что Богъ о тебѣ промышляетъ, и по сему безъ Него заботишься о потребностяхъ твоихъ: то ты несчастнѣе всѣхъ людей. Для чего ты и живешь и будешь жить? *Возложи на Господа печаль твою и Той тя препитаетъ,* (Псал. 54, 23.) *и неубоишися страха нашедшаго.* (Притч. 3, 25.)

Кто единожды посвятилъ себя Богу, тотъ провождаетъ жизнь въ спокойствіи духа. Не

отрекшись отъ имущества, душа не можетъ освободиться отъ возмущенія помысловъ; безъ молчанія чувствъ не ощутитъ она мира въ умѣ. Не прошедъ искушеній, никто не пріобрѣтетъ мудрости духа; безъ тщательнаго чтенія не узнаетъ въ тонкости помысловъ; безъ тишины помысловъ не можетъ умъ обращаться въ сокровенныхъ таинствахъ; безъ увѣренности, пріобрѣтенной вѣрою, не можетъ душа смѣло отважиться на искушенія; безъ испытанія очевиднаго покровительства Божія не можетъ сердце надѣяться на Него; не вкусивъ на опытѣ страданій Христовыхъ, душа не можетъ имѣть съ Нимъ общенія.

Того почитай человѣкомъ Божіимъ, кто, по великому добродушію къ другимъ, лишаетъ себя самонужнѣйшаго: ибо кто милуетъ убогаго, о томъ печется Богъ; кто нищетствуетъ для Него, тотъ нашелъ сокровища неистощимыя. Богъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Но Ему пріятно, когда кто покоитъ образъ Его и чтитъ его для Него. Естьли кто попроситъ у тебя того, что имѣешь; то не скажи въ сердцѣ твоемъ: Я

это оставлю для себя, а ему изъ другаго мѣста Богъ подастъ потребное. Такія слова свойственны нечестивымъ, а не тѣмъ, которые знаютъ Бога. Праведный и добрый человѣкъ не уступитъ другому своей чести и не пропуститъ напрасно случая оказать благодѣяніе. Конечно Богъ подаетъ убогому и нуждающемуся, потому что Господь никого не оставляетъ. Но ты, отогнавъ отъ себя бѣднаго, отвратилъ отъ себя честь Божію и удалилъ отъ себя даръ Божій. По сему, когда дашь, порадуйся и скажи: Слава Тебѣ Боже, что Ты удостоилъ меня подать ему утѣшеніе. А естьли нечего дать; то еще болѣе радуйся и скажи, благодаря Бога: Благодарю Тебя, Боже мой, что Ты даровалъ мнѣ благодать и честь быть нищимъ ради имени Твоего, и удостоилъ меня въ немощи и убожествѣ вкусить скорбь, положенную на пути заповѣдей Твоихъ, такъ какъ вкусили Святые Твои, ходившіе путемъ симъ.

Равнымъ образомъ когда ты боленъ, то скажи: Блаженъ, кого искушаетъ Богъ тѣмъ, чѣмъ получаемъ жизнь. Ибо болѣзни Богъ

наводитъ для здравія души. Сказалъ нѣкто изъ Святыхъ (я это замѣтилъ), что естьли Монахъ не Богоугодно служитъ Господу, и неревностно подвизается о спасеніи души, а нерадитъ о добрыхъ дѣлахъ; то Богъ неотмѣнно попускаетъ впадать ему въ искушенія, дабы онъ не былъ въ бездѣйствіи, и отъ совершенной недѣятельности не уклонился въ худшее. По сему Богъ ввергаетъ лѣнивыхъ и нерадивыхъ въ искушенія, дабы они ими занимались, а не пустымъ чѣмъ. Такъ поступаетъ Богъ всегда съ любящими Его, дабы вразумить, умудрить и научить ихъ волѣ своей? И когда они просятъ Его, то Онъ не скоро слушаетъ ихъ, доколѣ они не обезсилѣютъ, и точно не узнаютъ, что сіе случилось съ ними отъ ихъ лѣности и нерадѣнія. Ибо писано: *Егда прострете ко Мнѣ руки ваша, отвращу очи Мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ.* (Иса. 1, 15.) Хотя сіе сказано о другихъ, но все однакожъ написано о тѣхъ, которые оставляютъ путь Господень.

Естьли мы говоримъ, что Богъ многоми-

лостивъ: то почему же тогда, какъ непрестанно взываемъ и молимъ Его въ искушеніяхъ, Онъ не слышитъ насъ, но презираетъ молитву нашу? Сіе самое объясняетъ намъ Пророкъ, когда говоритъ: *Не коротка рука Господня, чтобъ избавлять и не крѣпко ухо Его, чтобъ слышать; но грѣхи наши отдалили насъ отъ Него и беззаконія наши отвратили лице Его, чтобы онъ не слышалъ.* (Иса. 5о, 1. 2.) Помни во всякое время о Богѣ, и Онъ вспомнитъ о тебѣ, когда впадешь въ несчастіе. Природа твоя подвержена страданію, въ настоящемъ мірѣ много искушеній, и не отступаютъ отъ тебя бѣды, но какъ рѣка, текутъ и въ тебѣ и подъ ногами твоими. Не сходи съ того мѣста, на которомъ стоишь; когда Богу угодно будетъ, ты освободишься отъ нихъ. Какъ брови не далеки одна отъ другой, такъ искушенія близки къ человѣкамъ. Богъ устроилъ сіе премудро для твоей пользы, дабы ты постоянно стучался въ дверь Его, дабы страхъ скорбей посѣялъ въ мысли твоей памятованіе о Немъ, и дабы ты приближался къ Нему молитвами, и сердце твое освящалось всегдашнимъ памя-

шованіемъ. Когда будешь молишься, Онъ услышишъ шебя; и узнаешь, что есть Богъ, избавляющій шебя, и ощушишь, что Онъ близокъ къ шебѣ, промышляешъ и хранишъ шебя, создалъ для шебя два міра, одинъ, чтобы онъ былъ временнымъ учишелемъ и насшавникомъ, другой, чтобы былъ домомъ ошеческимъ и вѣчнымъ швоимъ наслажденіемъ. Богъ не создалъ шебя непричасшнымъ скорбей для шого, чтобы шы, возжелавъ бышь Богомъ, не наслѣдовалъ шого, что наслѣдовалъ шошъ, кошорый прежде былъ Денницею, а послѣ, по причинѣ гордосши, сдѣлался сашаною. Равнымъ образомъ не сдѣлалъ шебя непреклоннымъ и неподвижнымъ для шого, чтобы шы не былъ шаковъ, какова по природѣ бездушная шварь, и дабы добрыя дѣла швои не осшавались для шебя безъ всякой пользы и награды, шакъ какъ въ безсловесныхъ есшесшвенныя скошскія ихъ преимущесшва. Ошселѣ всякъ легко можешъ видѣшь, какая происходишъ польза, благодашь и какое смиреніе ошъ кресшовъ сихъ.

И шакъ очевидно, что въ нашей сосшо-

ипъ волѣ и подвизапься въ добрыхъ дѣлахъ, и уклоняпься опъ зла; и что какъ честь, шакъ и безчестіе, опъ шого происходящія, намъ принадлежапъ. Ибо, бывъ присшыжаемы безчестіемъ, мы приходимъ въ страхъ, а получая честь, приносимъ благодарность Богу и устремляемся къ добродѣшели. Богъ много даровалъ шебѣ шаковыхъ руководишелей, дабы шы, будучи безъ нихъ, що есть, бывъ непричастенъ бѣдствій, и превыше всякаго страха, не забылъ Господа Бога швоего, не уклонился опъ Него и не впалъ въ многобожіе, шакъ какъ случилось со многими другими, которые, будучи впрочемъ подобны шебѣ и шакими же поражаемы скорбями, опъ временнаго и маловажнаго послабленія и благоденствія въ одно мгновеніе не шолько впали въ многобожіе, но и самихъ себя безумно дерзнули провозвѣстишь богами. Вошъ для чего Богъ попусшилъ шебѣ бышь въ бѣдствіяхъ. А шакже и для шого, дабы шы, уклонившись не раздражилъ Его, и Онъ, наведши на шебя казнь, совершенно не потребилъ шебя опъ лица своего. Я не говорю уже о нечестіи и о прочихъ богохульствахъ, которыя раждаюшся опъ благо-

денствія жизни и безстрашія, хотя и сказаннаго выше никто не осмѣлился бы сказать. Для сего—то посредствомъ болѣзней и скорбей Онъ наставилъ тебя чаще памятовать о Себѣ въ сердцѣ твоемъ и опасеніемъ горестей возбудилъ тебя стучать въ двери милосердія Его, и освобождая отъ сего, тѣмъ самимъ насаждаетъ въ тебѣ любовь къ Себѣ. А влагая въ тебя любовь, приближаетъ тебя къ чести усыновленія и являетъ богатую милость свою, сколь она велика къ тебѣ. И откуда бы ты узналъ таковый Его промыслъ и попеченіе, естьли бы не встрѣчались съ тобою горести? Потому что чрезъ сіе, то есть, чрезъ познаніе Его благодѣяній и чрезъ памятованіе о великомъ промыслѣ Его всего болѣе можежъ возрасти въ душѣ твоей любовь къ Богу. Всѣ сіи блага раждаются отъ скорбей, дабы ты научился быть благодарнымъ. И такъ помни о Богѣ, дабы и Онъ всегда помнилъ о тебѣ; и дабы помня о Немъ, и спасая себя, ты получилъ отъ Него всякое блаженство. Не забывай о Немъ, увлекаясь суетнымъ, дабы и Онъ не забылъ тебя во время браней твоихъ. Будь послушенъ Ему

въ благополучіи, дабы во время бѣдствій имѣть къ Нему дерзновеніе, посредствомъ искренней и постоянной молитвы.

Непрестанно очищай себя предъ Господомъ, памятуя о Немъ въ сердцѣ твоемъ, дабы, естьли на долгое время останешься безъ памятованія о Немъ, не лишиться тебѣ дерзновенія, когда приступишь къ Нему. Поелику дерзновеніе къ Богу происходитъ отъ непрерывнаго съ Нимъ собесѣдованія и непрестанной молитвы. Обращеніе и пребываніе съ людьми бываетъ посредствомъ тѣла, а обращеніе съ Богомъ посредствомъ душевнаго памятованія, внимательной молитвы и всесожженія. Отъ непрерывнаго и постояннаго памятованія о Немъ человѣкъ иногда переходитъ къ изумленію и удивленію. Ибо возвеселится сердце ищущихъ Господа. (Псал. 104, 3.)

Ищите Господа, грѣшники, и укрѣпитесь въ надеждѣ, ищите лица Его покаяніемъ, и освятитесь святостію лица Его и очиститеся отъ грѣховъ вашихъ. Теките ко Господу, повинные грѣхамъ, Онъ проститъ грѣ-

хи, и презрипть ваши преступленія. Ибо Онъ съ клятвою сказалъ чрезъ Пророка: *Живу Азъ, глаголетъ Господь, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему.* (Іер. 33, 11.) И опять: *Весь день простроxъ руцѣ Мои къ людемъ не покоряющимся и противоглаголющимъ.* (Иса. 65, 2.) И еще: *И вскую умираете доме Израилевъ?* (Іез. 33, 12.) *Обратитеся ко Мнѣ и обращуся къ вамъ.* (Мал. 3, 7.) И въ другомъ мѣстѣ: *Егда грѣшникъ возвратится отъ пути своего и обратится ко Господу и сотворитъ судъ и правду, беззаконій его не помяну, но живъ будетъ, глаголетъ Господь; и егда Праведникъ оставитъ правду, правды Его не помяну, но грѣхъ его положу предъ лицемъ его и умретъ во мракѣ дѣлъ своихъ, аще пребудетъ въ нихъ.* (Іез. 33, 14. 15.) Почему же? Потому что грѣшникъ не падетъ отъ грѣха своего, когда обратится ко Господу, и правда Праведнаго не спасетъ, когда согрѣшитъ онъ и останется во грѣхѣ. И Іереміи такъ сказалъ Богъ: Возми свитокъ и напиши, яже соглаголахъ тебѣ вся злая отъ дней Іосіи царя Іудина даже до сего дня, о которыхъ я го-

ворилъ тебѣ, что наведу оныя на народъ сей, дабы, услышавъ и убоявшись, человѣкъ оставилъ злой путь свой, и обратившись покаялись, и я прощу имъ грѣхи ихъ. (Іер. 30, 2. 3.) И Премудрость говоритъ: *Скрывающій грѣхъ свой не получитъ себѣ пользы.* (Притч. 28, 13.) А кто исповѣдуетъ грѣхи свои, и оставитъ ихъ, тотъ получитъ милость отъ Бога. И Исаія говоритъ: Взыщите Господа, и егда обрящете, призовите Его, и приближившись къ Нему, да оставитъ грѣшникъ путь свой и неправедный помышленія свои и обратитесь ко Мнѣ и помилую васъ. Ибо помышленія мои не таковы, какъ помышленія ваши, и пути Мои не таковы, какъ пути ваши. И такъ естьли послушаете Меня, благая земли снѣсте. Пріидите ко Мнѣ и послушайте Меня и будете живи душею вашею. Естьли сохранишь пути Господни и сотворишь волю Его, тогда надѣйся на Господа, призывай Его, и когда еще будешь взывать къ Нему, Онъ скажетъ тебѣ; се Я. (Иса. 55, 6—9. 1, 19. 55, 3.)

Когда неправеднаго постигаетъ искушеніе, то онъ не имѣетъ дерзновенія при-

звать Бога и ожидать отъ Него спасенія. Потому что онъ во дни покоя своего удаленъ былъ отъ воли Божіей. Прежде нежели начнешь войну, ищи себѣ споборниковъ; прежде нежели сдѣлаешься боленъ, ищи врача, и прежде нежели постигнутъ тебя скорби, молись; и во время скорбей найдешь Его и Онъ услышитъ тебя. Прежде нежели падешь призывай и молись, и прежде нежели будешь обѣщать, изготовься къ исполненію обѣщаній, то есть, отрѣшенію отъ земнаго. Ковчегъ Ноевъ построенъ былъ во время мира, и древа для онаго выросли за сто лѣтъ. И во время гнѣва неправедные погибли, а для праведника онъ содѣлался кровомъ.

Неправедныя уста заграждены для молитвы. Ибо осужденіе совѣсти лишаетъ человѣка дерзновенія. А доброе сердце съ радостію проливаетъ слезы въ молитвѣ. Тѣ, для коихъ умеръ міръ, съ радостію терпятъ обиды; а для коихъ живетъ міръ, тѣ не могутъ снести обиды, но или, будучи подстрекаемы тщеславіемъ, въ безумномъ движеніи раздражаются и возмущаются, или снѣдаются печалію. О! какъ трудно исполнить сію добро-

дѣтель и какую она славу имѣетъ у Бога! Кто хочетъ совершить сію добродѣтель, то есть, принимать обиды и переносить оныя великодушно, тотъ долженъ удалиться отъ своихъ и быть странникомъ, потому что онъ не можетъ исполнить оную въ своемъ отечествѣ. Переносить трудности сей добродѣтели посреди своихъ способны только великіе и крѣпкіе мужи, и такіе, для которыхъ умеръ міръ сей, и которые удалили отъ себя всякую надежду имѣть здѣсь утѣшеніе.

Какъ благодать близка къ смиренію, такъ къ гордости горестные случаи. Очи Господни на смиренныхъ, чтобы увеселять ихъ. Лице же Господне противу гордыхъ, чтобы унижать ихъ. Смиреніе всегда получаетъ милость отъ Бога, а жестокосердіе и маловѣріе постигаютъ страшныя бѣды. Будь малъ во всемъ предъ всѣми людьми и вознесешься выше князей вѣка сего. Предупреждай всѣхъ своимъ привѣтствіемъ и поклономъ и будешь почтеннѣе носящихъ Суфирское золото.

Унижай себя, и увидишь въ себѣ славу Божію. Гдѣ произрастаетъ смиреніе, тамъ течетъ слава Божія. Естьли будешь явно, стараться унижать себя предъ всѣми людьми; то будетъ прославлять тебя Богъ: и ежели въ сердцѣ твоемъ будешь имѣть смиреніе; то Богъ явитъ тебѣ въ сердцѣ твоемъ славу свою. Унижай себя въ величіи твоемъ, и не величайся униженіемъ своимъ. Старайся быть въ презрѣніи, и исполнишься чести Божественной. Не ищи уваженія, бывъ исполненъ внутренними ранами. Порицай честь, чтобъ быть почтеннымъ и не люби оной, чтобы не быть безчестнымъ. Кто бѣжитъ за честію, отъ того она убѣгаетъ, а кто убѣгаетъ ее, за тѣмъ она гонится и всѣмъ проповѣдуетъ его смиреніе. Естьли будешь подвергать себя презрѣнію, чтобъ не быть въ чести; то прославитъ тебя Богъ. И естьли за истину навлечешь на себя поношеніе: то Богъ повелитъ всѣмъ тварямъ хвалить тебя и онѣ отверзутъ предъ тобою дверь славы Зиждителя твоего, и восхвалятъ тебя, поелику ты дѣйствительно носишь въ себѣ образъ и подобіе Его.

Кто видалъ человѣка, который бы блисталъ добродѣтелями, а людямъ казался низкимъ, былъ свѣтелъ жизнію, мудръ по познаніямъ, и уничиженъ въ духѣ. Блаженъ, кто во всемъ себя унижаетъ, потому что онъ возвысится. Кто умаляетъ себя для Бога, тотъ прославляется. Кто алчетъ и жаждетъ ради Бога, того упоитъ Богъ своими благами; кто нагъ ради Бога, того облечетъ Онъ одеждою безсмертія и славы; и кто убогъ ради Его, тотъ утѣшится истиннымъ богатствомъ Его. За ничто ставь себя ради Бога, и не узнаешь, какъ будетъ умножаться слава твоя во всю жизнь твою. Считай себя грѣшникомъ, чтобъ быть праведнымъ во всю жизнь твою. Будь невѣжда въ мудрости твоей, и не кажись мудрымъ при невѣжествѣ твоемъ. Естьли смиреніе возвышаетъ простаго и невѣжду, то какую честь должно принести оно великимъ и почщеннымъ?

Убѣгай тщеславія и прославишься; страшись гордости, и возвеличишься. Сынамъ человѣческимъ не дано въ удѣлъ тщеславіе, и высокоуміе рожденнымъ отъ женъ. Естьли

шы добровольно ошрекся ошъ всѣхъ суешъ жизни; шо ни о чемъ ни съ кѣмъ ошнюдь не спорь. Есшьли возгнушался шщеславіемъ, шо бѣгай пишающихъ оное. Бѣгай корысшолюбивыхъ, какъ и самаго корысшолюбія. Удаляйся ошъ любосшрасшныхъ, какъ и ошъ самаго любосшрасшія. Бѣгай распушныхъ, какъ и самаго распушсшва. Ибо ежели одно просшое воспоминаніе о шакихъ вещахъ возмущаешъ мысль, шо сколько должно возмущашь воззрѣніе на нихъ и обращеніе съ ними? Приближайся къ праведнымъ и чрезъ нихъ приближишься къ Богу; обращайся съ смиренными и научишься нравамъ ихъ. Ибо ежели шолько видѣшь ихъ полѣзно; шо сколько полезнѣе принимашь ученіе изъ усшъ ихъ?

Люби нищихъ, чшобы чрезъ нихъ и шебѣ получишь милосшь. Не приближайся къ любящимъ распри, дабы шы не былъ принужденнымъ лишишься своей шишины. Безъ ошвращенія сноси зловоніе больныхъ и наипаче бѣдныхъ, поелику и шы носишь шѣло. Не огорчай скорбныхъ сердцемъ, дабы и самаго шебя не поразилъ жезлъ ихъ; и когда будешь искашь ушѣшишелей, шо и самъ не

найдешь ихъ. Не укоряй увѣчныхъ, потому что всѣ пойдемъ въ преисподнюю съ одинаковою честію. Люби грѣшниковъ; а ненавидь дѣла ихъ; и не презирай ихъ за недостатки ихъ, дабы и тебѣ не испытать того самаго, что испытываютъ они. Помни, что ты причастникъ тлѣннаго естества, и всѣмъ дѣлай добро. Не огорчай требующихъ твоей молитвы, и не лишай ласковыхъ словъ утѣшенія, дабы они не погибли, и отъ тебя не потребовали отчета въ душахъ ихъ. Но подражай врачамъ, которые болѣзни, соединенныя съ жаромъ, врачуютъ прохладительными лѣкарствами; а соединенныя съ ознобомъ противными.

Когда встрѣтишься съ ближнимъ твоимъ; то старайся отдавать честь ему выше мѣры. Цѣлуй руки и ноги его, бери оныя чаще съ великимъ почтеніемъ, клади на глаза свои и хвали его и за то, чего не имѣетъ. Когда же разлучится съ тобою, говори о немъ все доброе и къ чести его. Ибо такими и тому подобными поступками привлечешь его къ добру, заставишь его стыдиться того названія, какимъ будешь назы-

вать его, и посѣешь въ немъ сѣмена добродѣтели. Отъ таковаго обращенія, естьли къ нему пріучишь себя, напечатлѣется въ тебѣ образъ добра, ты пріобрѣтешь великое смиреніе и безъ труда будешь совершать великія дѣла. Не довольно сего; но естьли кто будетъ имѣть недостатки, то принимая отъ тебя почщеніе, охотно приметъ отъ тебя исправленіе, стыдясь той чести, которую ты будешь ему воздавать. Такимъ образомъ старайся быть всегда привѣтливъ и почтителенъ ко всѣмъ. Не раздражай и не упрекай никого ни въ слабости вѣры, ни въ худыхъ дѣлахъ его; но берегись укорять и обличать кого либо, въ чемъ бы то ни было. Ибо мы имѣемъ нелицепріятнаго Судію на небесахъ. Естьли хочешь обратить кого къ истинѣ; то болѣзнуй о немъ, и со слезами и любовію скажи ему одно или два слова, но не разгорячайся на него гнѣвомъ, и чтобъ онъ не видѣлъ въ тебѣ знака вражды. Любовь не умѣетъ гнѣваться или раздражаться, или съ страстію кого укорять. Доказательствомъ любви и вѣдѣнія служитъ смиреніе, происходящее отъ доброй совѣсти, во Христѣ Іисусѣ

Господѣ нашемъ, которому слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Амин.

XVIII.

СЛОВО

О

СИЛѢ ВѢРЫ ВЪ ЗЛОПОЛУЧІИ.

Скры мя въ селеніи своемъ, въ день золъ моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія своего, на камень вознесе мя. Псал. 26, 5.

Человѣческая жизнь есть непрерывная цѣпь неизвѣстности и превратностей, скорбей и опасеній. Въ самомъ храмѣ, Богослуженію посвященномъ, сколько находится людей, коихъ по всей справедливости можно назвать несчастными! А внѣ онаго находящіеся не вѣдаютъ, когда постигнетъ ихъ участь, подобная участи тѣхъ. Нѣтъ на землѣ ни единаго человѣка, котораго благополучіе было бы твердо и благонадежно. Темныя облака могутъ тотчасъ собраться надъ главами тѣхъ, надъ коими небо теперь совершенно ясно. Можетъ быть, посреди обманчивой тишины, которою они наслаждаются, уже буря, грозящая имъ, начинаетъ собираться. *Аще и многи лѣта поживетъ*

человѣкъ, и во всѣхъ ихъ возвеселится, и помянетъ дни тмы, яко мнози будутъ. (Еккл. 11, 8.)

По сему для существа разумнаго нѣтъ важнѣе той науки, которая надлежащимъ образомъ пріуготовляетъ его къ злоключеніямъ жизни, дабы онъ могъ какъ издали взирать на нихъ безъ ужаса, такъ равно, когда онѣ постигнутъ, сносить безъ малодушія. Во всѣ времена премудрые свою премудрость, богатые сокровища свои, и сильные свое могущество употребляли или на защищеніе своего благосостоянія отъ приближающихся бѣдствій, или на содѣланіе себя менѣе чувствительными къ ударамъ оныхъ. Сильный усиливается удалить отъ себя злополучіе; мудрый старается побѣждать его терпѣніемъ, когда оно угнетаетъ его; и богатый изыскиваетъ всѣ удовольствія, могущія утолить, или нѣсколько облегчить скорбь его.

Между тѣмъ, какъ мудрость міра сего толико занимается симъ важнымъ предметомъ, Вѣра не менѣе внимательна къ оному. Въ вышесказанныхъ нами словахъ она

объявляетъ намъ *о селеніи*, которое Богъ устрояетъ для защиты рабовъ своихъ *въ день золъ ихъ, о тайнѣ селенія Его*, въ которой *скрываетъ*, и *о камени, на который возноситъ* ихъ. Въ иныхъ же мѣстахъ она говоритъ намъ о *шлемѣ и щитѣ*, (Псал. 34, 2.) которые подаетъ имъ Богъ, *да не убоятся отъ страха нощнаго, и отъ стрѣлы летящія во дни.* (Псал. 90, 5.) Какоежъ то оборонительное оружіе, которое всеблагій Промыслитель подаетъ любящимъ Его? Неужели Онъ воздвигъ оплотъ, для злополучія неприступный, дабы отдѣлить благочестивыхъ и праведныхъ отъ прочихъ людей, и дабы предохранить ихъ отъ общихъ всему человѣчеству бѣдствій? Нѣтъ! Мы видимъ, что и они подвержены симъ бѣдствіямъ не менѣе, какъ и другіе. Оружіе, Вѣрою подаемое, есть совершенно духовное. Она сердце паче, а не внѣшнее состояніе пріемлетъ подъ кровъ свой. Когда приходитъ *день золъ*, котораго никто не избѣгаетъ, тогда Она водворяетъ праведныхъ *въ селеніи* Всемогущаго, доставляя имъ безопасность и миръ, происходящій отъ упованія на заступленіе Вышняго. Она *скрываетъ*

ихъ въ тайнѣ селенія Его, отверзая имъ источники утѣшенія, невѣдомые нечестивымъ. Съ помощію той твердости духа, которую она сообщаетъ имъ, *возноситъ ихъ на камень*, противъ коего буря можетъ устремляться съ яростію, но не можетъ потрясти его.

Въ какой мѣрѣ утѣшенія, Вѣрою подаемыя, соотвѣтствуютъ тѣмъ вышнимъ наименованіямъ, подъ коими онѣ изображены здѣсь иносказательно, я намѣренъ изъяснить сіе въ настоящемъ словѣ. На сей конецъ сравню состояніе нечестиваго съ состояніемъ Богобоязненнаго, когда тотъ и другой сражаются съ бѣдствіями жизни; и потомъ извлеку изъ сего назидательныя умозаключенія, къ которымъ настоящій предметъ естественно подаетъ намъ поводъ.

1. Вѣра пріуготовляетъ душу, мужественно встрѣчать жесточайшіе удары злополучія; напротивъ нечестіе, по естественному своему вліянію на сердце человѣческое, силится породить въ немъ уныніе при самыхъ легкихъ искушеніяхъ. Міролюбцы, умно-

жая свои сокровища и разпространяя связи свои, мечтают быть безопасными от всѣхъ возможныхъ превратностей жизни. Каждый изъ нихъ въ сердцѣ своемъ мыслитъ: *Азъ во обиліи моемъ, яко гора Сіонъ, не подвижуся во вѣкъ.* (Псал. 29, 7.) Но сіе мечтаніе ихъ столь пагубно, что, вмѣсто подкрѣпленія, они разрушили то, что одно могло бы защитить ихъ *въ день золъ.* Имъ оставалось бы ожидать подкрѣпленія единственно отъ души; но душа ихъ чувственными удовольствіями растлѣна и разслаблена. Чрезмѣру жаждая наслажденій міра сего, они подвергаются двумъ, равно бѣдственнымъ и неизбѣжнымъ случаямъ: вопервыхъ, имъ не остается никакого пособія, кромѣ пособія отъ міра; а во вторыхъ умножаютъ свою чувствительность при каждомъ ударѣ злополучія, имъ наносимомъ отъ міра же.

Они не имѣютъ ни правилъ, ни твердости духа, съ помощію коихъ могли бы противустать силѣ злополучія. Взоры ихъ ничѣмъ не направляются далѣе обыкновеннаго теченія произшествій: и потому, когда при-

ходитъ *день золъ*, то есть, когда постигаетъ ихъ несчастіе, имъ остается въ виду одно только отчаяніе. Беззаконіе вовсе лишаетъ ихъ права, прибѣгать къ помощи могущества, высшаго собственной ихъ силы, или полагаться на лучшаго руководителя, нежели собственная мудрость ихъ. Не имѣя правилъ, отъ коихъ могли бы получить подкрѣпленіе, они равно не обрѣтаютъ облегченія своимъ горестямъ и въ сердцѣ, отъ счастія растлѣнномъ. Они потеряли то душевное спокойствіе, которое мудраго приводитъ въ состояніе, терпѣливо сноситъ свое несчастіе. Чрезъ долгое время напитавшись тщетными надеждами, они отъ каждой неудачи приходятъ въ уныніе и дѣлаются несчастными. Будучи сластолюбивы и изнѣженны, не могутъ сносить ни малѣйшаго озлобленія. Будучи кичливы и высокомѣрны, не терпятъ никакого противленія. Питая въ себѣ чувствованія, столь мало сообразныя съ неизвѣстностію жизни сея, они сугубо наполняютъ чашу горести, и сами изощряютъ мечь, на пораженіе ихъ вознесенный. Бывъ чужды всѣхъ мирныхъ удовольствій сердца добраго и чистаго, чуж-

ды всякой радости, кромѣ той, которую доставляетъ имъ порокъ, или суетность, они въ злополучіи своемъ лишены всякаго утѣшенія. Здоровье и богатство суть два столпа, на кои они опираются. Когда одинъ столпъ падетъ, тогда рушится и все зданіе ихъ надежды и утѣшенія. Бывъ повержены въ отчаяніе, и пресмыкаясь во прахѣ, они соединятъ горестный вопль свой съ воплемъ мужа Ефремля: *Яко изваянное мое, еже сотворихъ, взясте, и что мнѣ еще?* (Суд. 18, 24.) Вотъ причины, которымъ должны мы приписывать малодушіе, строптивость нрава и тѣ безпокойныя страсти, которыя столь часто сопровождаютъ преклонную старость, или паденіе счастія нечестивыхъ!

Но сколь отлично состояніе человѣка истинно благочестиваго, подверженнаго горестнымъ искушеніямъ! Вѣра постепенно пріуготовляла его ко всѣмъ превратностямъ міра. Она открыла ему, въ чемъ состоитъ истинное благополучіе. Она благовременно предохранила его отъ безмѣрной любви къ земнымъ благамъ, показавъ ему всю тщету

оныхъ, и представивъ очамъ его въ будущемъ блистательнѣйшіе предметы. Никакія озлобленія не могутъ постичь внезапно, и слѣдовательно побѣдить его. Для вѣрнѣйшаго плаванія по океану жизни онъ обезопасилъ себя и противъ бури, и противъ безвѣтрія. Онъ вѣдаетъ, что получилъ бытіе подъ условіемъ, не вѣчно наслаждаться тѣмъ, что ему драгоцѣнно; и потому никакое несчастіе не можетъ привести его въ уныніе; и онъ уже не поражается, когда мертвенное умираетъ, когда непостоянное измѣняется, и скоропреходящее преходитъ.

Всѣ правила, Вѣрою преподаемыя, и всѣ дѣйствія, ею направляемыя, благопріятствуютъ твердости душевной. Безъ сомнѣнія, что очищаетъ сердце, то самое и укрѣпляетъ его. Благочестивый, не уклоняясь отъ стези жизни праведной, трезвенной и Богобоязненной, по необходимости долженъ пріобрѣтать твердость и правильность въ мыслях. Будучи наставленъ благодатію Божіею, какъ наслаждаться съ умѣренностію благами міра, не будучи надменъ успѣхомъ и разслабленъ чувственностію, мужественно

встрѣчаетъ превратности въ своемъ жребіи. Онъ пріобыкъ къ терпѣнію, нуждамъ и покорности; пріучилъ себя, быть твердымъ и управлять самимъ собою. Онъ научился относить всѣ произшествія къ Промыслу, управляющему оными, не только съ благоговѣніемъ, но и съ вѣрою и упованіемъ.

Дни благосостоянія не были для него днями только неплоднаго веселія; нѣтъ, они произвели весьма полезный плодъ. Онъ просвѣтилъ свой разумъ, обогатилъ его полезными знаніями, твердыми правилами, благодѣтельными расположеніями. Сіи пособія остаются вѣрными и въ самый *день золъ*, Онѣ пребываютъ съ нимъ и въ болѣзни и въ здравіи, и въ убожествѣ и среди изобилія, и въ часы мрака и уединенія, и среди друзей и пріятной бесѣды. Онъ благодушно оставитъ блескъ счастія и удалится подъ мрачный кровъ уединенія. Будучи лишенъ всѣхъ благъ и пріятностей міра, хотя и будетъ принужденъ заключить себя въ тѣснѣйшій кругъ, но и въ семъ тѣсномъ кругѣ найдетъ для себя много утѣшеній. Его существенныя наслажденія были всегда мирны,

непорочны и умѣренны; а превратности свѣта не имѣютъ надъ нимъ власти, подобно какъ надъ міролюбцами. Душа его есть для него царство; и онъ спокойно будетъ обладать имъ: Не міръ даровалъ ему вкушаемое имъ блаженство, слѣдовательно и не зависитъ отъ міра, при самыхъ жестокихъ его гоненіяхъ, вовсе лишить онаго.

2. Благочестивый, находясь среди бѣдствій, утѣшается воспоминаніемъ о прошедшей жизни. Напротивъ сіижъ самыя воспоминанія увеличиваютъ оныя въ злочестивомъ. Во дни веселія и суетъ житейскихъ грѣшники, нѣкоторымъ образомъ, заглушаютъ совѣсть. Вращаясь въ вихрѣ забот и удовольствій; безпрестанно занимаясь предпріятіями или стремясь къ совершенію оныхъ; питаясь надеждою, или кичась успѣхомъ, они стараются удалить отъ себя всякую важную мысль, бывъ окружены множествомъ ничтожныхъ занятій. Но совѣсть не можетъ остаться навсегда безъ своего дѣйствія. Въ теченіе жизни каждаго человѣка бываетъ время, въ которое онъ по необходимости долженъ узрѣть себя въ

истинномъ своемъ видѣ. И когда наступитъ сіе время, горе человѣку, коего опечалитъ зрѣлище сіе! Когда бѣдствіе простретъ надъ нимъ свое мрачное покрывало, когда несчастіе поразитъ его сердце и нанесетъ ему глубокую рану, какъ онъ возможетъ увидѣть себя въ первой разъ въ томъ гнусномъ образѣ, каковый сообщилъ ему грѣхъ? Тогда то воспоминаніе о прошедшемъ приведетъ его въ ужасъ! Оно покажетъ ему жизнь, посвященную безумію и суетностямъ; жизнь, проведенную въ злобѣ и грѣхахъ; нѣтъ званія, нѣтъ должности, которую бы онъ исполнилъ съ раченіемъ. Сіи преступленія, которыя онъ скрываетъ отъ себя съ такимъ искусствомъ, представятся ему въ настоящемъ ихъ безобразіи. Мысль о грѣхѣ присоединится ко всему тому, что съ нимъ происходило. Онъ видитъ, или мнитъ видѣть, явно вознесенную на него десницу Бога, имъ оскорбленнаго. Когда человѣку наипаче необходима помощь, сколь несносна ему тогда тяжесть сего новаго бремени, увеличивающаго тяготу болѣзни, превратности счастія, и глубокой старости! Коль бѣдственно состояніе человѣка, которому

суждено претерпѣвать и угрызенія совѣсти, и вмѣстѣ удары злополучія! *Сердце разумнаго стяжетъ чувствіе; малодушна же человѣка кто стерпитъ* (кто возставитъ)? (Притч. 18, 14. 15.)

Напротивъ того, имѣющій совѣсть чистую и въ самыхъ горестныхъ обстоятельствахъ жизни наслаждается спокойствіемъ, благородствомъ и величіемъ души, которыми онъ единственно одолженъ добродѣтели. Свидѣтельство правой совѣсти, въ самомъ дѣлѣ, всегда должно быть отличаемо отъ того кичливаго лицемѣрія, которымъ гнушается всякій истинный Христіанинъ. Онъ чѣмъ добродѣтельнѣе, тѣмъ смиреннѣе, и тѣмъ болѣе стыдится своей слабости. Хотя онъ признаетъ, что ничего не можетъ просить отъ Бога *ради путей правды своея*; (Псал. 106, 40.) однакожъ, утверждаясь на непреложныхъ обѣтованіяхъ Евангельскихъ, можетъ быть увѣренъ, что Богъ, по милосердію своему, о Іисусѣ Христѣ, не отринетъ его. Онъ можетъ надѣяться, что *молитвы его и милостыни его взыдутъ на память Богу.* (Дѣян. 10, 4.) Вѣра и

добрыя дѣла прежней его жизни были какъ бы сѣмена, *во дни благи* имъ посѣянныя, коихъ плодъ пожинаетъ онъ *въ день золъ*. Сокровища, удовольствія и *друзья міру сему* воскрылятся и улетятъ. (Іак. 4, 4.) Но полезное употребленіе сихъ благъ, коими онъ обладалъ доселѣ, умѣренность, съ каковою наслаждался ими, дѣла милосердія, имъ явленныя, и назидательный примѣръ, поданный ближнимъ,—вотъ блага, кои остаются при немъ навсегда! Приводя оныя себѣ на память, онъ вторично мысленно наслаждается своимъ блаженствомъ; и, можетъ быть, сіе вторичное и мысленное наслажденіе не менѣе сладостно, какъ и первое. Оно приходитъ къ нему наипаче въ минуту, самую бѣдственную и требующую величайшаго подкрѣпленія. Оно доставляетъ ему сладостное и постоянное удовольствіе отъ того, что онъ такъ пользовался скоропреходящими минутами, что пріобрѣлъ прочное удовольствіе, и сдѣлалъ постояннымъ то, что по существу своему подвержено перемѣнамъ. „Хотя *время моего отшествія уже наста,* говоритъ онъ, но я имѣю то утѣшеніе, что *не всуе текохъ. Азъ подви-*

гомъ добрымъ подвизахся, вѣру соблюдохъ. (2 Тим. 4, 7.) Духъ мой не палъ подъ бременемъ. Будущее не ужасаетъ меня. Я тщился исполнять долгъ свой, и угодить Богу. Я совершенно предаю себя волѣ Небеснаго Отца." Вотъ размышленія, которыя праведнику *открываютъ свѣтъ во тьмѣ,*— размышленія, которыя веселятъ скромную хижину, обитаемую добродѣтельною бѣдностію, сопровождаютъ невиннаго страдальца во узилищѣ, или изгнаніи, укрощаютъ вопли печали, облегчаютъ бремя глубокой старости, и лежащимъ на одрѣ болѣзни подаютъ врачевство душевное, пріятнѣйшее и дѣйствительнѣйшее всѣхъ, отъ міра доставляемыхъ.

Посмотрите на людей, каковы бы они ни были, и вы увидите, что всѣ они согласны въ сей важной истинѣ, что душа есть выше счастія, что ощущаемое ею несравненно превосходнѣе внѣ его происходящаго. Представимъ человѣка, томительнымъ своимъ положеніемъ обратившаго на себя общее всѣхъ вниманіе. Первый вопросъ, который мы о немъ сдѣлаемъ, не въ томъ

состоять будетъ: что онъ претерпѣваетъ? но, какъ переноситъ страданія? Спокоенъ ли духъ его, или онъ, по видимому, внутренно страждетъ? Естьли видимъ его спокойнымъ и непоколебимымъ, преданнымъ волѣ Провидѣнія, и подкрѣпленнымъ увѣренностію въ своей невинности; то достоинство его въ очахъ нашихъ возвышается, а бѣдствіе уменьшается. Мы болѣе чувствуемъ къ нему уваженіе и удивленіе, нежели сострраждемъ ему. Приведите только себѣ на память, какія страданія претерпѣли мужи праведные за совѣсть, и съ какимъ веселіемъ оныя претерпѣли. Съ другой стороны, когда совѣсть присоединяется ко внѣшнимъ бѣдствіямъ, дабы мучить грѣшника; то какія ужасныя слѣдствія произведетъ сіе соединеніе? Коликократно онъ, употребивъ во зло *дни благи*, съ перемѣною счастія, подобно умоизступленному, спѣшилъ низвергнуться безвозвратно въ глубокую бездну, и, чего наипаче гнушается природа, въ одной смерти искалъ утоленія терзаніямъ совѣсти, которыя содѣлались для него совершенно несносны.

И такъ да не помыслимъ, что злополучіе одно составляетъ совершенное бѣдствіе человѣка. Одни порочные совершенно злосчастны. Сомнѣніе и недовѣрчивость, обличенія и угрызенія совѣсти, чувствіе, что они сами навлекли на главу свою несчастія, ими претерпѣваемыя и ужасное ожиданіе бóльшихъ и жесточайшихъ грядущихъ золъ: вотъ что существенно составляетъ источникъ ихъ злополучія. Они не только изощряютъ, но еще напаяютъ ядомъ стрѣлы скорби, и растравляютъ язвы, между тѣмъ какъ бѣдствіе, постигающее праведника, не влечетъ за собою столь пагубныхъ споспѣшниковъ! Оно можетъ коснуться, такъ сказать, поверхности его души, но внутренность оной остается невредима. Міръ не въ силахъ нанести ему такихъ язвъ, отъ коихъ бы онъ не могъ изцѣлиться.

3. Злочестивые, *въ день золъ*, не обрѣтаютъ нигдѣ себѣ помощника; а добродѣтельные съ вѣрою и упованіемъ поручаютъ себя промыслу живущаго на небеси. Человѣкъ, по естеству слабый, изнемогая подъ тяжестію золъ, не можетъ не чувство-

вать всей своей немощи. Удрученный бѣдствіями, превосходящими силы его, не полагается уже болѣе на самаго себя. Онъ всюду обращаетъ безпокойный взоръ, ища укрыться подъ какимъ либо кровомъ, ища нѣкоей силы, могущей поддержать его; и когда, оставленный міромъ, за предѣлами самаго міра не обрѣтаетъ никого, къ кому бы могъ прибѣгнуть, тогда положеніе его есть самое гибельное. Куда въ семъ положеніи обратятся нечестивые для снисканія себѣ помощи? Сражавшись съ бурями злополучія до истощенія своихъ силъ, они съ радостію прибѣгли бы наконецъ къ святилищу Вѣры; но сіе святилище для нихъ не приступно, а окружено ужасами. Они находятъ въ Богѣ не защитника, къ коему могли бы прибѣгнуть; но судію, котораго трепещутъ; и въ самыя тѣ минуты, когда совершенно необходимо имъ Его благоволеніе, они должны отклонять гнѣвъ Его. Когда *Онъ звалъ ихъ, и они не послушали Его*; когда *простиралъ къ нимъ руцѣ свои, и они отвращали лице свое отъ Него*; (Иса. 65, 12. 2. 3, 10.) то сколько имѣютъ они причинъ опасаться, *что они снѣдятъ путей своихъ плоды, и*

своего нечестія насытятся; что Онъ посмѣется ихъ погибели, порадуется егда пріидетъ ихъ пагуба! (Притч. 1, 24. 26.)

Но самая утѣшительная мысль, могущая родиться въ душѣ въ годину искушенія, есть увѣренность въ благости Того, кто управляетъ вселенною. Во всѣ времена Богопочитаніе подавало добродѣтельнымъ нѣкую мѣру сего утѣшенія. Но возвести оное до высочайшей степени совершенства предоставлено Откровенію Христіанскому. Ибо ближайшая цѣль сего Откровенія есть, дать человѣку сообразное съ его положеніемъ наставленіе и утѣшеніе, разсматривая его двояко: яко слабаго и виновнаго предъ очами Бога, и яко ратоборца, долженствующаго сражаться съ бѣдствіями міра. Касательно перваго обстоятельства, оно открываетъ ему Ходатая и примиреніе; касательно послѣдняго, обѣщаетъ Духа благодати и утѣшенія. Оно содержитъ въ себѣ совершенное врачевство противу душевныхъ скорбей и временныхъ озлобленій. Тажъ самая десница, которая подаетъ прощеніе кающе-

муся и подкрѣпленіе слабому, дарствуетъ утѣшеніе и надежду скорбящему.

Въ семъ отношеніи наипаче достойно вниманія нашего то, что Богъ никакого титла столь часто не присвояетъ себѣ въ Св. Писаніи, какъ титло заступника несчастныхъ. Милосердіе есть такое свойство Его существа, которое, предпочтительно всѣмъ другимъ, оно представило очамъ нашимъ въ многоразличныхъ чертахъ, дабы въ величіи своемъ примѣнить себя къ нашей слабости, и пріискреннѣ пещись о насъ въ скорбяхъ нашихъ. Богъ слышитъ всѣ моленія; но Св. Писаніе изобразуетъ Его внемлющимъ наипаче *къ воздыханіямъ окованныхъ.* (Псал. 101, 21. 9, 38.) Всѣми тварями своими управляетъ Онъ праведно и премудро; но преимущественно предоставляетъ Самому Себѣ, *творить судъ обидимымъ, защищать пришельца,* (Псал. 145, 7. 9.) *избавить убога, ему же не бѣ помощника, отъ руки врагъ, гонящихъ его.* (Псал. 71, 12. 30, 16. 34, 10.) *Страсти ради нищихъ и воздыханія убогихъ, нынѣ воскресну, глаголетъ Господь, положуся во спасеніе не*

обинюся о немъ. (Псал. 11, 6.) *Онъ есть Отецъ сирыхъ и судія едовицъ, въ мѣстѣ святѣмъ своемъ.* (Псал. 67, 6.) *Онъ возводитъ низверженныя, и изцѣляетъ сокрушенныя сердцемъ.* (Псал. 145, 8. 146, 3.) *Яко Той позна созданіе свое, помяну, яко персть есмы.* (Псал. 102, 14.) Естьли премудрость Его провидѣнія нужнымъ находитъ, посылать скорби на великое число своихъ тварей; то по крайней мѣрѣ обращаетъ на нихъ око милосердія. Онъ не гнушается являть себя прибѣжищемъ праведному и благочестивому; не гнушается призывать ихъ, да *во всѣхъ скорбѣхъ своихъ изливаютъ предъ Нимъ сердца свои.* (Псал. 61, 9.) Обстоятельства, которыя лишаютъ ихъ благорасположенія подобныхъ себѣ, суть тѣ обстоятельства, которыя наипаче воспламеняютъ Его къ нимъ любовь. Презрѣніе или уничиженіе міра не дѣлаетъ ихъ презрѣнными въ очахъ Его. Никакой мракъ не скрываетъ ихъ отъ Его взора; и хотя бы всѣми друзьями забвенны они были на землѣ; но Богъ помнитъ о нихъ на небеси. Онъ слышитъ даже *вздохъ, изшедшій* (Псал. 37, 10.) изъ глубины скорбящаго сердца, вздохъ, ко-

торому не внемлетъ ни одно человѣческое ухо. Онъ видитъ даже текущую изъ очей слезу, не примѣченную, или презираемую міромъ.

Таковыя понятія о Всевышнемъ Существѣ подаютъ всякому благочестивому сладчайшее утѣшеніе. Онѣ представляютъ промыслъ Его въ такомъ благопріятномъ видѣ, что легко разсѣваютъ мрачное облако, висящее надъ жизнію человѣческою. Праведникъ и дѣйствуетъ и страждетъ съ большею, противъ человѣческой, силою и терпѣніемъ, бывъ увѣренъ, что Всемогущій покровительствуетъ ему. Будучи озлобленъ, или угнетенъ міромъ, онъ обращаетъ взоръ свой къ Судіи, который *сотворитъ ему отъ гонящихъ его судъ*, (Псал. 118, 84.) призываетъ во свидѣтели Того, который вѣдаетъ его невинность, поручаетъ себя такому другу, который никогда не оставитъ его. Удрученъ ли онъ злобою людей? Благочестіе отверзаетъ ему то мирное убѣжище, гдѣ умолкнетъ смятеніе міра, убѣжище, гдѣ всѣ его скорби изчезнутъ въ блаженномъ забвеніи, убѣжище, гдѣ *нечестивіи утолятъ ярость гнѣва и почіютъ претру-*

жденіи тѣломъ. (Іов. 3, 17.) Тамо душа его получаетъ покой свой, утихаетъ волненіе страстей, и животворный елей изливается въ язвы сердечныя. Открывая сокровенную скорбь свою невидимому другу, которой не дерзалъ открыть онъ міру, получаетъ отраду сердцу своему. Онъ не чувствуетъ себя сирымъ, или оставленнымъ всѣми. Онъ увѣренъ, что Богъ его съ нимъ, что Святый Духъ внушаетъ ему сіи утѣшенія. Изъ *тайны селенія Господня,* въ которомъ, по выраженію Псалмопѣвца, *покры его Богъ,* (Псал. 27, 5.) онъ слышитъ исходящій гласъ: *Призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя. Не бойся, съ тобою бо есмь. Дерзай, яко Азъ есмь Богъ твой.* (Псал. 49, 15. 7.) И какъ онъ слышитъ гласъ, глаголющій токмо къ *чистымъ сердцемъ,* такъ равно видитъ и руку, которой не могутъ видѣть грѣшники. Онъ видитъ руку Всемогущаго, управляющаго всѣми сокровенными причинами и дѣйствіями вселенныя, и хотя непостижимымъ, но непогрѣшительнымъ вліяніемъ всѣ событія къ благополучію праведныхъ направляющаго. Бѣдствія, почитаемыя отъ другихъ вѣстниками

гнѣва Божескаго, въ его очахъ суть средства къ освященію и мудрости. Тамъ, гдѣ они не видятъ ничего, кромѣ ужасовъ бури, ихъ окружающихъ, тамъ просвѣщенный вѣрою взоръ его зритъ Ангела Господня, сѣдящаго на вихрѣ и управляющаго бурею. Вотъ отъ чего вкушаетъ онъ миръ, защищающій душу и сердце, миръ, котораго нигдѣ не обрѣтаемъ, какъ только подъ кровомъ Всемогущаго!

4. Благочестивые среди бѣдствій своихъ утѣшаютъ себя упованіемъ грядущаго блаженства; неимущіе же вѣры не только лишены сего упованія, но еще мучимы бываютъ ужасами, происходящими отъ помышленія о будущей жизни. Душа человѣческая никогда не можетъ быть совершенно свободна отъ страха въ разсужденіи судьбы своей по смерти. Бываютъ часы, въ которые помышленіе о вѣчности приводитъ въ трепетъ самыхъ благополучнѣйшихъ среди ихъ веселія. Но когда сіи веселія начнутъ изчезать одно за другимъ; когда жизнь измѣняетъ лице свое и дѣлается мрачною и унылою; когда превратности оной и самымъ

неразсудительнымъ людямъ преднапоминаютъ, что все, столь перемѣнчивое, скоро навсегда изчезнетъ: ахъ! сколь сильно поражаетъ тогда сердце сей важный вопросъ: куда, въ какой міръ мы преселимся теперь? — Коль злополученъ человѣкъ, который и среди самыхъ ужасовъ бѣдствія, погружается въ сомнѣніе о событіи, столь для него важномъ; который, волнуясь въ недоумѣніи и страхѣ, и приближась къ предѣлу, отдѣляющему міръ настоящій отъ будущаго, трепещетъ при мрачномъ пути, ему предлежащемъ, который желаетъ существовать по смерти, и страшится сего существованія; который хватается за всякую ложную надежду, вкушаемую суевѣріемъ, и, въ то же мгновеніе, содрогается отъ воспоминанія о своихъ беззаконіяхъ!

Но да будетъ *благословенъ Богъ, возсіявый жизнь и нетлѣніе благовѣствованіемъ*, Богъ, не токмо *возсіявый, но и соблюдый оныя* для праведныхъ; Богъ, *смертію и воскресеніемъ Іисусъ Христовымъ отъ мертвыхъ порождей ихъ во упованіе живо, въ наслѣдіе нетлѣнно, и нескверно, и неувя-*

даемо на небесѣхъ насъ ради! (2 Тим. 1, 10. 1 Петр. 1, 3. 4.) Праведно въ Св. Писаніи названо сіе упованіе *твердою и извѣстною котвою* (якоремъ) *души*. (Евр. 6, 19.) Ибо что котва для корабля въ мрачную ночь въ неизвѣстной странѣ при брегахъ бурнаго океана, то же самое есть упованіе для души, обуреваемой волнами житейскими: оно въ опасности ободряетъ его; среди всеобщаго волненія доставляетъ твердую и постоянную подпору. Оно, по истинѣ, есть величайшее изъ всѣхъ благъ, ниспосылаемыхъ Вѣрою, въ настоящей жизни: разсудите только о сильномъ вліяніи упованія на сердце человѣческое. Упованіе есть общій утѣшитель. Оно есть движитель всякой дѣятельности. Люди непрерывно помышляютъ о томъ, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ. Одушевленные чаяніемъ какого либо отдаленнаго блага, они трудятся и страждутъ во все теченіе жизни. Не столько настоящее положеніе, сколько чаяніе будущаго, лучшаго благоденствія, даетъ жизнь ихъ дѣятельности, утверждаетъ вниманіе и возбуждаетъ тщательность. И такъ есть-ли въ обыкновенныхъ дѣлахъ вѣка сего то-

ликую имѣетъ силу упованіе, когда и самый предметъ его и не заслуживаетъ полнаго уваженія, и не раждаетъ полной благонадежности; то какихъ не можно ожидать отъ него дѣйствій, когда оно имѣетъ предъ очами предметъ столь высокій, каковъ есть жизнь вѣчнаго блаженства? Когда упованіе сіе подкрѣпляется совершенною увѣренностію, каковой требуетъ Христіанская Вѣра; тогда, по истинѣ, оно не только *облегчаетъ*, но и совершенно истребляетъ всякое человѣческое бѣдствіе; изгоняетъ неудовольствіе, отвращаетъ печаль, и полагаетъ конецъ самому чувствованію скорби.

Но положимъ, что человѣкъ немощенъ, что его несовершенства уменьшаютъ и ослабляютъ дѣйствіе Христіанскихъ правилъ; однако не увѣряетъ ли насъ опытъ, что чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на человѣка добродѣтельнаго упованіе небеснаго блаженства, тѣмъ болѣе онъ будетъ не токмо спокоенъ въ злостраданіяхъ, но и блаженъ въ сравненіи съ тѣми, кои лишены сего утѣшенія? Подлинно, что возможетъ устрашить, не говоря уже одолѣть духъ человѣ-

ка, который на все земное взираешъ съ высоты, толико надъ онымъ превознесенной? Онъ шествуешъ въ міръ блаженнѣйшій. Какія бы озлобленія ни встрѣчались на пути семъ; онъ съ окончаніемъ каждодневнаго странствія получаетъ новое увѣреніе, что онъ непрестанно болѣе и болѣе приближается ко времени успокоенія и блаженства. И такъ сражайся—и ты восторжествуешъ: мужайся—и ты успѣешъ. Година искушенія скоро прейдетъ. Тебѣ уготована обитель на небеси. Успокоеніе среди избранныхъ Божіихъ ожидаетъ тебя. Скоро престанутъ нестроенія, введенныя беззаконіемъ въ творенія Божіи; скоро отерты будутъ слезы съ очей праведныхъ. Непоколебимая увѣренность, что всѣ мученія и всѣ суеты житейскія воспріимутъ сей счастливый конецъ, производитъ бо̀льшее дѣйствіе на Христіанина честнаго, хотя и некнижнаго, нежели сколько всѣ тонкости мудрости человѣческой могутъ подѣйствовать на самаго ученнѣйшаго, но безъ вѣры, человѣка. Земная мудрость, можетъ быть, удовлетворитъ духу, свободному отъ печали и заботъ временныхъ; она, можетъ быть, утолитъ

легкую сердца скорбь; но когда оно уязвлено жестоко, глубоко, когда лишается лучшихъ, пріятнѣйшихъ своихъ удовольствій; тогда единственное утѣшеніе, могущее ободрить его, проистекаетъ отъ ожиданія лучшаго міра, гдѣ сіи радости паки возобновятся, гдѣ всѣ добродѣтельные предстанутъ предъ Создавшаго ихъ. Таковая надежда разсѣваетъ мрачное отчаяніе, и развѣ оставляетъ въ душѣ только ту тихую задумчивость, которая услаждаетъ сердце, и не рѣдко содѣлываетъ человѣка чувствительнѣе, и потому любезнѣе.

Таковы пособія, Вѣрою благочестно живущимъ подаемыя! Она предварительнымъ своимъ руководствомъ пріуготовляетъ ихъ къ перенесенію бѣдствій. Она успокоиваетъ ихъ свидѣтельствомъ доброй совѣсти; чувствованіемъ благодати Божіей подкрѣпляетъ, и услаждаетъ упованіемъ небеснаго царствія, когда уже никакой надежды не остается для нихъ на землѣ. Когда Богъ являетъ преимущественно предъ прочими вѣрнымъ рабамъ своимъ таковыя благодѣянія; то симъ не точно ли указуется, что Онъ прости-

раетъ надъ ними *покровъ свой*, подъ коимъ *скрываетъ ихъ въ день золъ?* Но Онъ не токмо созидаетъ для нихъ *селеніе свое въ пустыни;* Онъ еще, нѣкоторымъ образомъ, измѣняетъ окрестъ ихъ лице земли. Приведемъ высокія выраженія Пророка Исаіи: *Проторжеся,* говоритъ онъ, *вода въ пустыни, и дебрь въ земли жаждущей; и безводная будутъ во езера; и на жаждущей земли источникъ водный будетъ. И вмѣсто драчія взыдетъ кипарисъ, и вмѣсто крапивы взыдетъ мирсина: Тамо будетъ, вмѣсто селенія зміевъ, веселіе птицамъ, и селитва трости, и лози.* (Иса. 35, 6. 55, 13.)

Истины, здѣсь нами изложенныя, ведутъ къ заключенію, сколь необходимому, столь и важному. Постщимся тако вести жизнь свою, чтобъ содѣлаться достойными, почерпать изъ Вѣры таковыя утѣшенія. Всѣ люди признаютъ дѣйствіе и силу сихъ утѣшеній. Ибо коль скоро постигаютъ ихъ бѣдствія, они тотчасъ прибѣгаютъ къ Вѣрѣ. Во всѣ времена она была всеобщимъ убѣжищемъ; куда юный и старецъ, сильный и слабый, буй и

премудръ, притекали, когда уже нигдѣ болѣе не могли обрѣсти успокоенія утружденному духу, или уязвленному сердцу. Но изъ толикаго множества притекающихъ къ святилищу Вѣры для утоленія скорби сколь немногіе имѣютъ право приближиться къ сему священному источнику утѣшенія! Коль слабы основанія, на коихъ утверждаются ихъ надежды и ихъ мнимыя права! Какое суевѣріе вкрадывается въ ту вѣру, къ которой приводятъ только бѣдствія и страхъ!— Вы должны сперва познать въ ней путеводительницу жизни, и тогда уже притекать къ ней, яко къ защитницѣ скорбящихъ. Вы должны напередъ покорить себя священнымъ ея законамъ, и испытать благоспѣющее ея вліяніе, и потомъ уже ожидать утѣшительныхъ ея дѣйствій. Вамъ надлежитъ сохранить свидѣтельство чистой совѣсти и миръ съ Богомъ о Христѣ Іисусѣ; а безъ того, *егда пріидутъ рѣки, и снидетъ дождь, и возвѣютъ вѣтры, храмина,* въ коей вы мнили обрѣсти себѣ безопасное убѣжище, *явится храминою на пескѣ, а не на камени, созданною.* (Мат. 7, 22—27.)

Есть два пути, и только сіи два, которые всякой человѣкъ можетъ избирать для странствія своего среди опасностей и бѣдствій житейскихъ. Одинъ есть путь мудрости вѣка сего; другой—совершенной преданности совѣсти. Шествующіе по первому пути пренебрегаютъ правила благочестія, и ввѣряютъ себя въ защиту своей мудрости и своихъ силъ. Они хватаются за всѣ выгоды, имъ представляемыя познаніемъ свѣта. Не уважая ничего, кромѣ того, что находятъ для себя полезнымъ, и не бывъ удерживаемы совѣстію, позволяютъ себѣ всѣ средства, обѣщающія счастливый успѣхъ. Сей однако путь, хотя и весьма часто избираютъ его, при первомъ опытѣ окажется ложнымъ и обманчивымъ. Человѣческая мудрость не можетъ противустоять сильнымъ и непредвидимымъ превратностямъ міра сего. Когда сіи потоки разливаются во всей силѣ своей, тогда мгновенно разрушаютъ всѣ оплоты, мудростію вѣка сего для защиты сооруженные. Тогда мудрый и буй подвергаются равной участи. Между тѣмъ, таковые люди осуждаютъ сами себя на жизнь толико мятежную. Они провождаютъ дни

свои въ непрерывномъ безпокойствѣ. Они обращаютъ вниманіе на легчайшій шорохъ, трепещутъ отъ малѣйшаго шума, и при каждой новой встрѣчѣ перемѣняютъ свои намѣренія. Но, когда бѣдствіе вторгнется во всѣ ограды ихъ, тогда они остаются безъ всякой надежды и утѣшенія.

Напротивъ путь, Вѣрою указуемый, путь гораздо славнѣйшій, гораздо удобнѣйшій для приведенія къ благоденствію, есть сей: исполнять во всякомъ случаѣ свой долгъ, а послѣдующее поручать Богу. Желающій шествовать путемъ симъ да возметъ правиломъ своей жизни сіе Псалмопѣвца увѣщаніе: *Уповай на Господа и твори благостыню.* (Псал. 36, 3.) Со смиреннымъ упованіемъ на Бога да соединитъ непоколебимую правоту сердца. Св. Вѣра да возродитъ въ немъ силу и крѣпость къ исполненію его обязанностей. Да не знаетъ онъ инаго пути, кромѣ пути правды и истины. Въ самыя бѣдственныя минуты жизни да не вопрошаетъ онъ ни о чемъ болѣе, какъ токмо *елика суть истина, елика честна, елика доброхвальна*; какъ онъ долженъ дѣй-

ствовать, будучи человѣкомъ и Христіаниномъ. И естьли совѣсть ни въ чемъ не обвиняетъ его, то да *поручитъ путь свой Господеви.* (Псал. 36, 5.) Да подвизается неослабно въ исполненіи своего служенія, зная совершенно, что хотя бы міръ и содѣлалъ его несчастнымъ, но никогда не поработитъ его себѣ, и будучи увѣренъ твердо, что во всемъ, чего Богъ и совѣсть отъ него требуютъ, дѣйствовать, или страдать, Богъ же и добрая совѣсть подкрѣпятъ его. — Таковыя правила составляютъ самый надежный оплотъ противу превратностей человѣческаго жребія. Онѣ служатъ щитомъ душевному спокойствію. Кто такъ мыслитъ, и такъ дѣйствуетъ, того не постигнутъ никакія раны, коихъ бы Вѣра не изцѣлила. Онъ хотя будетъ чувствовать удары злополучія, но никогда не познаетъ болѣзни сердечной.

XIX.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

(сообщено.)

Равви, Ты еси Сынъ Божій, Ты еси Царь Израилевъ. Іоан. 1, 49.

Встрѣча Іисуса Христа съ Наѳанаиломъ, описанная въ нынѣ чтенномъ Евангеліи, есть, такъ сказать, встрѣча живой вѣры съ колеблющимся сомнѣніемъ. Сомнѣніе, любящее мракъ, полагало, что оно ни для кого непроницаемо: *Како мя знаеши?* (Іоан. 1, 48.) Всепросвѣщающая вѣра открываетъ въ немъ то, чего оно въ самомъ себѣ никогда не примѣчало — тайную расположенность къ истинѣ, помрачаемую предразсудками: *Се воистинну Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть,* (Іоан. 1, 47.) Сомнѣніе, предубѣжденное противъ истины, предварительно хотѣло уже произнесть приговоръ надъ вѣрою: *Отъ Назарета можетъ ли что добро быти?* (Іоан. 1, 46.) Вѣра, нисходя къ слабости его, мгновенно возне-

сипъ его съ собою на высоту истиннаго Боговѣдѣнія, и принуждаетъ воскликнуть: *Равви, Ты еси Сынъ Божій, Ты еси Царь Израилевъ.* Побѣжденное сомнѣніе мнило быть довольнымъ уже тѣмъ, что обрѣло вѣру: торжествующая вѣра обѣщаетъ ему болѣе свѣта, нежели сколько оно могло желать: *Вѣруеши; больша сихъ узриши.* (Іоан. 1, 50.)

Такъ и всегда небесная вѣра срѣтаетъ наши сомнѣнія, наше невѣріе. Естьли только мы, оставивъ ослѣпляющіе нашъ умъ предразсудки, углубляемся надлежащимъ образомъ въ то, что кажется намъ непостижимымъ въ Религіи: то вскорѣ находимъ себя, подобно Наѳанаилу, въ святой необходимости воскликнуть: *Равви, Ты еси Сынъ Божій, ты еси Царь Израилевъ.* Настоящее торжество Церкви что̀ другое есть, какъ не подобное торжество вѣры надъ невѣріемъ? Аріи, Македоніи, Савелліи, всѣ, кои остались упорными въ той мысли, что отъ Назарета не можетъ добро быти, что одинъ ихъ умъ есть учитель истины, посрамлены, низложены, положены въ примѣръ

людей, отверженныхъ Богомъ и Церковію. Напротивъ тѣ, кои подобно Наѳанаилу, познаютъ слабость своего ума, подчиняютъ себя водительству вѣры,—прославляются и ублажаются Церковію, какъ вѣрные ея чада, истинные наслѣдники обѣтованій небесныхъ.

Возблагодаримъ Господа, Слушатели, что мы отъ самаго младенчества напоены млекомъ православнаго ученія, что намъ при самомъ крещеніи врученъ залогъ истинной вѣры. Но дабы сей драгоцѣнный залогъ неостался недѣйствительнымъ по причинѣ превратнаго употребленія онаго, не безполезно будетъ намъ при настоящемъ торжествѣ вѣры надъ невѣріемъ вникнуть размышленіемъ въ самое существо истинной вѣры.

Вѣра, по изъясненію Св. Апостола Павла, *есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ,* (Евр. 11, 1.) то есть, вѣра есть осуществленіе ожидаемаго, увѣренность въ невидимомъ.

1. *Вѣра есть осуществленіе ожидаемаго.* Такъ, величественная цѣль, къ коей ведетъ вѣра, сокрыта еще въ будущемъ. Царство Божіе, гдѣ долженъ успокоиться безсмертный духъ нашъ, еще не разкрылось: мы еще молимъ о его пришествіи. До того времени, пока исполнится великое *чаяніе откровенія сыновъ Божіихъ,* (Рим. 8, 19) еще многое должно совершиться; должны *небеса съ шумомъ прейти, всѣ стихіи разорить-ся, земля и дѣла, яже на ней, сгорѣть;* должны явиться *небо ново и земля нова,* (2 Петр. 3, 10. 13.) должны быть запечатлѣны сонмы избранныхъ Божіихъ, (Апок. 7, 3.) царство тьмы, въ лицѣ Антихриста, должно сразиться окончательно съ царствомъ свѣта. Такъ, мы еще спасаемся *упованіемъ*! (Рим. 8, 24.)

Впрочемъ сіе упованіе не есть праздное ожиданіе того, что намъ обѣщано. Вѣра не есть одно умственное признаніе за истину того, что намъ предлагается *для* вѣрованія; она есть осуществленіе ожидаемаго; въ ней, какъ въ сѣмени, уже заключается цѣлое древо жизни. Въ душѣ вѣрующаго на-

ходится уже въ сокращенномъ видѣ все то, что должно въ ней нѣкогда раскрыться. Вѣрующему обѣщано узрѣть Бога лицемъ къ лицу: но онъ и здѣсь въ чистой совѣсти своей уже зритъ святый ликъ Божества, зритъ не совершенно, яко въ гаданіи, (1 Кор. 13, 12.) но такъ, какъ не зрятъ его всѣ мудрые вѣка сего, которые мнятъ обнять Безконечнаго своимъ разумомъ. Вѣрующему обѣщано то, чего око не видало, ухо не слыхало и что на сердце не приходило; (1 Кор. 2, 9.) но и здѣсь уже онъ наслаждается симъ; ибо наслаждается неизглаголанными утѣшеніями Духа Святаго, которыя для плотскаго человѣка кажутся юродствомъ. Вѣрующему обѣщано, что онъ будетъ судить міръ; но онъ и здѣсь *вся востязуетъ, самъ же ни отъ кого не востязуется.* (ст. 14, 15. 6, 2.) По сему всякъ, кто хочетъ быть, а не называться только вѣрующимъ, долженъ посредствомъ преспѣянія въ въ добродѣтели *осуществлять* въ себѣ *надежду* живота вѣчнаго.

Отецъ семейства! Благо тебѣ, ежели благословеніе Божіе, привлекаемое благоче-

стіемъ твоимъ, пребываетъ въ дому твоемъ: но ежели чада твои, не направленныя на путь правды собственнымъ твоимъ примѣромъ, взвѣсили и изчислили всѣ краты твоихъ многоцѣнныхъ бисеровъ, для того, чтобы послѣ тебя удобнѣе раздѣлить ихъ; то не надѣйся—вѣра твоя не есть извѣщеніе уповаемыхъ.—Пастыри словеснаго стада! Благо вамъ, ежели овцы ваши слушаютъ вашего гласа, и вы знаете ихъ, и грядутъ онѣ въ слѣдъ васъ: но ежели въ пустыняхъ сердецъ ихъ вопіетъ гласъ: *Вся елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите, по дѣломъ же ихъ не творите*; (Матѳ. 23, 3.) то не надѣйтесь—вѣра ваша не есть извѣщеніе уповаемыхъ.—Начальники и судіи! Благо вамъ, ежели правда ваша есть правда Божія: но ежели ввѣренные вашему смотрѣнію принуждены будутъ прибѣгать къ Отцу сирыхъ и Судіи вдовицъ, и праведно требовать у Него себѣ отмщенія: то не надѣйтесь—вѣра ваша не есть извѣщеніе уповаемыхъ. Сынъ чести и достоинства! Благо тебѣ, ежели ты получаешь почести и отличія единственно съ тѣмъ, чтобы быть всѣмъ слугою; (Марк. 10, 43. 44.)

но ежели ты достигъ оныхъ не прямымъ путемъ, то, вознесшись до небесъ, до ада снидеши,—вѣра твоя не есть извѣщеніе уповаемыхъ.

Возлюбленіи, аще сердце наше не зазритъ намъ, дерзновеніе имамы къ Богу, и его же аще просимъ, пріемлемъ отъ Него, яко заповѣди Его соблюдаемъ, и угодная предъ Нимъ творимъ. И сія есть заповѣдь Его, да вѣруемъ во имя Сына Его Іисуса Христа, и любимъ другъ друга: (1 Іоан. 3, 21—23.) вотъ слова возлюбленнѣйшаго изъ учениковъ Спасителя нашего! Вотъ слова и проповѣдь, состоящая *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы!* (1 Кор. 2, 4.)

2. *Вѣра есть удостовѣреніе въ невидимомъ.* Такъ, величественные предметы вѣры невидимы; гдѣ познаніе, тамъ нѣтъ вѣры. Кто видѣлъ Бога? Кто знаетъ волю Его.—Но мы вѣримъ, что Онъ есть, (Евр. 11, 6.) что Его воля есть святость наша. (1 Сол. 4, 3.) Почему? *Единородный Сынъ,*

сый во лонѣ Отчи, Той исповѣда. (Іоан. 1. 18.) Кто видѣлъ, что Адамъ палъ, что въ немъ пало человѣчество, что въ слѣдствіе сего паденія мы подлежимъ вѣчной погибели? Но мы вѣримъ сему: ибо Слово Божіе говоритъ: *Единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша.* (Рим. 5, 12.) Кто видитъ, какъ въ купѣли крещенія омывается первобытная скверна грѣха кровію Іисуса Христа? Однако мы вѣримъ сему: ибо Самъ Духъ Божій говоритъ, что *ни едино нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ*; что мы спогребаемся въ крещеніи Христу, *да яко же Онъ воста отъ мертвыхъ, тако и мы въ обновленіи жизни да ходимъ.* (Рим. 8, 1. 4.) Кто видитъ, что ожидаетъ человѣка за гробомъ? Однако же мы вѣримъ, что праведные будутъ награждены, а злые наказаны; ибо читаемъ въ Св. Писаніи, что тѣ *идутъ въ животъ вѣчный, а сіи въ муку вѣчную.*—(Матѳ. 25, 46.)

Такъ, вѣра не только обращается около невидимаго, но и человѣка обращаетъ отъ

видимаго къ невидимому. *Не смотряющимъ намъ*, говоритъ Апостолъ, *видимыхъ, но невидимыхъ.* (2 Кор. 4, 18.) Истинно вѣрующій не заключаетъ своего благочестія во внѣшнихъ дѣлахъ набожности, но старается *поклоняться Отцу духомъ и истиною*; ибо знаетъ, что *Отецъ ищетъ таковыхъ поклонниковъ.* (Іоан. 4, 23.) Онъ возносится умомъ превыше всего временнаго; входитъ въ сообщество съ праведниками всѣхъ мѣстъ и временъ; ибо духъ вѣры всегда одинъ и тотъ-же, тотъ же въ Ветхозавѣтныхъ Праведникахъ, какой и въ Новозавѣтныхъ Святыхъ.

Однако же не рѣдко случается слышать разговоры о старой и новой вѣрѣ. Христіане, будучи созданы Единымъ и изъ единыя персти, и, по отношенію къ земному отечеству нашему, соотечественники наши не хотятъ имѣть общенія съ нами, и отвергаются единенія вѣры, основываясь на какихъ-то предубѣжденіяхъ . . . . Кто бы ты ни былъ, Христіанинъ, скажи мнѣ, въ чемъ состоитъ та вѣра, *ею же Авель множайшую жертву, паче Каина, принесе Богу* —

Ею же *Енохъ преложенъ бысть?*—Ею же *Ное осуди весь міръ, и правды, яже по вѣрѣ,* содѣлался *наслѣдникомъ?*—Скажи мнѣ, въ чемъ состояла вѣра Отца вѣрующихъ?—Въ чемъ состояла вѣра тѣхъ, *иже вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія, заградиша уста львовъ, угасиша силу огненную, быша крѣпцы во бранѣхъ, обратиша въ бѣгство полки чуждихъ*—тѣхъ, *ихже не бѣ достоинъ весь міръ?* ... (Евр. гл. 11.) Но для чего намъ о вѣрѣ состязаться? Можетъ быть, многіе изъ насъ, ежели воспомянутъ о прошедшемъ и поразмыслятъ о будущемъ, съ трепетомъ воскликнутъ: Господи! даждь намъ вѣру! (Лук. 17, 5.)

Христіанинъ! ежели Духъ Іисуса Христа тихо помаваетъ въ храмѣ сердца твоего, ежели ты съ сыновнимъ страхомъ и любовію можешь сказать Богу, сотворшему тебя: *Авва Отче!* то ты имѣешь вѣру. Но ежели безъ ужаса не можешь даже заглянуть въ твое сердце, ежели въ рѣдкія минуты пробужденія твоего, ты токмо ощущаешь скорбь и тѣсноту, ежели гласъ во-

тиющей совѣсти ты спѣшишь заглушить дѣлами нечестія и разврата: то страшись произносить святое имя вѣры. Богъ, ревнитель своея славы, уготовавшій неизреченную радость, покой и блаженство любящимъ Его, обличитъ и осудитъ тебя паче невѣрныхъ.

Будемъ, Христіане, свидѣтельствовать вѣру свою благими дѣлами, которыя однѣ даютъ ей жизнь; (Іак. 2, 26.) будемъ возноситься умомъ и сердцемъ къ невидимымъ предметамъ упованія нашего, отвращаясь отъ видимыхъ суетъ; будемъ искать вѣры не въ какихъ нибудь книгахъ, различаемыхъ по времени, а въ вѣчномъ Евангеліи Іисуса Христа; будемъ вѣровать и любить Бога и ближняго. Ибо и вѣра нѣкогда должна будетъ упраздниться, когда, то есть, мы узримъ Того, въ кого нынѣ вѣруемъ, а останется одна любовь.

Господи! даждь намъ вѣру; ибо она не отъ насъ, а Твой есть даръ; но вкупѣ съ вѣрою подаждь и любовь, дабы мы и умомъ и

сердцемъ были совершенны во всемъ, подобясь Тебѣ, Источнику всякаго совершенства. Аминь.

XX.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ВАІЙ

(сообщено.)

Рцыте дщери Сіоновѣ, се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ. Матѳ. 21, 5.

Сама дщерь Сіонова должна была возвѣщать, сама должна была проповѣдывать другимъ о вожделѣнномъ пришествіи къ себѣ кроткаго Царя. Ибо кто лучше ея могъ знать сего Царя? Не одна ли она изъ всѣхъ народовъ земли была Имъ избрана для храненія въ себѣ сего познанія? И о чемъ могла знать лучше, какъ не о Его кротости, которой видѣла вѣрныя прообразованія въ кроткихъ Давидахъ и миролюбивыхъ Соломонахъ; о которой слышала ясныя пророчества, возвѣщавшія о Немъ или какъ о *Князѣ*, у котораго *мира нѣсть предѣла*, (Иса. 9, 7.) или какъ о *отрокѣ*, который *не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіяхъ гласа Его, трости сокрушенны не преломитъ и лена внем-*

*

шася не угасить, (Иса. 42, 2. 3.) или какъ о *овчатѣ на заколеніе ведомомъ и объ агнцѣ предъ стригущимъ его безгласномъ;* (Иса. 53, 7.) которую наконецъ дознавала непрестанными опытами, когда Онъ, не смотря на ея строптивость и вѣроломство, (Втор. 32, 5.) поступалъ съ нею, какъ съ возлюбленнымъ вертоградомъ, вожделѣнною частію и достояніемъ, (Іерем. 12, 10.) первородною дщерію, (Исх. 4, 22.) какъ съ зѣницею ока своего, (Втор. 32, 10.) возлюбленною душею, (Іерем. 12, 7.) которую Онъ не могъ отвергнуть, какъ не могъ разорить завѣта, положеннаго имъ съ днемъ и нощію, съ небомъ и землею. *Аще вознесется небо на высоту,* говоритъ Онъ Самъ, *и аще смирится исподъ земли низу, и Азъ не отвергу рода Исраилева о всѣхъ, яже сотвориша.* (Іерем. 31, 35.) И такъ не должна ли была, повторяю, сама дщерь Сіонова въ восторгѣ возвѣщать всѣмъ племенамъ земнымъ о столь кроткомъ Царѣ своемъ, грядущемъ къ ней для того, чтобы явить ей еще новымъ, высочайшимъ образомъ сію кротость? Къ тому побуждалъ ее и Духъ Святый чрезъ Пророковъ, Софонію

и Захарію. *Радуйся*, взывалъ Онъ къ ней устами ихъ, *радуйся зѣло, дщи Сіоня, проповѣдуй дщи Іерусалимля: се Царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаяй, Той кротокъ*. (Захар. 9, 9. Соф. 3, 14.)

Но тотъ же Духъ иное даетъ провидѣть Исаіи; иное возвѣщаетъ его гласомъ. *Рцыте*, говоритъ Онъ, *дщери Сіоновѣ: се Спаситель твой грядетъ*. (Иса. 62, 11.) Совокупите свои гласы всѣ народы, всѣ царства вселенныя; возопій вся земля въ слухъ дщери Сіоновой: *Се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ*. Ахъ! ужели у той, которая сама должна была оглашать вселенную своею трубою, у сей возлюбленной души столь тяжелъ слухъ, что для внушенія одного слова нуженъ столь многосложный и крѣпкій гласъ? Ужели и столь крѣпкій гласъ не внятенъ для сего слуха?

Но не будемъ укорять дщерь Сіонову въ невнимательности. Было время, когда и наши уши тяжко слышали, и, можетъ быть, для многихъ оно и нынѣ есть. А время уже не слухомъ только слушать о кроткомъ

пришествіи къ намъ Царя нашего, но и разумѣть его сердцемъ; не слышать только, что Онъ кротокъ, но и научиться отъ Него кротости.

Іисусъ Христосъ Самъ своимъ примѣромъ побуждаетъ насъ къ сей кротости для нашего же блаженства. И какого блаженства? *Блажени*, говоритъ Онъ, *кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю*; (Матѳ. 5, 5.) слѣдственно блаженства царскаго, пренебеснаго. Ибо обладать землями принадлежитъ Царямъ; а поелику и Цари, обладающіе землею, не всегда почитаютъ себя счастливыми: то блаженство, которое обѣщаетъ Онъ кроткимъ, должно быть выше и больше земнаго,

Во первыхъ кротость дѣлаетъ человѣка владыкою въ обширной области собственнаго его сердца, поражая и истребляя враждебное ему полчище страстей, Что сіе обладаніе болѣе значитъ обладанія земными царствами, въ томъ увѣряетъ насъ славнѣйшій изъ Царей земли. *Лучше*, говоритъ Соломонъ, *мужъ долготерпѣливъ, паче крѣпкаго; удержаваяй же гнѣвъ, паче вземлю-*

щаво градъ. (Притч. 16, 32.) А естьли *удержаніе* гнѣва лучше *взятія* града; то совершенное его истребленіе лучше завоеванія цѣлаго царства; умерщвленіе же всѣхъ страстей лучше пріобрѣтенія всего міра. *Ибо кая польза человѣку,* говоритъ Безстрастный, *аще міръ весь пріобрящетъ, и отщетитъ душу свою?* (Марк. 8, 36.) Страсти же дѣйствительно не тѣло только искажаютъ, но и погубляютъ душу.

„Воспламенился ли кто гнѣвомъ? Тотчасъ перестаетъ тотъ быть человѣкомъ въ очахъ истинныхъ Божіихъ человѣковъ, и дѣлается звѣремъ. Рыкаетъ какъ левъ; скрежещетъ зубами какъ вепрь; или лаетъ какъ песъ; скачетъ какъ скорпія; угрызаетъ какъ змій. Взоръ его пылаетъ огнемъ; власы какъ иглы подъемлются; гласъ исходитъ изъ гортани свирѣпый и дикій; изъ устъ, то дрожащихъ, то цѣпенѣющихъ, въ брызгахъ влаги стремится безъ порядка слово; руки ко всему простираются и ничего не удерживаютъ; словомъ: весь человѣкъ, какъ пламень отъ множества удобозгараемаго вещества, разжигается и представляетъ собою

страшное зрѣлище." (Вас. Велик. и Григ. Нисск.) Такъ гнѣвъ обезображиваетъ внѣшній видъ человѣка!

Но онъ обнажаетъ и душу отъ всего ея благолѣпія. Онъ и мудрость изъ нея изгоняетъ, (Притч. 15, 1.) поелику смущенный имъ умъ не можетъ видѣть, что, и въ какомъ порядкѣ должно дѣлать; онъ и правду погубляетъ, (Iак. 1, 20.) поелику раздраженный духъ почитаетъ правымъ только то, что внушаетъ ему его ярость и гнѣвъ; онъ и сокровище любви расхищаетъ, умертвивъ стража ея—смиреніе; онъ и благодать Духа Божія отъ нея отъемлетъ,—благодать, снисходящую только на кроткихъ. (Псал. 75, 10.) Словомъ: какъ скоро-движущійся жерновъ, говоритъ Iоаннъ Лѣствичникъ, (Степ. 8.) онъ въ малое время всю пшеницу душевную стираетъ и сокрушаетъ; или какъ разсвирѣпѣвшій пламень всю ниву добродѣтелями цвѣтущую попаляетъ. Какое опустошеніе земнаго царства можетъ сравниться съ симъ душевнымъ разореніемъ отъ лютаго гнѣва?

Но надъ симъ то врагомъ и торжествуетъ кротость. А поразивъ его, она и все, вооружающееся съ нимъ и за него, полчище разсѣеваетъ, полчище несмѣтное, неистовое, сильное, коварное, неутомимое. По истинѣ блаженны должны быть кроткіе, борющіеся противъ таковыхъ враговъ: по побѣдѣ надъ ними, они *обрящутъ покой душамъ своимъ*, какъ обѣщаетъ кротчайшій подвигоположникъ и вѣрный мздовоздаятель нашъ Іисусъ Христосъ; (Матѳ. 11, 29.) они *насладятся во множествѣ мира*, какъ увѣряетъ насъ вкусившій отъ сея сладости кроткій Царь Израильскій. (Псал. 36, 11.)

Другая область, надъ которою кротость даетъ власть человѣку, одинаковое носитъ на себѣ имя съ первою, но различается своими предѣлами, которые гораздо у сей обширнѣе. Ибо они объемлютъ не одно въ особенности взятое сердце, но и сердца другихъ людей. Не столько, говоритъ одинъ изъ мужей кроткихъ, (Вас. Вел.) свойственъ кому либо тѣлесный образъ, сколько Боголюбивой душѣ свойственъ миръ и кротость. По сему-то кроткій и самъ имѣетъ

естественное расположенiе къ другимъ, и другихъ къ себѣ невольно привлекаетъ, исполняя какъ бы благоуханнымъ миромъ приближающихся къ себѣ,

Учитъ ли онъ кого? Его благое слово даетъ благодать слышащимъ. Обличаетъ ли? Его обличенiе не прiемлется за укоренiе и брань. Увѣщеваетъ ли? Его увѣщанiя имѣютъ силу повелѣнiй. Повелѣваетъ ли? Его повелѣнiя не огорчаютъ. Исправляетъ ли? Не раздражаетъ. Утѣшаетъ ли? Проливаетъ миръ въ сердца утѣшаемыхъ.—Съ другой стороны въ немъ самомъ открывается несравненно большее влеченiе къ другимъ, не только къ добрымъ и кроткимъ, но и къ строптивымъ и злымъ, Естьли кто во гнѣвѣ своемъ его оскорбляетъ: онъ ярость того, какъ бы струю нѣкую, по выраженiю великаго Отца Церкви (Василiя), не прiемля въ сердце свое, молчанiемъ, какъ вѣтромъ отвѣваетъ. Злословитъ ли его кто? Онъ благословляетъ. Ударяетъ ли? Онъ терпитъ, Презираетъ ли, безчеститъ, уничижаетъ ли его другимъ какимъ либо образомъ? Онъ не смущается, молится, признавая себя достой-

нымъ не только большаго безславія и униниженія, но и всякаго мученія.—Кто устоитъ противъ таковой силы кротости? Не сею ли Господь нашъ Іисусъ Христосъ покорилъ грады и царства, и хощетъ возобладать и возобладаетъ надъ всѣми народами земли? Ибо, посылая учениковъ своихъ проповѣдать Евангеліе свое всей твари, Онъ не даетъ имъ другаго оружія, кромѣ мудрой кротости. *Се Азъ посылаю васъ,* говоритъ Онъ, *яко овцы посредѣ волковъ.* (Матѳ. 10, 16.)

Сколь блаженно сіе состояніе кротости, постигаютъ кроткіе, но описать его не могутъ. Они только въ восторгѣ взываютъ, какъ Великій Василій: „О сколь прекрасное зрѣлище! сколь честное и удивленія достойное, и едва не превосходящее человѣческое естество дѣло, премногого укоренному человѣку, а иногда удареніе въ ланиту пріявшему, и иная безчисленная претерпѣвшему отъ тѣхъ, которые и словомъ и дѣломъ приводятъ его въ крайнее безчестіе,—сколь великое дѣло не только не подвигнуться на отмщеніе; но еще кротко и безъ гнѣва по-

молиться о оскорбившемъ его, дабы и прежнее согрѣшеніе ему прощено было, и впредь подобающаго своего попеченія Богъ его удостоилъ!" Или какъ Давидъ: *Се что добро, или, что красно, но еже жити братіи вкупѣ!* Имъ даруетъ *Господь благословеніе и утвердитъ животъ до вѣка.* (Псал. 132, 1.3.)

Естьли сіе блаженство, доставляемое кротостію, неизъяснимо: то есть еще другое, которое для ума и непостижимо, и для самаго сердца, въ настоящей его жизни, невмѣстимо. Но тѣмъ не менѣе, а еще паче вожделѣнно. Ибо и одно желаніе его, одно упованіе его превышаетъ всякое другое блаженство.—Давидъ изъ пастыря овецъ сдѣлался великимъ Царемъ великаго царства, и не могъ имѣть недостатка ни въ какихъ благахъ, возможныхъ Царю: но ни сими, ни даже тѣми благами, которыя душѣ его доставляло владычество надъ собственнымъ сердцемъ и надъ сердцами другихъ, по дѣйствію кротости, онъ не почиталъ себя довольнымъ, но искалъ еще лучшаго, желалъ и надѣялся еще большаго блага. *Насыщуся,* говорилъ онъ, *внегда явитимися славѣ Тво-*

ей, Господи! (Псал. 16, 15.) *Вѣрую видѣти благая Господня на земли живыхъ.* (Псал. 26, 13.)

Замѣтимъ, Христіане, гдѣ Давидъ—сей другъ Божій, мужъ по сердцу Божію, конечно за свою кротость такъ названный,—гдѣ онъ уповаетъ видѣть блага, уготованныя его кротости. Не на стихійной землѣ, на которой все подвержно тлѣнію и разрушенію, но *на землѣ живыхъ*, на которой смерть ни тѣлесная, ни духовная не имѣетъ области; на которой путь грѣшниковъ не спѣется, и даже слѣда не зрится порока; по которой сѣющій плевелы не проводитъ бразды нечестія; которая не износитъ ни волчцевъ, ни тернія; на которой воды покойныя и мѣста злачныя; источникъ тамъ вѣчной жизни на всѣ страны обильно изливается; присно цвѣтетъ тамъ многоплодное древо безсмертія; виноградъ тамъ рукою всѣхъ высочайшаго Дѣлателя воздѣлывается; есть тамъ и градъ Царя, который незаходно освѣщается *Солнцемъ правды*, и о величіи котораго, красотѣ и славѣ, такъ какъ и всей оной пренебесной земли, много

многими говорено, но ни кѣмъ не изречено довольно. Естьли бы можно было взять лучи отъ солнца, чтобы начертать ими свѣтлость сего наслѣдія кроткихъ; то и тогда бы начертаніе предъ начертываемымъ было мрачнѣе, нежели какъ мрачны предъ свѣтомъ солнца бездны земли.

На таковой землѣ уповалъ Давидъ видѣть благая Господня! таковую часть даетъ Господь въ наслѣдіе и всѣмъ кроткимъ,—даетъ, то есть, Самаго Себя тѣмъ, которые Ему предаютъ всѣхъ себя. Ибо *на коего воззрю*, говоритъ Онъ, *токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ*? (Иса. 66, 2.) А гдѣ взоръ Господень, тамъ и весь Господь. Такъ, Моисей былъ кротокъ паче всѣхъ человѣкъ, и Богъ зрѣлъ его, и онъ зрѣлъ Бога ближе всѣхъ. Давидъ былъ кротокъ и *зрѣлъ Господа предъ собою выну*, (Псал. 15, 8.) и зналъ мѣсто пребыванія Господа въ себѣ; ибо говоритъ: *Въ мирѣ мѣсто Его*. (Псал. 75, 3.) Но скажетъ кто: и Илія ревнитель зрѣлъ Господа. Такъ; поелику онъ ревновалъ по Господѣ Вседержителѣ противъ злобы и нечестія, къ че-

му и всякъ кроткій обязуется, и безъ чего никто не можетъ быть истинно кроткимъ; однако же и онъ зрѣлъ Господа не въ вихрѣ, разоряющемъ горы и сокрушающемъ каменіе въ горѣ, не въ землетрясеніи и огнѣ, *а во гласѣ хлада тонка.* (3 Цар. 19, 11.)

Но возведемъ взоръ отъ кроткихъ человѣковъ къ Тому, который хощетъ, чтобы мы были кротчае самыхъ Ангеловъ, и потому Самаго Себя представляетъ намъ въ образецъ кротости: *Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь.* (Матѳ. 11, 29.) Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу; но уничижилъ Себя Самаго, принявъ образъ раба, содѣлавшись подобнымъ человѣкамъ, и по виду сталъ, какъ человѣкъ, смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной. По сему и Богъ Его превознесъ, и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. (Филип. 2, 6–10.)

Да будутъ и въ васъ, Христіане, увѣще-

ваетъ насъ Апостолъ, тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ. Всякая досада, ярость и гнѣвъ, крикъ и злорѣчіе, и всякая злоба должны быть удалены отъ васъ; но будьте другъ для друга добры и сострадательны, прощая другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ. (Ефес. 4, 31. 32.) Живите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ, и предалъ Себя Самаго за насъ. (Ефес. 5, 2.) *Кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ человѣкомъ. Господь близъ.* (Филип. 4, 5.) Онъ *вознесетъ кроткія во спасеніе.* (Псал. 149, 4.) Да будетъ слава Ему во вѣки. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

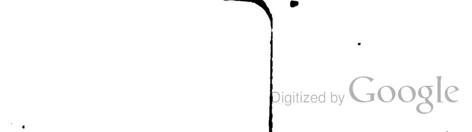
ОСЬМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

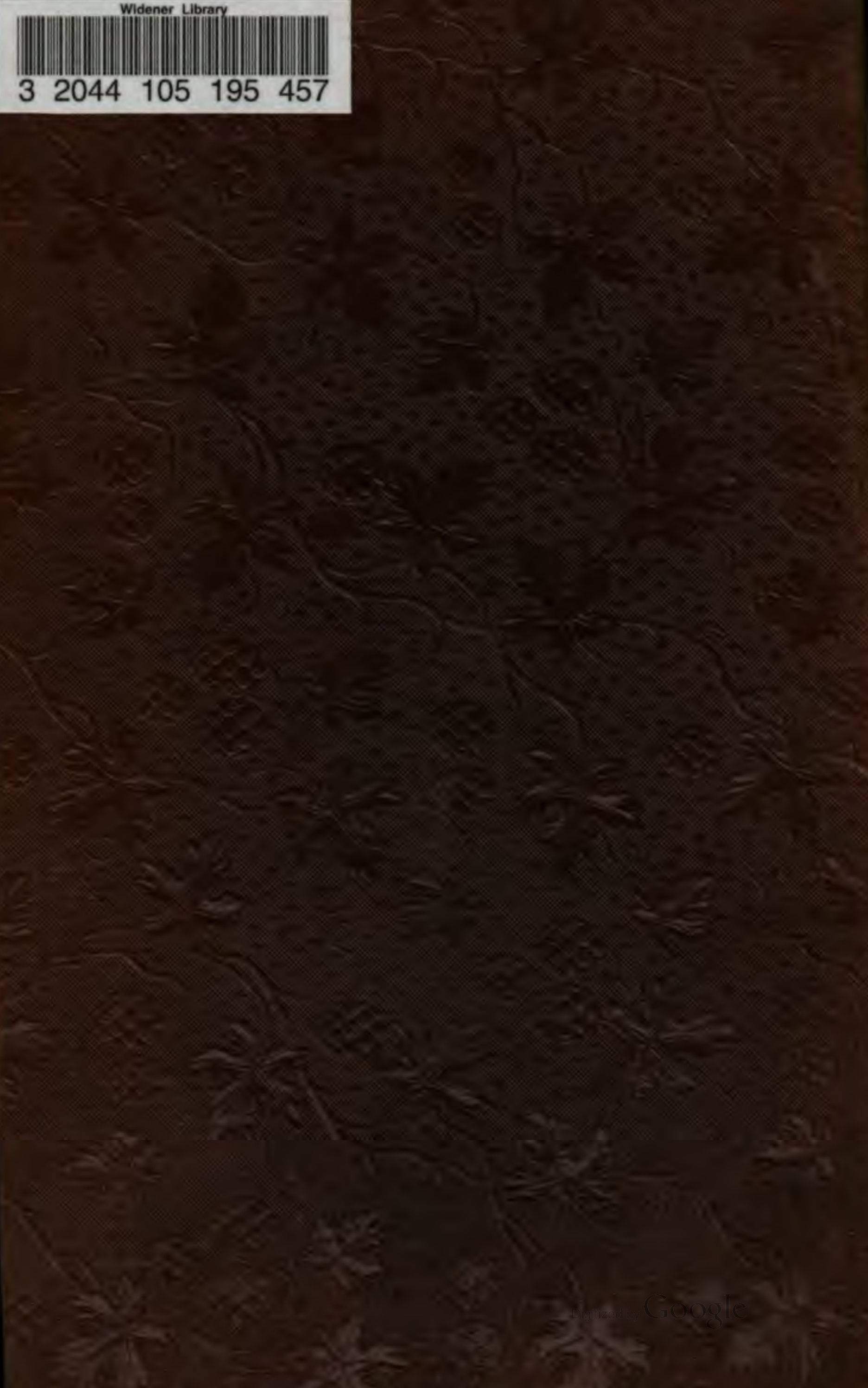
Стран.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ОСЬМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Напечатано:			*Читать должно:*
Стран.	Строк.		
64	8	впрудахъ	въ прудахъ
—	16	часшнаго	часшной
69	19	предположеніе	предложеніе
110	12	привилами	правилами
141	2	другіе?	другіе!
197	10	не	но
213	13	бедъ	безъ
237	10	быспрою	быспрошою
284	18	можежъ	можешъ
286	6	Іер. 33, 11.	Іез. 33, 11.




Widener Library
3 2044 105 195 457